АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ЭТИМОЛОГИЯ
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1976

Настоящий том ежегодника «Этимология» объединяет новейшие исследования в области этимологии. Большая часть статей посвящена проблемам славянской и русской этимологии, главным образом — конкретной этимологизации славянской и русской лексики. Заканчивается публикация Опыта словаря русских фамилий.

Э $\frac{0711\text{-}382}{042\,(02)\text{-}76}$ 375-76

СТАТЬИ

В. Н. Топоров

ΠΥΘΩΝ, *ÁHI BUDHNYÀ*, *БÀДЊĀК* и др.

Цель этой заметки — обосновать связь указанных трех слов друг с другом и предложить новое этимологическое решение, по крайней мере для двух из них, поскольку др.-греч. Πύθων и с.-хорв. *Бàдња̄к*, как правило, или объясняются неверно, или же вовсе остаются без объяснения. Если эта цель будет достигнута, то естественно возникнет возможность расширить семью этих слов за счет целого ряда других лексем, объясняемых пока ошибочно.

Предлагаемые здесь сопоставления с фонетической точки зрения элементарны и, если до сих пор они не были сделаны, то только потому, что не были видны семантические основания для таких сопоставлений. Тем не менее, и семантические основания достаточно очевидны, но искать их следует в надъязыковых знаковых системах, в данном случае — в универсальной мифологеме, действие которой приурочено к переходу от Старого Года к Новому Году, т. е. к той критической порубежной ситуации («наступили последние времена. . .», после чего времени уже не будет), когда в соответствии с циклической концепцией времени Космос возвращался к своему прежнему недифференцированному состоянию, к Хаосу, и особый ритуал перехода должен был заново воссоздать из Хаоса Космос со всеми этапами его становления (к типологии ср. «Энума элиш» и под.). К сожалению, ввиду краткости этой заметки, придется пожертвовать сколько-нибудь подробным изложением не только точных типологических параллелей, но и приведением мифологических и ритуальных оснований, объясняющих происхождение указанных слов в названных традициях.

Результаты, излагаемые ниже, являются дальнейшим развитием круга идей, касающихся реконструкции индоевропейской мифологемы о змée у корней мирового дерева, поражаемом огнем (и/или другим оружием Громовержца — топором, копьем, палицей и т. п.) [1]. Однако уже до этой работы было высказано предположение о том, что данные индо-иранской и эддической мифопоэти-

[1] Подробнее всего об этом см. В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. М., 1974 (в этой работе, между прочим, предлагается и объяснение происхождения с.-хорв. *Бàдња̄к* в сопоставлении с *Áhi Budhnyà*).

ческих традиций о змée у корней мирового дерева дают основание для рекострукции соответствующего индоевропейского мотива [2]. Эти свидетельства — несколько раз повторяющееся в «Старшей Эдде» указание на змея Нидхёгга у корней ясеня Иггдрасиля (ср. Grímnismál, 32, 34, 35 [3], отчасти Vǫluspá, 19, 39, 66 [4]), и все, что связано с *Áhi Budhnyà* в «Ригведе» (I, 186, 5; IV, 55, 6; VI, 49, 14; 50, 14; VII, 34, 16—17; 35, 13; 38, 5; X, 64, 4; 66, 11; 92, 12; 93, 5) и отчасти в более поздних текстах, а также некоторые более отдаленные параллели из «Бундахишна». Однако в исследованиях Стрёма и Дюмезиля опущены два весьма существенных аспекта: во-первых, не указан более общий контекст для мотива «змей у корней мирового дерева», а именно — поединок с Громовержцем и поражение змея, открывающее путь плодородию и богатству и, во-вторых, реконструкция не доведена до языкового уровня, и поэтому образ содержательно единого персонажа (змея) представлен в отдельных традициях р а з н ы м и именами, не сводимыми к общему языковому источнику. Сейчас эти лакуны можно надежно заполнить.

Удобнее всего начать с ведийского «Змея Глубин» — *Áhi Budhnyà*. В этом имени этимологически ясны обе части. Первая *áhi*- восходит к индоевропейскому названию змеи, известному во многих традициях с небольшими различиями, ср. авест. *aži*-, слав. *ǫžь*, др.-греч. ὄφις, ἔχις, лат. *anguis*, лит. *angìs*, тох. B *auk* и т. п. Вторая часть *budhnyà* представляет собой прилагательное от *budhná*- 'дно', 'основание', 'опора', 'нижняя часть', 'корень' [5]; откуда возможное понимание всего сочетания *Áhi Budhnyà*, как 'донный, глубинный змей' или же 'к о р н е в о й змей', что в точности соответствует названию мотива (см. выше), восстановленному совсем на других (не языковых) основаниях. Само слово *budhná*- сопоставляется с авест. *bŭna* 'основа', 'дно', 'опора', 'глубина' (арм. *bun*, то же, видимо, иранизм), др.-греч. πυθμήν 'дно', 'основание'; 'низ', 'нижняя часть'; 'стебель', 'ствол'; 'род', 'порождение', лат. *fundus* [6] 'дно', 'основание', 'земля', 'предел' (ср. Иггдра-

---

[2] См. A. V. S t r ö m. Indogermanisches in der Völuspá, — «Numen», vol. XIV, fasc. 3, 1967, 186—187; G. D u m é z i l. Notes sur le bestiaire cosmique de l'Edda et du Ṛg-Veda. «Mélanges de linguistique et de philologie. In memoriam F. Mossé». Paris, 1959, ср. 104—112.

[3] Ср.: A s k r Y g g d r a s i l s — drygir urfipi
meira an menn viti:
hjartr bitr ofan, en á hlipu funar,
skerpir N i ü h o g g r nepan. . .

Ср. также мотив множества змей под ясенем Иггдрасиль (34) и мотив белки Рататоск, резво снующей по дереву Иггдрасиль, переносящей речи Орла вниз к Нидхёггу (32); ср. *растѣкашется мысію по древу* при интерпретации *мысію*=белкой (возможно и иное решение).

[4] Ср. образ темного летающего змея (*en dinmi dreki fljugandi*, 66), несущего трупы или гложущего их (39), в сочетании с мотивом Иггдрасиля (19).

[5] Ср. в связи с дальнейшим перевод *budhná*- как «Fuß eines Baumes» (корень).

[6] Отношение *fundus* : *budhná*- недавно было рассмотрено в статье: J. O t r ę b s k i. Lateinische Wortdeutungen, — KZ. Bd. 84, 1970 (2. Lat.

силь как древо предела[7]), др.-в.-нем. *bodam*, нем. *Boden* и др.[8] В связи с звуковой формой лат. *fundus* как и в связи с семантикой ряд названных слов — 'корень', 'ствол', 'стебель' (ср. *budhná-*, πυθμήν), — особый интерес может представить палийское слово *bunda* 'корень дерева', продолжающее по форме др.-инд. *budhná*, ср. *Abhidhānappadīpikā*, 549 (ср. такие показательные контексты, как: *mūlaṃ budhno 'ṃghrināmakaḥ* или *budhno giriśamūlayoḥ* и под.[9], а также другое палийское слово того же происхождения *bondi* 'ствол', 'пень', 'туловище', ср. маратхи *bundha* 'пень', 'нижняя часть дерева', 'нога', 'основание', *bundhā* 'часть дерева около корня', 'дно', 'конец', 'источник', 'происхождение', 'корень' и под.[10], ср. *būdh* 'основание сосуда'; возможно, сюда же относится по форме и др.-греч. πύνδαξ 'дно сосуда', 'крышка', 'рукоятка'[11]. Один из возможных выводов, вытекающий из рассмотрения указанных слов и относящийся к семантической сфере, состоит в том, что наряду со значением 'дно' (→ 'бездна'), следует, видимо, уже для достаточно ранней стадии постулировать значение 'корень', 'нижняя часть ствола' и под. Здесь не придется говорить о соотношении этих основных значений друг с другом, как и о возможном первоначальном значении. Проблема эта достаточно сложна сама по себе. К тому же ее сложность усугубляется отношением дублетности **budhn-* : **dubhn-*[12], выражающих сходный круг идей. И само это отношение нельзя считать случайным[13]. В лексике мифопоэтического значения оно воспроизводится неоднократно[14].

---

fundus, стр. 83—84). В ней предлагается объяснять подвижность *n* относительно *d*(*dh*) тем, что в первом случае речь идет об инфиксе, во втором — о суффиксе; др.-инд. *-na-* (из **-no-*) толкуется как краткая форма суффикса **-men-*, ср. πυθμήν и т. п. Ошибочно предположение, что указанные слова восходят к и.-евр. **bhū-d*(*h*)-, от **bhū-*, ср. др.-инд. *bhū-man* 'земля' и под., с дентальным расширителем.

7 Ср.: ... помню девять миров | и девять корней | и древо предела | еще не проросшее. Vǫluspá 2. Мир ограничивается ветвями Иггдрасиля, устанавливающими предел миру в пространстве.

8 См. Mayrhofer. Lief. 14, 1960, стр. 438.

9 Ср. H. Lüders. Pali *bondi*-und Verwandtes. «Philologica Indica Ausgewählte kleine Schriften von Heinrich Lüders». Göttingen, 1940, стр. 556.

10 Ср. R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1968, s. v. *budhna-*.

11 См. J. Otrębski. Указ. соч., стр. 84, а также Frisk, стр. 624.

12 В свою очередь семантические основы продолжателей и.-евр. **dubhn-* могут сильно отличаться от общепринятых представлений, см. О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. «Этимология. 1970», М., 1972, стр. 10—12.

13 Сложнее обстоит дело с примерами, когда исторически единый звуковой комплекс кодирует два противопоставленных объекта. См. E. Evangelisti. Una congruenza lessicale latino-indiana (a proposito del *mundus* sotterraneo). «Studi linguistici in onore di V. Pisani». Vol. 1. Brescia, 1969, стр. 347—366, особенно стр. 359, где **dubno-* : **mundus* (к **bheudh-*) отражаются в галльск. *dwfn*, брет. *don* 'profondo' при ирл. *domun* 'mundo', *domain* 'profondo', противопоставленных в конечном счете лат. *mundus* (куда, по мнению автора, относятся и др.-инд. *maṇḍala-* и др.).

14 Ср. соотношение **bhoNg-* : **goNbh-* на индоевропейском уровне для кодирования идей выпуклого и вогнутого (в частности,

Важнее подчеркнуть общее положение, согласно которому — в принципе — все мотивы, связанные с данным словом в мифе, суть этимологические решения данного слова, или, иначе говоря, существует прямая зависимость между структурой семантической парадигмы слова (набором семем) и правилами синтагматического развертывания этой структуры в тексте (мифологическом). Применительно к разбираемым здесь словам это означает, что смыслу 'дно' ('бездна') сопоставлен мифологический мотив «змей в бездне», а смыслу 'корень дерева' — мотив «змей у корней мирового дерева». Оба эти мотива известны в большом количестве равноправных вариантов, и поэтому здесь можно не решать вопрос о наиболее архаичном смысле.

Важнее сослаться на некоторые мифологические характеристики *Áhi Budhnyà*, позволяющие с бесспорностью включить его в схему основного мира: поражение змея Громовержцем, расчленение его и следующее за этим плодородие. Рассматриваемый мифологический персонаж обладает змеиной природой: он называется *áhi-* 'змей', характеризуется как «одноногий, нерожденный» (*ajá ekapād*) [15], ср. RV, VII, 35, 13; X, 64, 4; 66, 11, выступает в связи с *Aja Ekapād*'ом и, видимо, в своих истоках идентичен с Вритрой, основным противником Громовержца в ведийской мифологии — *Vṛtrá* также зовется *Áhi*, преграждая воду, он лежит на дне (*budhnám áśayat.* RV. I, 52, 6) и т. п. *Áhi Budhnyà* не просто змей, он одно из космических начал, связанных с низом и водами. Он рожден в водах и сидит во тьме в глубине рек [16], подчеркиваются его отношения с морем [17]. Вместе с тем в связи с *Áhi Budhnyà* постоянно упоминаются и другие составные элементы Космоса: Небо и Земля [18], Солнце и Месяц [19], горы [20], растения [21], животные [22], двоякость мира [23]

применительно к грибам, возможно, мужским и женским), ср. лат. *fungus*, др.-греч. σπόγγος при слав. **gǫba*, др.-инд. *gabhá-* и т. д.; эти отношения продолжаются и в ряде других языков, ср. морд. *paŋga*, манс. *paŋx*, кетск. *haŋgo*, палеоазиатские продолжения **poŋ* и т. д. Ср. статью автора «К семантике мифологических представлений о грибах» (в печати).

[15] Ср. мотив безногости, одноногости змея в загадках.

[16] Ср. RV. VII, 34, 16—17: abjā́m ukthaír áhim gṛṇīṣe budhné nadī́nām rájassu ṣī́dan || mā́ no 'hir budhnyò riṣé dhān mā yajñó asya sridhad ṛtāyoḥ; ср. X, 93, 5: áhir budhnéṣu budhnyáḥ.

[17] Ср. RV. IV, 55, 6; VI. 50, 14; VIII, 35, 13 и др.

[18] Ср. RV. VII, 38, 5.

[19] Ср. RV. X, 92, 12; X, 93, 5.

[20] Ср. RV. VI, 49, 14: tán nó 'hir budhnyò adbhír arkaís tat párvatas tát savitā́ cáno dhāt | tád oṣadhībhir abhí rātiṣā́co bhágaḥ púraṃdhir jinvatu prá rāye.

[21] Ср. RV. VI, 49, 14 (oṣadhībhir).

[22] Ср. обильных молоком коров, а также быков (RV. I, 186, 5), выступающих в связи с *Áhi Budhnyà*.

[23] Ср.: nū́ rodasī áhinnā budhnyèna stuvītá dévī ápyebhir iṣṭaíḥ. RV. IV, 55, 6.

и др. Наконец, есть фрагменты текста, в которых суммируются отдельные мотивы основного мира: море, река, пространство, воздух, у д а р г р о м а, п о т о п и под.[24]

Эти же самые мотивы, данные в связи с *Áhi Budhnyà* лишь в виде намека и полностью развернутые лишь в связи с *áhi- Vṛtrá*, который *budhnám áśayat* (ср. особенно RV. I, 132), даны *in extenso* в разных версиях мифа о Пифоне, поражаемом стрелами Аполлона (ср. Гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, строки 182 и след.; Симонид, фрагмент 26 A; Еврипид — «Ифигения в Тавриде», строки 1239—1251, не говоря о более поздних отзвуках у Аполлодора, Элиана, Клеарха, Лукана, Лукиана, Эфора, Павсания, Овидия и др.)[25]. Змеиная природа Пифона свидетельствуется как его наименованиями — ὄφις, δράκων, ἑρπετόν, *serpens*, *anguis*, так и многочисленными характеристиками (хотя один из вариантов Пифона Титиос всегда изображается антропоморфно). Существенно, что Пифон — сын Геи (Земли) и Тартара, связанного с самой н и ж н е й частью преисподней[26]; что он жил в пещере и охранял священный τέμενος, что он опустошал поля, убивал людей, творил насилие, преграждал дороги и т. п. Все, что касается поединка с Пифоном, изучено во всех деталях[27] и поэтому не нуждается в комментариях. Существеннее подчеркнуть, что миф о Пифоне, несомненно, принадлежит к числу наиболее интересных трансформаций основного мифа; в частности, в последнем (в ряде его вариантов) Громовержец может сражаться со своим сыном, с чем сопоставимы сведения о сыне Аполлона по имени Πυθαεύς (ср. Πύθᾱων, Πύθων, Πύθωευς). Наконец, еще важнее собственно этимологические вопросы, остающиеся, если судить по литературе, примерно на уровне первой мифопоэтической этимологии имени Πύθων, данной еще в гимне «К Аполлону Пифийскому»):

. . . . . . Глаза же драконовы мглою покрылись.
Гелиос в г н и л ь превратил его силой своею святою.
Вот почему он П и ф о н о м зовется теперь, а владыку
Мы называем п и ф и й с к и м: на месте на этом с г н о и л а
Острого Гелия сила останки свирепого гада (370—374)[28].

---

24 Ср. samudráḥ síndhū rájo antárikṣam ajá ékapāt tanayitnúr arṇaváḥ | á h i r b u d h n y à ḥ śṛṇavad vácāṅsi me víśve devā́sa utá sūráyo máma. RV. X, 66, 11.

25 К источникам мифа следует отнести и живописные изображения поединка Аполлона с Пифоном — особенно сцену поражения Пифона у дерева младенцем Аполлоном, сидящим на руках у Латоны (Bibliothèque Nationale, Cabinet des Médailles. Paris) и варианты мифа, в которых вместо Пифона выступают Титиос, Кикнос, Тифон и др.

26 Следовательно, Пифон родился в результате инцеста.

27 См. J. F o n t e n r o s e. Python. A Study of Delphic Myth and Its Origin. Los Angeles, 1959.

28 . . . . τὴν δὲ σκότος ὄσσε κάλυψε.|Τὴν δ'αυτοῦ κατέπυσ' ἱερὸν μένος 'Ηελίοιο.| ἐξ οὗ νῦν Π υ θ ὼ κικλήσκεται, οἱ δὲ ἄνακτα | Πύθιον καλέουσιν ἐπώνυμον, οὕνεκα

Иначе говоря, имя Πύθων связывалось с глаголом πύθω 'гноить', 'подвергать тлению'. В свете сказанного выше не приходится сомневаться, что Πύθων закономерно восходит к *budh- с элементом -n- (хотя есть формы и без него) — подобно тому, как, например, др.-греч. πεύθομαι, сопоставляемое с др.-инд. bódhati, авест. baoδaiti, готск. -biudan, слав. bljudǫ и под., восходит к *beudh- из *bheudh- (по закону Грассмана). При принятии этого объяснения, связывающего древнегреческое слово с соответствующим древнеиндийским, причем оба эти слова представлены как имена отрицательных персонажей одного и того же мифа, Πύθων обретает и внутренние связи — прежде всего с уже упоминавшимся πυθμήν. Если же это так, то цепь рассуждений может быть продолжена еще дальше. Помня о связи Пифона (и *Áhi Budhnyà*) с н и з о м (он сын Тартара и Геи, ср. Πυθώ как древнее название местности у п о д н о ж ь я Парнасса в Фокиде, где находились Дельфы и где был убит Πύθων) и о том, что, согласно бытовой демонологии, посуда во многих ее разновидностях — особенно низкая, открытая, с узким горлышком и под. — обиталище нечистой силы (причем существуют специальные ритуалы, цель которых не допустить ее проникновения в посуду или изгнать ее из посуды), — приходится признать вполне закономерным, что н.-луж. *benko* 'низкий, пузатый горшок' (Muka, I, стр. 30), как и формы, лишенные уменьшительного значения, но тоже связанные с идеей н и з а, на этот раз т е л е с н о г о (ср. н.-луж. *beno* 'желудок, брюхо' — о скоте, ср. слвц. диал. *bedno* 'дно'), относятся к этой же группе слов — из **bъdno* <**budn-* <**budhn-* и сопоставимы с Πύθων и *Áhi Budhnyà*[29]. В этом контексте не приходится удивляться и тому, что слав. **bъdьna*, **bъdьno*, **bъdьnъ* в значении 'бочка', 'кадка', 'колодец'[30] и под. (ср. болг. *бъдѝн, бъднѐ*, с.-хорв. *бȁдањ*, словен. *bedènj*, *bâdenj*, *bedno*, чеш. *bedna* 'ящик'[31], слвц. *bedňa*, *bodňa*, *bodna*, польск. диал. *bednia*, укр. *бóдня*, *боденька*, русск. *бодня* и под.) может не быть заимствованием из германских языков, как обычно считают[32], а напротив, входит в указанную семью слов. То же следует предполагать, естественно, и относительно русск. *бóндарь*, польск. *bednarz*, чеш. *bednář* и т. п. — из **bъdьn-*

κεῖθι | αὐτοῦ π ῦ σ ε πέλωρ μένος ὀξέος 'Ηελίοιο. Ср. также 363: 'Ενταυθοῖ νῦν π ύ θ ε ν ἐπὶ χθονὶ βωτιανείρῃ. К мотиву Змей на скале (на камне) ср.: . . . πρὸς Πυθὼ πετρήεσσαν, 182 или: . . . Πυθοῖ ἔνι πετρηέσσῃ. . ., 390.

[29] Ценные наблюдения см. О. Н. Т р у б а ч е в. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. «Сербо-лужицкий лингвистический сборник». М., 1963, стр. 160—161, а также «Этимологический словарь славянских языков» (s. v. **bъdno*), вып. III.

[30] К тождеству слов, обозначающих 'колодец' и мифологического персонажа, связанного с нижним миром, ср. многочисленные параллели типа шумерск. *апсу* : *Апсу* или с некоторыми вариациями — *кладезь* : *Клада* и под.

[31] Ср. я щ и к — святыню Геи, охраняемый Пифоном.

[32] Ср. «Этимологический словарь славянских языков», вып. III.

arъ, несмотря на такие формы, как ср.-в.-нем. *bütenaere* 'бондарь', 'бочар', др.-в.-нем. *budin*, в котором видят романские истоки [33]. В связи с предположением об исконности этих славянских слов существенно обратить внимание на с.-хорв. *ба̀дањ*, которое сочетает в себе и идею вогнутого (ср. 'дубока и даскама обложена јама. . .' [34], ср., кстати, конструкцию бочки) и идею выпуклого ('пласт', 'гомила', 'хрпа'), соответственно — полого и заполненного (нагроможденного) [35]. Не менее интересно, что словарная характеристика слова *ба̀дањ* — 'велика шупља клада кроз коју тече вода. . .' — в точности совпадает с описанием поверженного Вритры (как ствол дерева, омываемый текущей через него водой, ср. RV. I, 32, 5, 10—11 и др.).

Славянская мифологическая традиция дает новое подтверждение предположению об и.-евр. **Budhn-* как имени мифологического персонажа (противника Громовержца в основном мифе), отраженном в вед. *Áhi Budhnyà* и др.-греч. Πύθων. Речь идет о слове, лучше всего представленном в южнославянских языках, где оно обозначает один из самых важных ритуалов года и его основной предмет или основного героя, — болг. *бъдник* 'дебел пън, който гори в огнището цяла нощ срещу Коледа' [36]; с.-хорв. *ба̏дња̄к* 'дубовое полено, колода или ветки, сжигаемые в сочельник', *Ба̏дњӣ да̑н* 'сочельник', *Ба̏дње вече* вечер накануне Рождества' и др. (ср. макед. *бадник* 'дубовые ветки', сжигаемые в сочельник'; словен. *bedȅn*, *bedȅnj* 'толстый ствол', 'пень', *bednač* 'толстое полено'. Значение с.-хорв. *ба̏дња̄к*, болг. *бъдник* существенно уточняется в соответствующем ритуале, особенно полно описанном в Сербии [37]. Здесь достаточно указать лишь самые общие черты ритуала:

---

[33] См. Фасмер I, стр. 192; О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 301—302 и др.

[34] См. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. I. Београд, 1959, стр. 234.

[35] Значения 'куча', 'груда' и т. п. объясняют использование этого корня в оронимии, ср. *Badanj*, гора в Хорватии (1659), о чем см. E. Dickenmann. Kroatische Bergnamen. — BNF, 4, 1969, стр. 235. Характерны и такие названия гор, как *Zmajevac* (от *zmȃj*), *Veljun* и т. п. (там же, стр. 248, 251 и др.), отсылающие к той же мифопоэтической сфере (обозначение противника Громовержца).

[36] См. Речник на съвременния български книжовен език. София, 1954. Свезка I, стр. 92; ср. пример из П. Славейкова: *Бъдни вечер бъден празник срещат | с буйно пламнал бъдник на камини.*

[37] Из обширной литературы об обрядах, исполняемых в *Ба̏дњи да̑н*, ср.: C. Jireček. Badnjak im 13. Jh. — AfslPh. Bd. 15, 1893, стр. 456—457; С. Тројановић. Главни српски жртвени обичаји, — СЕтн. Зб. XVII, 1911, стр. 198—199 (ср. Он же. Божић, 1905); В. Чајкановић. Неколике примедбе уз српски Бадњи дан и Божић. — «Годишњица Никола Чупића», књ. XXXIV. Београд, 1921; Он же. Божићна слама. «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», књ. III. Београд, 1923, стр. 123—132; Он же. Божић, његово порекло и значај. «Српски књижевни гласник», књ. LXII. Београд, 1941; P. Ž. Pet-

торжественное (в молчании) вырубание *бадњака* (дубовая колода, пень, бревно или ветки) до солнца или после его заката с произнесением соответствующих формул: *Добро јутро и честит вам бадњи дан*! или *Добар вече и честит вам бадњи дан*! и обращений (*Свети бадњаче*!); число срубленных *бадњак*'ов — один, членимый потом на три части; три или по числу мужчин в доме (изредка — два); рубят *бадњак* с восточной стороны — так, чтобы и упал он в эту сторону; внесение *бадњака* в дом после захода солнца (иногда, как в Герцеговине, *бадњак* так велик, что его ввозят в дом на двух волах); придание (нередко) *бадњаку* антропоморфных черт (борода и т. п.); если три *бадњака*, то они соответственно называются *бадњак*, *бадњачица*, *деца* (или *Божић*, их сын); устилание пола соломой, иногда установление *бадњака* около молока с целью его створаживания (нередко четыре щепки или ветки от *бадњака* бросают по углам помещения), поливание *бадњака* вином, медом, елеем, молоком, посыпание зерном, принесение ему в жертву плодов; сжигание *бадњака* (медленное, иногда в течение двух суток) с битьем его (так, чтобы сыпались искры) и пожеланием, чтобы было столько волов, коней, коз, овец, свиней, ульев, счастья, сколько искр [38], и молитвой; тушение и сгребание золы (интересно, что еще раньше щепки *бадњака* бросают в воду) и т. п. Учитывая роль золы в этом обряде, как и во многих других, и ее дальнейшее использование в сочетании с водой (огонь — вода), приходится считаться с возможностью отнесения к указанному кругу слов русск. и блр. *будник*, *будный* (ср. *будное дело*) 'зольник, -ый', 'поташник, -ый'. Противопоставление *Бадњака* как старого бога (ср. *Стари Бадњак*, *Стари Бог*) его сыну *Божићу* как молодому богу (*Мали Божић*, *Млади Бог*) (ср. ... *на чем ћемо бога молит* | *за старога — за Бадњака* | *за младога — за Божића*. — Вук Караџић. Српска нар. пјесме, I, № 190, ср. № 191) в связи с другими характеристиками этого ритуала вводят его в широкий круг годовых церемоний перехода от Старого Года

---

rović. Božićni običaji (Aleksinačko Pomoravlje). «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena», knj. XXVI, sv. 1. Zagreb, 1926, стр. 139—147; Ш. Кулишић. Објашњење двеју божићних песама. «Етнологија». Скопље, 1940; Он же. Божићна печеница. «Гласник Етнографског музеја». Београд, 1940; Он же. Porjeklo i značenje božićnog obrednog hljeba u Južnih Slovena. — «Гласник Земаљског музеја». Св. VIII, Сарајево, 1953, стр. 7—47; E. Schneeweis. Serbokroatische Volkskunde. T. 1. Berlin, 1961, стр. 113—114; Б. Ристовски. Кон проучувањето на народната поезија на горанитe. «Македонски фолклор». Скопје, 1969, стр. 137—157; Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић. Српски митолошки речник. Београд, 1970, стр. 13—16, 29—38; Д. Антонијевић. Алексиначко Поморавље. Београд, 1971. Ср. также: M. Gavazzi. Beiträge zur balkanische Wort- und Sachkunde. 1. *badnjak*. — Z. f. Balk. Bd. 6, 1968 (1969).

[38] Более обычный вариант формулы: *Да су здрави и живи људи, овце, јагањци, теоци, говеда, коњи, свиње, кокоши, да су амбари и кошеви пуни.*

к Новому Году, в которых как в уже приводившемся вавилонском «Энума элиш», видную роль играло мифологическое существо хтонического происхождения — дракон, змей, змея, демон растений и под. В ряде традиций в подобных ритуалах происходит сжигание змеи (или ее символа), пепел которой используется в медицинских целях или для увеличения плодородной силы (ср. интересные балтийские данные). Вместе с тем показательно, что в детских играх (в частности, и в русских) именно пень, колода, столб обычно изображают змею. Поэтому можно высказать предположение, что дубовый *бадњак* допустимо рассматривать не только как трансформацию старых представлений о мировом дереве [39], но и как след архаичного образа змея у мирового дерева; ср. срубание бадњака, его сожжение, поливание и в результате всего этого увеличение плодородия (иначе говоря, с *бадњаком* делают всё то, что и со змеем в мифе)[40]. Напрашивается заключение, что некогда *Бадњак* понимался как отрицательное начало, связанное с косной хаотической стихией; лишь будучи пораженным, он трансформировался в образ плодородия, сохранив, впрочем, ряд следов прежнего своего состояния. В частности, в сохранившемся противопоставлении — в текстах и в ритуале — *Стари Бадњак* : *Млади Божић* можно видеть продолжение пары героев основного мифа — Змея и его противника; первому принадлежит последний день Старого Года, когда силы Хаоса временно берут верх [41], второму — первый день Нового Года, когда побеждает космическое, организующее начало.

[39] На это указывает и такой мотив, как *бадњак* и молоко, при эддической (ср.: *Ask veit ek standa*, | *heitir Yggdrasill*, | *har baðmr*, *ausinn* | *hvíta auri*. Vǫluspá, 19 — об Иггдрасиле, политом белой жидкостью) и иранской («Бундахишн», 18, 1: белая целительная хаома — *hōm* у дерева) параллелях; о двух последних см. A. V. Ström. Указ. соч., стр. 186. Возможно, что пара *Бадњак* и *Бадњачица* сопоставима с образом двух мировых деревьев, ср. *Yggdrasill* и *Læraðr* в «Эдде», см. A. Jakobsen. Strofe 33 i Grímnismál. — ANF, Bd. 80, 1965, стр. 93.

[40] Обрубание ветвей *бадњака* выглядит как наглядный комментарий к RV. I, 32, 5: *áhan vr̥trám. . . índro. . .* | *skándhāṇsīva kúliśenā vívr̥kṇāhiḥ śayata upapŕ̥k pr̥thivyā́ḥ* «Убил Вритру . . . Индра . . . Как (ствол дерева), ветви (которого) обрублены топором, змей лежит, прильнув к земле». Битье *бадњака* (полена, головни) принадлежит к характернейшим мотивам этого обряда и многих других типологически связанных с ним. Также заслуживает внимания число поленьев. Например, у гуцулов в подобном случае берутся девять поленьев из девяти домов (см. R. F. Kaindl. Zauberglaube bei den Huzulen. «Globus», 26, № 16, стр. 274 и др.). Ср. то же число детей Громовержца, фактически часто — его противника-змея; ср. выше девять корней в связи с девятью мирами и древом предела в «Эдде».

[41] В этот момент все связи доселе детерминированного мира распадаются, всё становится неопределенным и неясным. Отсюда — обычай приурочивать к переходу от Старого Года к Новому гадания, загадки, предсказания (ср., например, гадание на рождественской каше и под.). В этом смысле показательно, что оракул Аполлона Дельфийского (Πυθικόν), поразившего Пифона (Πύθων), находился в Πυθώ, где жрица (Πυθία, Πυθίη) предсказывала будущее (ср. τὰ πυθόκραντα, πυθο-χρήστης и под.).

В рамках этой схемы становится ясным, что *Бадњак*, которому принадлежит последний день Старого Года, т. е. канун Нового Года, обладает теми же функциями, что и Змей, противник Громовержца, в других традициях. Отсюда — естественное заключение о том, что *Бадњак* через **Бъдн-* восходит к **Budn-* < **Budhn-* и, следовательно, полностью совпадает со словами, обозначающими тот же самый мифологический образ в других традициях, — (*Áhi*) *Budhnyà* и Πύθων. Не исключено, что в славянской традиции известно и еще одно преобразованное отражение этого же имени. В другом месте уже высказывалась мысль о хтонической природе трех героев русских сказок (первоначально — противников главного героя) *Усыни*, *Горыни* и *Дубыни*. Усыня часто описывается как существо подобное Змею; к *Горыне* ср. *Змей Горыныч* или образ Змея на горах. Что касается Дубыни, то, наряду с ассоциациями с образом Змея на дубе (или даже на 12 дубах) и Змея, который дубами преграждает путь (ср. сходный мотив в связи с Пифоном), видимо, существует возможность видеть в этом имени и преобразование из более старого **Будыня* (< **Bud-ūn-*) > *Дубыня*. Так возникает хорошо известная пара Змей Глубин (*Дубыня*) — Змей Вершин или Гор (*Горыня*).

Противопоставление кануна и самого праздника — основная черта ритуалов перехода, подобных рассматриваемым. Каждый из этих двух дней строится по своим правилам, противоположным правилам другого дня; каждый из них имеет своих героев, свой набор действий и ритуальных предметов и даже свой словарь. Хорошо известно, что последний день малого временнóго цикла (например, недели), соотносимый и по сути дела и (часто) по названию с концом большого цикла (года), во многих традициях называется по имени отрицательного начала — персонифицированного или неперсонифицированного, тогда как первый день малого временнóго цикла называется по имени положительного начала. Иначе говоря, обычно соотношение типа День Бездны — День Неба, Бога и под. В свете сказанного в русск. *бýдень*, *бýдни*, *бýдний*, *бýденный*, *будён(н)ый* и под. (болг. и макед. *буден*, с.-хорв. *будан*, словен. *búden*, ст.-укр. *будний* и под.) нужно видеть не образование от **bud-* (**buditi*) [42], а обозначение последнего дня недели (года), принадлежащего отрицательному началу, кодируемому тем же корнем **Bud-n-* < **Budh-n-*. *Будень* как день отрицательного начала противопоставлен следующему дню — дню праздника, Солнца,

---

[42] Хотя, разумеется, есть тексты, именно таким образом этимологизирующие это слово. Ср.: На вечерта в същий ден, т. е. сироти Божик, турят (клаждат) на огнът една голяма смрекина пенюшка да гори цялата нощ, през която всите домашни люди не заспиват, а пренощуват будни, та от това, види се, тая нощ е наречена «бъдник» — будник. См. К. А. Шапкарев. Сборник от български народни умотворения. Т. 1. Обредни, песни. Народни обичаи. София, 1968, стр. 553—554. Совсем не заслуживает внимания дилетантская этимология

Б о ж ь е м у дню, воскресенью (ср. чеш. *zmrtvýchvstání*). Это противопоставление обнаружимо и в ряде славянских текстов, где, в частности, есть указания на то, что *будний день* и *суббота* одно и то же. Ср.: *Ой, братец мой* | *Иванушка*! | *Не губи меня* | *У б у д е н н ы й день*, | *Загуби меня* | *У в о с к р е с н ы й день*. . .[43] при варианте: *Да Иваночка, бра́точка, ня бий мяне*, | *Ня бий мяне у С у б б о т о ч к у*, | *Да забий мяне у Н я д з е л я ч к у*! [44]. Этому различию сопутствует и различие в ритуальной пище; ср., с одной стороны, *бъдник*, ритуальный хлеб вроде просвиры, *будний хлеб* и т. д. и, с другой стороны, *божиħни колач*[45], *божиħни хлебове* (ср. в алексиначском Поморавье *колач њива*, *колач ливада*, *колач волови*, *колач гувно*, *колач бачва*, *колач стока* и т. д. с соответствующими изображениями)[46], *божиħна печеница* (*заоблица*, *веселица*)[47] ср. *боговица*, *богувица* и т. п. Одновременно связь корня **bud-* (*бъдник*, *будний хлеб*) с ритуальным изделием из м у к и́ и с именем божества, относящегося к б е з д н е, находит подкрепление в жемайтском божестве, о котором сообщается у Ласицкого: D u g n a i dea, praeest f a r i n a e s u b a c t a e[48]. Ласицкий же подводит читателя к мысли о связи этого божества не только с м у к о́ й, но и с процессом ф е р м е н т а ц и и, традиционно относимым к сфере преисподней (ср. *Dugn-* < **Dubn-* : **Budn-*)[49].

Наконец, еще одно слово, кажется, может получить разгадку в свете предлагаемой схемы. Во второй день праздника указанного типа (*Божиħ*, *Мали Божиħ*, *Божjи дан* и его соответствия) основной мотив предыдущего дня возникает в теме п о х о р о н, п о г р е б е н и я персонажа, чье имя связано с **Bud(h)n-* (ср. сгребание золы, мотив шеста, столба, палицы со звездой на рождественских праздниках, особенно елку в ритуале «полазник»[50]. В частности, ср. плутарховскую версию описания погребального ритуала (захоронения Пифона) во время Пифийских игр (Πύθια),

в кн.: G. C e n o v. Die Abstammung der Bulgaren und die Urheimat der Slaven. Berlin—Leipzig, 1930, стр. 273 (к теофорному имени *Bendida*).

43 См. Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970, № 677, стр. 484—485.

44 См. Белорусские песни. . ., издал П. Безсонов. М., 1871, № 78, стр. 43.

45 Ср. формулу, произносимую при разламывании божичного калача: *Божиħ je Божиħ, а п е ц и в о му je брат*. Согласно одной сербской песне *Божиħ* приезжает на к о н е (ср. мотив коня Громовержца в поединке со Змеем).

46 Еще интереснее, что в лесковачской Мораве в качестве божичного хлеба пекут хлеб, называемый *куħна змиjурка*, с изображением на нем з м е й к и из теста (к мотиву Змея в поединке).

47 Учитывая, что *божиħна печеница* обычно реализуется в виде закалываемой с в и н ь и (ср. также *боженина — буженина*), хотелось бы думать о некотором вкладе со стороны этого круга образов в понимание внутренней формы русск. *буженина* (не говоря уже о возможной роли *будн-*).

48 Ср. W. M a n n h a r d t. Letto-Preussische Götterlehre. Riga, 1936, стр. 357, 371, 380, 398—400, 432; J. L a s i c k i s. Apie žemaičių, kitų sarmatų bei netikrų krikščionių dievus. Vilnius, 1969, стр. 22, 74 и др.

49 Ср. другое божество, связанное с ферментацией, — *Rauguzemapati*, т. е. *raugų žemėpatys*; *Ragupatis* (=*Rugu-*), *Ruguczis* (*rugutis*) и др.

50 Ср. П. Г. Б о г а т ы р е в. «Полазник» у южных славян, мадьяров, словаков, поляков и украинцев. «Lud Słowiański», т. III, 2. Kraków, 1934.

иначе называемых Σεπτήριον (или Ἐννατηρίς)[51], или образ священного столба у саксов (*Irminsul*), который, в частности, имел функцию сообщения с загробным миром; вторичные образы подобного священного столба использовались как могильные памятники. Нужно думать, что в этом контексте ст.-русск. *бъдынъ*, *бъдынь*, засвидетельствованное в разных списках Пролога (в «Житии Св. Ольги», где представлены и сильно испорченные формы: *бдына*, *бѣдына*, *бъды*, *дына*, *дыны*, *дыни*, *годины*, *единоѧ* и др.)[52] и обозначающее, скорее всего, именно надгробное сооружение, — естественно относится к проанализированному кругу слов: из **bud-yn-* < **bud(h)-ūn-*, ср. *бáдња̄к* и под., о чем правильно писал еще Г. Ильинский[53]. Можно напомнить об архаичной форме могильных крестов или столбов у славян и особенно у литовцев, воспроизводящих схему мирового дерева со всеми его атрибутами (птицы, ср. название *голубец* как особый вид надгробного памятника, солнце, месяц, звезды, хтонические животные — лягушка, змея и т. п.)[54] Принимая во внимание эту схему

[51] Сам Σεπτήριον обнаруживает весьма интересные аналогии к тому, что говорилось в связи с сербским праздником (*Бадњи дан*); ср. установление особого сооружения (καλιάς или σκηνή) и стола, приход юношей, в молчании вносящих зажженные факелы, собирание ветвей лавра с отмеченного дерева, сожжение καλιάς, понимаемого как жилище Пифона, опрокидывание стола, жертвоприношение, пиршество и т. п. См. J. Fontenrose. Указ. соч., стр. 453—461. Другая параллель — древнеримские *Sāturnālia*, праздновавшиеся примерно в то же время (с 17 декабря). Сатурн, старый отец, свергнутый своим молодым сыном Громовержцем Юпитером (ср. *Стари Бадњак — Млади Божић*), стал богом посевов и урожая. Он был олицетворением канунов в самом широком смысле — временны́х (*Sāturnia aetas*, *Sāturnia regna* и особенно *Saturni dies* 'суббота', ср. англ. *Saturday: Бадњи дан*), пространственных (*Sāturnia*, название древнего города, мифологического предшественника Рима; *Sāturnius mons*, Капитолий и т. д.), социальных и нравственных (*Sāturnia aetas* и под.), мифопоэтических (*Sāturnius numerus*, сатурнический стих, который, как показывают посмертно опубликованные записи Ф. де Соссюра, отражает архаичную сакральную жреческую традицию) и т. п. К сатурническому словарю ср. еще *Sāturnia tellus* 'Италия', *Sāturnia gens* 'италики', *Sāturnia arva* 'Лациум', *Sāturnius pater* 'Юпитер', *Sāturnia virgo* 'Веста', *Sāturni/a/ stella* 'планета Сатурн' и т. п. Сходным образом реконструируется и словарь, относящийся к Громовержцу. Помимо известных примеров, ср. связь *Jūlius* (< **Iou-l-ios*) с *Iouis*, *Iuppiter*, *Iūnō* и т. п. См. G. Bonfante. Caere, città dei Caesares? «Studi linguistici in onore V. Pisani». Vol. 1, Brescia, 1969, стр. 161—166.

[52] Подробное собрание материалов, относящихся к этому слову, см.: И. С. Улуханов. Древнерусское *бъдынъ*. «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, стр. 196—200 (ср. также СлРЯ XI—XVII вв., вып. 1. М., 1975, стр. 84); этимологическое объяснение (*бъдынъ — бъдѣти*) остается в рамках народной этимологии и по этому едва ли соответствует реальному положению дел.

[53] См. Г. Ильинский. Славянские этимологии. — ИОРЯС, т. 23. кн. 2, 1921, стр. 201—205.

[54] Ср. J. Eisner. Rukovět' slovanské archeologie, т. IV. Praha, 1966; Н. Велецкая. Языческие представления о загробной жизни и рудименты их в славянской народной традиции. «Македонски фолклор». Скопje, 1969, стр. 317—325 и др.

в целом, обозначение нижней части дерева, столба через **bud(h)-n-*, как и само имя поверженного противника **Bud(h)n-*, не говоря даже о типологических параллелях, — приходится считать наиболее правдоподобным, что слово *бъдынъ*, действительно, связано с кругом изучаемых слов, пополняя собою словарь, относящийся к имени противника Громовержца. Если же это так, то можно сделать и более определенные заключения о том, что представляли собой *бдыны* в действительности (ср. менгиры, могильные столбы и т. п. с изображением змеи в виде зигзагообразной линии).

Южнославянские данные, о которых говорилось выше, подкрепляются целым рядом аналогичных свидетельств, относящихся к смежным территориям (прежде всего — восточнороманской и албанской). Не касаясь здесь некоторых обрядов, связанных с возжиганием огня в Восточной Романии (на Рождество — *crăciún*; разжигание костра и прыгание через него — *ardească*; помешивание углей в очаге особой палкой — *colindă* во время колядования и т. п.) и так или иначе связанных с ритуалами типа *бадњака*, — достаточно указать на прямое соответствие этому последнему ритуалу — поджигание дубового полена (*boadnic*, иногда *cloşcă*, *călindău*) в сочельник (характерно последующее рассыпание золы у корней деревьев с целью увеличения урожая, ср. выше о *будном деле*) [55]. Особенно интересен архаичный рождественский обряд у северных албанцев, когда в дом вносят кусок ствола, именуемый Бузем о м, и поют: *Po vjen Buzmi bujar*, | *Me gjeth e me bar*, | *Me edha e shqerra*, | *Mbas tyne vjen vera* «Вот идет щедрый Бузем, | С листвой и с травой, | С козлятами и ягнятами, | А за ним идет лето». При этом существенно, что юноша, несущий Бузем, говорит от его имени. В конце ритуальной трапезы старейший в доме берет две головни от сгоревшего Бузема, идет к скоту, в сад и т. д., выбивая из головней искры (предполагается, что количество искр определяет приплод скота и урожай) [56]. Родство этого обряда с бадњаком не вызывает сомнения. То же можно сказать и о самом названии обряда.

Приведенные в этой заметке факты не только помогают связать воедино в пределах данной языковой традиции слова, ранее рассматривавшиеся разрозненно, но и дают возможность говорить об индоевропейских мифологических истоках проанализированных здесь образов и выражающих их слов.

---

[55] См. T. Papahagi. Megleno-Românii. I, Bucureşti, 1902, стр. 110; A. Viciu. Colinde din Ardeal. Bucureşti, 1914, стр. 15—16; Ю. В. Попович. Молдавские новогодние праздники (XIX—начало XX в.). Кишинев, 1974, стр. 116—117 и др.

[56] См.: Rr. Zoizi. Gjurmët e nji kalendari primitiv në popullin t'onë. — «Buletin i Institutit te Shkencavet». Tiranë, 1949, стр. 100—102; N. Reiter. Sprache in nationaler Funktion. — «Ethnogenese und Staatsbildung in Südosteuropa». Göttingen, 1974, стр. 104—115. Ср. также А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи их роль в истории языка. Л., 1970, стр. 52.

И. П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. IV

(и.-е. *(*s*)*ker-m-* в славянских языках: **skormъ/a*, **kroma*, **kъrmъ/a*, **kъrma*, *xromъ*, русск. диал. *кромы*, *коромышка*)

И.-е. **(s)ker-m-* имеет в славянских языках многочисленные континуанты, однако у этимологов нет единого мнения по вопросу определения круга лексем, относящихся к данному гнезду. Поэтому представляется целесообразным подробнее остановиться прежде всего на примерах, в отношении которых существуют различные этимологические версии, а также постараться выявить слова, которые до сих пор не связывались с данным корнем.

К последним в первую очередь относится лексема **skormъ/a*, представленная в большинстве славянских языков. Фасмер отмечает ее в др.-русском, русск.-ц.-славянском, в русских говорах, украинском, белорусском, сербохорватском и польском [1], Миклошич — также и в словенском (*škránja* 'жировая капля') [2]. Однако этот перечень можно продолжить, указав еще макед. *скрама* 'сливки' [3], болг. диал. *скрàмъ* 'сливки', *скрàма* 'мыльная пена' [4], *скрам* 'мыльная (грязная) вода' [5] и *скармô*, *скрам* 'сок от жареного мяса' [6]. Несмотря на безусловно древний характер и широкое распространение в славянской языковой области, лексема до сих пор не имеет надежного этимологического объяснения. Миклошич приводит ее вообще без комментариев [7], Преображенский пишет: «Не объяснено», отвергая предлагавшееся ранее Горяевым сравнение с лат. *cremor* 'растительный сок' и нем. *rahm* 'сливки' на том основании, что эти слова «не имеют между собой ничего общего» и происхождение их неизвестно [8]. Фасмер также не принимает этого сопоставления, отклоняя в то же время и другое, выдвинутое Гофманом, Вальде и Йоклем, — с греч. *κόρος* 'насыщение', лат. *Cerēs* 'богиня растительного мира', лит. *šérti* 'кормить (скотину)', алб. *thjer*, ввиду достоверного в данном случае корня **k̂er-*. Фасмер приводит гипотезу Брюкнера, поддержанную позд-

---

[1] Фасмер III, стр. 652—653.
[2] Miklosich, стр. 302.
[3] Конески III, стр. 216.
[4] Г. Христов. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. «Известия на Института за български език», кн. IV. София, 1956, стр. 239.
[5] Ю. Кювлиева и К. Димчев. Речник на Хасковския градски говор. — БД V, стр. 90, 208.
[6] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 266, 267.
[7] Miklosich, стр. 302.
[8] Преображенский II, стр. 308—309.

нее Махеком, согласно которой **skormъ* связано с **kъrmъ* на основе количественного чередования [9]. Однако **kъrmъ* объединяется указанными авторами с лит. *šérti* [10], т. е. как раз с тем словом, сопоставление с которым для **skormъ* Фасмер считает неприемлемым (см. выше). В последнее время мысль о возможной связи славянских **kъrmъ* и **skormъ* на базе общего первичного признака 'жир' (и тогда **kъrmъ* значило бы 'жирная пища') была выдвинута В. В. Мартыновым. Однако, справедливо отвергая сравнение слав. **kъrmъ* с лит. *šérti*, автор в то же время ничего не пишет о том, с каким же конкретно и.-е. гнездом он предполагает объединить данные славянские лексемы, для которых он лишь восстанавливает ряд **(s)kerm-/*(s)korm-/*(s)kr̥m-* [11].

Итак, налицо невыясненность этимологической природы славянского **skormъ/a*. Основные гипотезы, как видно из вышеизложенного, базировались на основе первичности признака 'жир (сытость, корм)'. Славянский материал как будто дает для этого основание, т. к. значение 'жир, масло, жирная (скоромная) пища' зафиксировано в целом ряде языков: др.-русск. *скоромъ* 'жир, масло; скоромная пища', русск.-ц.-слав. *скрам* 'жир, маслянистость', русск. диал. (олон.) *скбром* 'жирная, скоромная, пища', укр. *скбром* 'скоромное', польск. *skrom* 'жир, сало' [12]. Однако семантика 'жир, сало, скоромная пища' характеризует, как видим, лишь часть языков (вост.-славянские и русск.-ц.-слав.), тогда как южнославянские демонстрируют несколько иные значения (о чем подробнее см. ниже), а что касается польского, то наряду с 'жир, сало' здесь отмечено и более узкое значение — 'заячий жир' [13], представляющее для нас особый интерес. Дело в том, что заячий жир издавна употреблялся в медицинских целях как лекарство для заживления ран, а следовательно, он специально отделялся от заячьей тушки и хранился особо, чтобы быть использованным в случае ранения. Так в Варшавском словаре читаем: ...*śkrom*, sadło z zająca, który nie tak w kuchni używany, jak bardziej w aptekach lub w domu gospodarze chowają; ten przykładają do rany jakowej, żeby ogień wyciągał i goił [14]. Здесь же есть упоминание и об аналогичном применении (для лечения наружных ран) также бобрового жира. Именно в этом значении ('заячий жир, употребляемый как лекарство в наружных ранах') польское слово было заимствовано белорусским (*скром*) [15] и укра-

---

[9] Фасмер III, стр. 652—653.
[10] Brückner, стр. 220; Machek², стр. 293.
[11] В. В. Мартынов. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 17.
[12] Фасмер III, стр. 652—653; Срезневский III, стб. 382, 390; Гринченко IV, стр. 140; Беларуска-рускі слоўнік. Рэд. К. К. Крапіва. М., 1962, стр. 861.
[13] Варшавский словарь VI, стр. 178.
[14] Там же.
[15] Носович, стр. 587; Miklosich, стр. 302.

инским (*шкрум*) [16] языками. Невольно напрашивается сравнение со свиным нутряным салом, которое так же, как заячье, издревле применяется в народной медицине для приготовления мазей и пластырей [17] и называется, в частности в белорусском, *здор* [18]. Любопытно, что многочисленные наименования жира различных животных, отделяемого обычно при разделке туши от мяса, связаны с глаголами в значении ʻдрать, резатьʼ: русск. колым. *здор* ʻолений жир, содранный с мясаʼ [19], севск. *дор* ʻжир, сало в мясе животных, тельное салоʼ, сиб. ʻжир нутровой, сдорʼ [20], укр. *здíрок* ʻжировой слой на внутренней стороне кожи, срезываемый во время ее обработкиʼ [21], польск. *zdor* ʻпленка с наростом жира, покрывающая желудок кормного бороваʼ [22], русск. псков. *срезь* ʻжир в мясе животногоʼ [23]. Исходя из этих данных, естественно предполагать, что и название заячьего жира могло быть изначально связано с каким-то глагольным корнем с семантикой ʻотдирать, отрезатьʼ.

Но самая яркая и показательная в этом отношении семантическая картина наблюдается в с.-хорв. языке, где лексема *скрȁма* приводится составителями Загребского словаря с таким набором значений: ʻжировая блестка (капля) на поверхности воды (супа)ʼ, ʻлуковая шелухаʼ, ʻтонкая пленка, кожица у человека и животных, Epidermisʼ, ʻкороста, корка, струпʼ, ʻледяная корка, которой покрывается подмерзшая земляʼ, ʻрыбья чешуя, клескʼ. Очень интересно в формальном отношении с.-хорв. *скрȁмēн*, м. ʻкапа мастаʼ (=ʻкапля жираʼ), которое имеет облик слова, оформленного по типу основ на согласный [24]. В современных же с.-хорв. словарях данное слово фиксируется обычно лишь со значением ʻпленка; пенкаʼ [25]; см. еще *шкрȁмица* ʻкрошечкаʼ [26] (деминутив от *скрȁма*).

Очевидно, что, исходя из предпосылки о первичности признака ʻжирʼ, трудно объяснить появление на его основе таких значений,

---

16 Гринченко IV, стр. 502. — Здесь же приводится *шкрум* ʻнагар в трубеʼ (ср. еще в буковинских говорах Украины *шкрум* ʻзапах горелого, чад, нагар в трубе, сажа, пепелʼ — В. А. Прокопенко. Областной словарь Буковинских говоров. «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 473—4), которое следует рассматривать отдельно, в связи с болг. диал. *скрум* ʻдым от сгоревшей тканиʼ (Ст. Ковачев. Троянският говор. — БД IV, стр. 224), ʻзапах горелогоʼ (Н. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, стр. 40), ʻто, что остается после сгорания какого-л. предметаʼ, ʻсгоревшая часть фитиля (у лампы)ʼ (М. Младенов. Говорът на Ново Село Видинско. София, 1969, стр. 278), так как Младенов (здесь же) характеризует болг. слово как румынский элемент.

17 Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. XXVIII^{А}. СПб., 1900, стр. 143.

18 Беларуска-рускі слоўнік, стр. 334.

19 Богораз, стр. 58.

20 Даль[3] I, стб. 475.

21 Гринченко II, стр. 144.

22 Варшавский словарь VIII, стр. 414.

23 Дополнение к Опыту, стр. 253.

24 RJA XV, стр. 310.

25 Московљевић, стр. 672; Толстой[1], стр. 876.

26 Толстой[1], стр. 1084; Iveković-Broz II, стр. 533.

как 'рыбья чешуя', 'луковая шелуха', 'корка, струп', 'ледяная кора' и т. п. Семантические различия здесь слишком велики для того, чтобы указанная связь 'жир' → 'шелуха (чешуя, струп, корка)' выглядела правдоподобной. Но ситуация коренным образом меняется, если предположить, что для **skormъ* первичным было какое-то иное, чем 'жир', значение (тем более, что семантика 'жир, жирная скоромная пища' вообще отсутствует в современных ю.-слав. языках). Как отмечено выше, уже значение польского *skrom* ('заячий жир') подвело нас к мысли о том, что данная лексема могла быть изначально связана с каким-то корнем, означающим 'отдирать, отрезать'. К этому же выводу нас склоняет и разветвленная семантика, представленная в сербохорватском языке: дело в том, что все отмечаемые здесь значения ('шелуха', 'чешуя', 'жировая блестка', 'пленка' и др.) легко объяснить, исходя из широко распространенной, устойчивой семантической модели: 'отделять (тем или иным способом: резать, драть, бить, колоть)' — 'то, что отделяется, снимается: шкура, кожа, кожица, пленка, пенка, сливки, жировая блестка, кора, корка, ледяная корка, струп, перхоть, шелуха, кожура, чешуйка, рыбий клеск, (нутряное) сало, жир животных, осколок, черепок, мусор, отходы, кусочек, крошка' и т. п.

Указанная модель подтверждается многочисленными примерами, причем из указанного максимального набора значений в каждой отдельной семье слов обычно бывает представлена лишь какая-то часть их (в самых разнообразных сочетаниях). Так общие со **skormъ* значения обнаруживаются в составе следующих гнезд с исходной семантикой 'расчленять (драть), бить (отбивать), колоть (раскалывать)': **lusk-* / **luzg-* (ср. **luskati*, **luščiti* 'бить, обдирать, очищать с шумом, треском'): 'чешуйка, рыбий клеск', 'шелуха', 'пленка (плева) на мясе' (русск. литер. и диал. *луска*, *лузга*), 'шелуха, чешуйка' (с.-хорв. *љу̏ска*); **lup-* (**lupiti* 'бить; облупливать'): 'струп, корка, перхоть' (польск. *lupież*, русск. *лупа*), 'шелуха, корка' (макед. *лупешка*); **(s)kel-* (ср. **kolti* 'колоть', лит. *skélti* 'раскалывать'): 'жировая блестка на поверхности супа (воды)' (укр. и блр. *скалка*), 'шелуха' (др.-в.-нем. *skala*), 'чешуйка' (алб. *halе*); **der-* (**dьrati*) — **męsdьra*: 'почечный жир, сало' (болг. *мездра́*), 'кожица, пленка, оболочка' (с.-хорв. *ме́здра*), а также см. приведенные выше примеры с **dor-*, обозначающие 'жир животных'; **mer-* (ср. с.-хорв. *ме́рати* 'бить, колотить вальком белье при стирке'): 'жировые блестки, плавающие на поверхности супа' (болг. диал. *мре̑нки*), 'тонкая кожица, пленка (в яйце, орехе), оболочка' (с.-хорв. *мре̑на*, *мре̑ница*), 'плева, пленка, пенка' (словен. *mrẹ́na*, *mrệna*), 'крошка' (с.-хорв. *мр̏ва*)[27].

---

[27] Подробнее о данной семантической модели см.: И. П. Петлева. Этимологические заметки по славянской лексике. I. «Этимология. 1972». М., 1974. — Там же указаны источники, из которых взяты приведенные здесь примеры.

Итак, на основе вышеприведенных фактов, среди которых исключительную ценность представляют прежде всего с.-хорв. примеры, демонстрирующие уникальную семантическую архаику, можно сделать вывод о том, что слав. **skormъ/a*, первоначально означало 'то, что отрезается, отделяется: (кожа, пленка, пенка, слой жира. . .)'. Следовательно, значение, представленное в современных вост.-слав. языках 'жир (любой), масло, жирная (мясная и молочная) пища', вторично и возникло на базе 'животный жир' ← 'слой жира, жир в теле животного (обычно отделяемый (отрезаемый) от туши)'. Поэтому **skormъ/a* следует связывать с корнем в значении 'отдирать, отрезать, отделять'. Таковым в данном случае очевидно может быть и.-е. **(s)ker-* 'резать', распространенное с помощью расширителя *-m-*. И что особенно показательно — в составе этого и.-е. гнезда отмечаются многочисленные слав. образования, корневые и суффиксальные (без расширителя *-m-*), семантика которых чрезвычайно близка семантике славянского **skormъ*. Это прежде всего **skora*, континуанты которого, в частности, в польском (*skora*, *skórka*) значат 'шкура', 'кожа', 'тонкая кожица, пленка; оболочка', 'кора', 'корка (хлеба)', 'пенка (на молоке)', 'мезга (мягкая часть коры дерева)' [28]; см. еще (также восходящие к **(s)ker-*): 'корка на поверхности земли' (укр. *шкорýпа*), 'корка; кора' (словен. *skralûp*), 'сливки' (словен. *skorlup*), 'скорлупа; шелуха' (чеш. *skořápka*), 'пенка (на молоке)', 'корка льда' (чеш. *škraloup*) [29] и др.

При предлагаемой трактовке славянское **skormъ/a* получает надежные семантические и формальные соответствия. Мы их находим среди примеров, отнесенных Ю. Покорным в гнездо с и.-е. корнем **(s)ker-*, расширенным с помощью форманта *-m-*: др.-инд. *cárman-*, авест. *čarəman-* 'кожа, шкура', др.-прусск. *kērmens* 'тело', др.-в.-нем. *skerm*, *skirm* 'щит (*из кожи)', греч. κέρμα 'обрезок, мелкая монета', κορμός '(отрезанный) ствол, шест', кимр. *cramen* 'струп', ср.-ирл. *screm* 'поверхность, кожа', ср.-в.-нем. *schram* 'шрам, рана; дыра, расселина в скале', ср.-н.-нем. *schram* (*-mm-*) 'царапина, насечка', *schramme* 'царапина, шрам, рубец', др.-исл. *skrāma* 'рана, шрам, рубец', лит. *krãmas*, лтш. *krama* 'струп', *krems*, *krams* 'кремень', *krìmst* 'глодать, грызть' [30]. Славянская же лексика представлена у Покорного следующими примерами: (предположительно) ст.-слав. кръма 'руль' (как '*отрезанный брус'), кромѣ, нареч. 'кроме, вне', ц.-слав. покромь margo panni, укромь, нареч. singulatium ('отдельно'), русск. *крома* 'крома, край', диал. *кремь* 'лучшая часть леса', (предположительно) ст.-слав. кремы, кремень 'кремень'.

Кроме того, обычно фиксируют такие континуанты ступени **(s)kre-m-*, как в.-луж. *krjemić* 'дробить, крошить' [31], словен.

[28] Linde V, стр. 260—265.
[29] Фасмер III, стр. 652.
[30] Pokorny I, стр. 938—945.
[31] Pfuhl, стр. 288.

kremsača 'плохой топор' [32]; интенсивные глаголы на **sati* — -**kremsati* и **kromsati*, которые Славский рассматривает в качестве праслав. диалектизмов: укр. *кре́мсати*, блр. *крэмсаць*, словен. *krę̂msati* (ср. параллельные образования на *-*sati* с идентичными значениями от ступени **krom-*: русск. *кромса́ть*, укр. *кромса́ти* [33]), а также слав. **kremy*, **kremene*, приведенное у Покорного с пометой «vermutlich», хотя, как правило, данную лексему уверенно связывают со **(s)ker-* [34]. Очевидно, причиной, по которой Покорный объединяет **kremy*, *-ene* со **(s)ker-* лишь предположительно, был неясный для него характер их семантической соотнесенности. Об этом же в свое время писал и Преображенский: «Значение неясно» [35]. Поэтому интересно отметить ряд фактов, свидетельствующих в пользу несомненной связи **kremy* со **(s)ker-* с точки зрения семантики и позволяющих реконструировать первоначальное значение для **kremy*. В современном языке слово *кремень* чаще всего ассоциируется с понятием твердости. В частности, в русском кремнем называют человека с жестким характером. И это естественно, так как твердость — одно из самых характерных свойств данного минерала (она равна —7) [36]. Однако нельзя не учитывать и еще одного важного обстоятельства: с давних времен кремни использовались для получения огня. Путем удара кремня об огниво высекались искры, которые зажигали трут. Но чтобы кремень хорошо кресался (выбивал искры), он должен был отличаться не только твердостью, но и еще одной обязательной особенностью — заостренной, неровной («осколочной») поверхностью, так как без этого нельзя получить сконцентрированного, определенным образом направленного пучка искр. Именно такой «занозистый», «раковистый» характер излома наблюдается у кремней [37]. Поэтому не исключено, что в основу названия слова *кремень* мог быть положен признак 'острый, осколочный, занозистый'. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют и некоторые языковые факты: значение белорусского *крымачык* 'сломанный нож' [38] и пояснение к белорусскому *краму́шка* 'кремень': *краму́шку* раз'бива́йуц' каб была г о́ с т р а, инача́й краса́ц' н'и бу́дз'а [39]; см. еще такой пример, приведенный у Добровольского: *кремушки* съ абаихъ бакоў з а и с т р и н ы [40]; ср. также в сербохорватском: Ја ћу њему доста оправити, оправити праха и олова, из Силистре о ш т р о г а кремена [41]. Показательно, что сочета-

[32] M i k l o s i c h, стр. 137.
[33] S ł a w s k i III, 2 (12), стр. 216; Ф а с м е р II, стр. 381.
[34] B e r n e k e r I, стр. 609—610; Ф а с м е р II, стр. 370; B r ü c k n e r, стр. 275.
[35] П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 380—381.
[36] БСЭ² 23, стр. 319.
[37] Там же; Ф. А. Б р о к г а у з — И. А. Е ф р о н. Энциклопедический словарь, XXXVII. СПб., 1903, стр. 24.
[38] Б я л ь к е в і ч. Магіл., стр. 235.
[39] С ц я ш к о в і ч, стр. 241.
[40] Д о б р о в о л ь с к и й, стр. 358.
[41] I v e k o v i ć - B r o z I, стр. 579.

ние значений ʻколотьʼ — ʻскала; обломок (скалы), осколокʼ — ʻкременьʼ представлено также у слов другого, близкого семантически к *(s)ker- ʻрезатьʼ, индоевропейского корня — *(s)kel- ʻколоть, раскалыватьʼ. См. яркий параллелизм значений у слов этих двух гнезд (*(s)ker- ʻрезатьʼ и *(s)kel-ʻраскалыватьʼ): укр. диал. *кремíн* ʻскала, гораʼ и ʻкремень, каменьʼ [42] — польск. *skała* ʻскала, утесʼ, *skałka* ʻкременьʼ и ʻострый осколок кремня, служащий для получения («кресания») огняʼ [43], укр. диал. *скалка* ʻвыступ скалыʼ и ʻобломок скалыʼ [44] и блр. диал. *скалка* ʻкременьʼ [45] (ср. также русск. *осколок* и др.).

Характерно, что случаи сосуществования у одного и того же слова (или у слов одного и того же корня) значений ʻосколокʼ и ʻкременьʼ наблюдаются не только в славянских языках: ср. швед. *flint* ʻосколокʼ, ʻкременьʼ, дат. *flint* ʻкременьʼ, диал. ʻосколокʼ [46], см. также сочетание значения ʻкременьʼ с ʻщебень, галькаʼ (франц. *caillou*) и ʻгравийʼ (нем. *Kies* ʻгравийʼ — *Kiesel* ʻгалькаʼ и ʻкременьʼ) и т. д.

К принятию в качестве исходного для **kremy*, *-ene* значения ʻосколокʼ нас склоняет прежде всего и семантика целого ряда других славянских континуант индоевропейского *(s)ker-, представляющих ту же, что и в **kremy*, ступень огласовки корня, расширенного с помощью *-m-*, т. е. восходящих к *(s)kre-m-. См. значения приведенных нами выше верхнелужицкого *krjemić* (ʻдробить, крошитьʼ), праславянского диалектного **kremsati* (укр. *крéмсати* ʻобрубать, обтесыватьʼ и др.), словенского *kremsača* (ʻплохой топорʼ). Особенно же показательна в этом отношении семантика неясного для Фасмера русского диалектного (псковского и тверского) *шкремётка* ʻчерепокʼ [47], украинского диалектного *шкремíтки* ʻмелкие обрезки и обломки меди, остающиеся при выделке различных медных вещейʼ [48], а также русских диалектных (новгородских) *оскремёток* ʻщепкаʼ и *оскремётки* ʻкуски льдинʼ [49]. См. еще чеш. диал. *křámat* ʻгрызть, кусать что-либо твердое (орех, яблоко)ʼ, *křamnút* ʻкуснутьʼ, *křamáky* ʻстарые зубыʼ [50] и *křamák* ʻкремешокʼ [51]. Итак, на основе всего изложенного, можно предполагать, что семантическая связь славянского **kremy* с индоевропейским корнем *(s)ker- ʻрезатьʼ базируется на предположении о первичности для **kremy* значения ʻ(острый) осколок, обломокʼ.

---

42 О н ы ш к е в и ч, стр. 383.
43 Варшавский словарь VI, стр. 127.
44 Т. А. М а р у с е н к о. Название рельефов в Хмельницкой области УССР. «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 294.
45 Б я л ь к е в і ч. Магіл., стр. 406.
46 Э. А. М а к а е в. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, стр. 186.
47 Ф а с м е р IV, стр. 450; Д а л ь³ IV, стб. 1449.
48 Г р и н ч е н к о IV, стр. 502.
49 Картотека Новгородского ГПИ. Выписки В. А. Меркуловой.
50 S v ě r a k. Karlov., стр. 120; Malina. Mistř., стр. 48.
51 G e b a u e r II, стр. 139.

С этими лексемами объединяются русск. диал. *кремь* 'часть засеки, где растет лучший строевой лес', *кремлевый* 'крепкий, прочный (о строительном лесе)', *кремлевая сосна* 'сосна на опушке леса (на сухой почве)', др.-русск. *кремль* и *крем(ь)никъ* 'внутренняя крепость', русск. *кремль* [52]; см. еще русск. диал. *крем*, *кремь* 'мелкослойная часть дерева, отличающаяся наибольшей твердостью' [53], *крэнь* (< *кремь*?) 'мелкослоистая часть лиственничного дерева. . . отличается твердостью', *крень* 'дерево с хрупкой древесиной, непригодной для столярных поделок', *кре́мель* 'твердый, трудный для обработки участок ствола дерева (обычно у корня)' [54], *кремьё* 'мягкий слой древесины, мязга' (собственно 'то, что отдирают'), 'смола и смолистое дерево' [55]. Значение 'смола', как и значение верхнелужицкого *křemjel* 'древесный сок' [56], восходит, очевидно, к 'надсечка, подрез' → 'сок (березовый, кленовый), смола, добываемые с помощью надрезов деревьев': ср. толкуемое именно таким образом польск. *oskoła* 'весенний сок растений', которое далее связывается с русск.-ц.-слав. *осколъ* 'скала', русским *осколок*, *скала*, *щель* — все к **(s)kel-* 'колоть' [57].

Что касается ступени **krom-* (и.-е. **(s)krom-*), то ее представляют в славянских не только указанные выше **kroma* (**kromъka*) 'край, грань, ребро, кайма, кант, поля́, рама (картины), кусок хлеба (сала, мяса)' (ср. аналогичные значения у русских слов *край*, *краюха*, *сукрой* 'ломоть', также восходящих к **(s)ker-* 'резать'), ее падежная форма, перешедшая в наречие, **kromě* 'вне, кроме' и др. (см.), но и (предположительно) русск.-ц.-слав. *кромьство* 'внутренности, кишки, потроха' (ср. русск. *черёво* 'живот, чрево', мн. *черева* 'внутренности', польск. *trzewo*, *trzewa* 'внутренности', слвц. *črevo* 'кишка' и др. — к праслав. **červo*, возводимому к тому же и.-е. **(s)ker-* 'резать', ср. и др.-прусск. *kērmens* 'тело, живот'), др.-русск. *кромъ* 'внешнее городовое укрепление, в частности, в Пскове' (в противоположность 'внутреннему' — *кремлю*, или *детинцу*) [58], русск. *кром* 'засыпной ларь, закром или засек' [59], новг. *сукро́м* 'засек, закром, сруб' [60], олон., псков. *сукро́мь* 'сруб вчерне' [61], олон. *су́кромы* 'срубы' [62], яросл. *сукро́мы* 'срубы' [63], польск. диал. *krom* 'ломоть хлеба' [64], н.-луж.

---

[52] Berneker I, стр. 621; Sławski III, 1 (11), стр. 86; Фасмер II, стр. 371.
[53] Словарь Оби 2, стр. 103.
[54] Богораз, стр. 72.
[55] Словарь Среднего Урала II, стр. 61.
[56] Pfuhl, стр. 284.
[57] Фасмер III, стр. 160; Brückner, стр. 384 и др.
[58] Фасмер II, стр. 380; IV, 337.
[59] Даль³ II, стб. 506.
[60] Даль³ IV, стб. 628; Опыт, стр. 220.
[61] Куликовский, стр. 115; Даль³ IV, стб. 628.
[62] Опыт, стр. 220.
[63] Мельниченко, стр. 196.
[64] Karłowicz II, стр. 480—481.

kšom-ik 'барьер, поручень, перила' [65]. Ф. Славский на основании русского *кром*, польского *krom* и нижнелужицкого *kšom-ik* восстанавливает возможный праславянский диалектизм **kromъ* (параллельное образование к о.-слав. **kroma*), хотя и не исключает тут возможности вторичной деривации: **kromiti* → **kromъ* [66]. Он отмечает здесь же и праславянский диалектный глагол **kromiti*, представленный в украинском (*кромити* 'делить'), верхнелужицком (*kromić* 'дробить, крошить') и русском (*кромить* 'отделять, отгораживать; сортировать, отбирать. . .', см. еще диал. *кро́ми́ть* 'подравнивать неровный край доски топором или пилой' [67]. В славянских языках фиксируется также ряд префиксальных глаголов и отглагольных имен: русск. *за-кроми́ть гряду* 'поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалась', *за́кром* 'забранное досками место в житнице или хлебном амбаре. . ., засек, сусек' [68] (интересен семантико-словообразовательный параллелизм двух синонимов *за-кром* и *за-сек*), *укроми́ть* 'отгородить, отделить перегородкой о к р о м е, особо, по себе', *укромиться* 'отделиться от людей. . ., уединиться' [69], севск. *укрумить* 'обрезать, укоротить' (где второе *у* развилось из *о* закрытого) [70], укр. *прикроми́ти* 'унять' [71]. Ступень **krom-* представлена и в блр. диал. *кро́мля* 'кострица, отходы при очистке льна' [72], которое особенно семантически близко таким значениям сербохорватского слова *скра̏ма*, как 'пленка, чешуйка, корка', ср. еще 'крошка' (*шкра̏мица*). Если все перечисленные здесь образования на славянской почве должны быть возведены к **krom-*, то русск. диал. (псков., южн., зап.) *скрома́дить (сено)* 'грести' (по мнению Даля этот глагол может быть результатом контаминации *громадить* и *скрести*) [73], укр. *по-скрома́дити* 'поскрести, почесать', *у-скрома́дити* 'немного поскрести' [74], видимо, надо возводить к **skrom-* (и.-е. **(s)krom-*).

Особо следует остановиться на русском диалектном (владимирском) слове *кро́мы* 'ткацкий станок, кросны, со всем прибором и с основою' [75]. Принято считать его родственным древневерхненемецкому *(h)rama* 'рама, станина', древнеанглийскому *hremman* 'стискивать, препятствовать', которые возводятся согласно Покорному к и.-е. **krom-* 'подставка, станина', представленному лишь в германских и славянских языках [76]. Учитывая тот факт,

---

[65] М у к а I, стр. 715.
[66] S ł a w s k i III, 2 (12), стр. 129.
[67] Словарь Среднего Урала II, стр. 64.
[68] Д а л ь² I, стр. 591.
[69] Д а л ь² IV, стр. 485.
[70] П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 390.
[71] Ф а с м е р II, стр. 381.
[72] С ц я ш к о в і ч, стр. 241.
[73] Д а л ь² IV, стр. 209.
[74] Г р и н ч е н к о III, стр. 362; IV, стр. 356.
[75] Д а л ь² II, стр. 197.
[76] П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 391—392; B e r n e k e r I, стр. 622; Ф а с м е р II, стр. 381; P o k o r n y I, стр. 623—624.

что лексема *кро́мы* первоначально, по-видимому, обозначала четырехугольную раму ткацкого станка [77] (ср. русск. *кросна́*, мн., *кро́сны*, мн., *кро́сно*, ср., *кро́сна́*, ж. 'домашний ткацкий станок' и 'основание, рама ткацкого станка' [78], укр. *кро́сно*, чаще мн. *кро́сна* 'рама' и 'простой ткацкий станок. . .' [79]), а также то обстоятельство, что значение 'рама' обнаруживается уже у слова **kroma* (см. н.-луж. *kšoma* 'край, рубец, кромка, кайма' и 'рама' [80], ср. еще семантически близкое (указанное выше) н.-луж. *kšom-ik* 'барьер, поручень'), видимо, следует прийти к выводу о неправомерности отрыва диалектного русского слова *кро́мы* от общеславянского **kroma* и помещения их в разные и.-е. гнезда. Что касается морфологического оформления русского *кро́мы*, то оно допускает возможность двоякого истолкования. С одной стороны, как будто есть основания считать *кромы* по происхождению формой множественного числа от *крома* (**kroma*) или (по Бернекеру) — от **kromъ*. Тогда не исключалось бы предположение, что в древности ткацкая рама воспринималась как совокупность планок (граней), ее составляющих, — и в таком случае *кромы* собственно '*планки (грани)': ср. русск. *пя́ло* 'шест, доска для растяжки', *пя́ла* (*суконные*), мн. 'столбы с прогоном и крючками', *пя́льцы*, мн. 'снаряд для растяжки, рама для впяливания ткани. . ., женский рукодельный верстак' [81], ср. еще укр. диал. *кроси́н'ц'а*, мн. 'стояки', 'козлы' и 'рама (ручной мельницы)' [82]. С другой стороны, уникальное русск. диал. (псков.). *кроме́нья* 'края' [83] подводит к мысли о возможной архаичной праформе **kromy*, *-ene*, аналогичной **kremy*, *-ene*, позже осмысленной как форма мн. числа. Но так или иначе, закономерное семантическое развитие 'край, кайма, кант' → 'ребро, грань' → '(окаймляющая) планка, доска' → '(планки' →) 'рама' → 'простой ткацкий станок' свидетельствует в пользу единства общеславянского **kroma* и русского диалектного *кромы* (**kromy*) и возведения их к и.-е. **(s)ker-* 'резать'. Поэтому точка зрения, согласно которой эти лексемы отрывают друг от друга и разносят по двум разным и.-е. гнездам: **kroma* — к **(s)ker-* 'резать', а **kromy* — к **krom-* 'подставка' (Бернекер, Покорный и др.), кажется нам неприемлемой, как и та, в соответствии с которой оба этих слова возводят к и.-е. **krom-* 'подставка' (Преображенский и др.). При последней трактовке вообще не удается убедительно объяснить целый ряд значений у **kroma*: 'кусок (ломоть) хлеба' (русск. *крома*), 'кусок сала, мяса' и др. (н.-луж. *kšomica*), ср. и 'кострица, отходы при

---

[77] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 17, 127.
[78] Словарь Среднего Урала II, стр. 64—65.
[79] Гринченко II, стр. 311.
[80] Муkа I, стр. 715.
[81] Даль² III, стр. 552.
[82] Онышкевич, стр. 387—388.
[83] Картотека Псковского областного словаря (выписки В. А. Меркуловой).

очистке льна' (блр. диал. *кромля*) и т. п. Предлагаемое нами объединение лексем **kroma* и *кромы* под одной праформой **krom-* — к и.-е. **(s)ker-* 'резать' помогло бы также устранить разногласия в вопросе этимологической интерпретации и ряда других слов, в частности, русских *кремль* 'кремль' и *кром* 'внешняя стена города', которые Бернекер, Славский и др. справедливо связывают с **kroma* и далее со **(s)ker-* [84], а Грот, Преображенский и др. соотносят с **kroma*, которое они, однако, возводят, как мы отмечали выше, к др.-англ. *hremman* 'стискивать', др.-в.-нем. *hrama* 'рама' [85] и далее, согласно Покорному, к и.-е. **krom-* 'станина'.

Со ступенью **krom-* индоевропейского корня **(s)ker-* 'резать', по-видимому, может быть также соотнесено праслав. и о.-слав. (кроме украинского) прилаг. **хromъ*. Мысль о возможной связи данной лексемы с корнем **skrem-* была высказана Брюкнером, который отметил, что исходным значением для *хromъ* следует считать 'пораненный чем-л. острым: саблей, топором' [86]. Об этом же свидетельствует, в частности, и семантика континуант данной лексемы в древнерусском (*хромота* 'увечье', см. примеры из Смоленской грамоты: Аще кто дроуга ранить, а *хромоты* на телѣ не боудеть...; Или кто выбиеть око члвкоу, или ногоу ототнеть, или роукоу ѡтотнеть, или иноую *хромоту* въ тѣлѣ оучинить. . .[87]), старопольском (*chromy* не только 'хромой', но и 'калечный, увечный' [88]), древнесербском (см. пример, приведенный в Загребском словаре: Тилеса *рома* и кљаста [89]. — Тела изранены (изувечены) и искалечены. Брюкнер не объясняет причин появления *х-* в слове **хromъ*, которое, по справедливому мнению Махека, могло возникнуть на славянской почве из *k-* (**kromъ*) в результате закрепления данной лексемы, обозначающей физический недостаток, в сфере экспрессивной лексики [90] (хотя дальнейшее толкование этого **kromъ*, предлагаемое Махеком, кажется неубедительным, см. ниже). Причем былое существование именной основы **kromъ*, в значении 'отрезанный; обрезок (кусок)' кажется вполне возможным: см. указанное выше **kromъ* (: польск. *krom* 'кусок хлеба' и др.), а также семантику русского (диал.) *кромити* 'подравнивать неровный край доски топором или пилой', в.-луж. *kromić* 'дробить'. Интересно отметить, что в русских говорах замена начального *к-* звуком *х-* перед плавными (в частности, перед *-р-*) наблюдается, по-видимому, не только в словах экспрессивного характера: твер. *хресало* 'резец для хвороста, пирожного' < *кре-*

---

84 Bernekеr I, стр. 621; Sławski III, 1 (11), стр. 86.
85 Преображенский I, стр. 381; 389—390.
86 Brückner, стр. 184.
87 Срезневский III, стб. 1407.
88 Sławski I, стр. 80—81.
89 RJA III, стр. 705.
90 V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen. — «Slavia», XVI, 2, 1939, стр. 191, 213; см. еще его статью в IF LIII, стр. 93—94.

са́ло? [91], обск. *хря́сла* < *кря́сла* [92]. С семантической стороны этимология Брюкнера может быть поддержана также фактом сосуществования значений 'бить, резать, ломать' — 'физический недостаток; увечный, калека' — 'хромой' в составе другого и.-е. гнезда: **lem-* 'ломать': русск. *лома́ть*, др.-исл. *lemja* 'бить, разбивать' — польск. *ułomność* 'физический недостаток', *ułomny* 'убогий, калека' — нем. *lahm* 'хромой', лит. *lúomas* то же [93]. Итак, учитывая все эти факты, нужно принять (с необходимыми дополнениями) гипотезу Брюкнера и, вслед за Мейе и Славским, отказаться от старого сопоставления **xromъ* с др.-инд. *srāmaḥ* 'хромой' [94]. По мнению Мейе, близость слов, представленных лишь в двух далеких языках, может быть случайной, т. к. названия уродств (увечий) часто не имеют и.-е. этимологии, подвергаясь частому обновлению, а, кроме того, др.-инд. *ā* не может соответствовать славянскому *ŏ* [95]. Другие версии, о которых см. у Фасмера [96], также кажутся малоубедительными. Махек, первоначально поддерживавший традиционное сопоставление с др.-инд. *srāmá-* (см. указанные выше статьи), в последние годы выдвинул недостоверную гипотезу о возможной связи **xromъ* с др.-инд. *srāmá-* и нем. *lahm* на основе общего и.-е. корня **lom-o-s*, слав. **rom-o-s* (на базе того, что и.-е. *r* может быть из **r* или **l*), причем *x-* в славянском слове и *s-* в древнеиндийском трактуются им как экспрессивные «усилители», характерные для эмоционально окрашенных образований [97].

Что касается сербохорватского диалектного (далматинского) слова *хромица* 'мера длины: расстояние между концами раздвинутых (большого и указательного) пальцев руки' [98], то вопрос его семантической соотнесенности с *хро̏м* 'хромой' оставался для П. Скока неясным [99]. Однако связь этих слов достаточна прозрачна. Очевидно, *хромица* получила свое наименование в результате того, что процесс измерения с помощью угла, образованного двумя разведенными пальцами разной длины, напоминает своеобразное ковыляние («хромание»). См. еще идентичное семантическое сочетание: русск. *ковыля́ть*, *ковыльну́ть* 'хромать или прихрамывать, припадать на ногу, идти вперевалку' [100] и диал. *ковы́ль* 'мерка, соответствующая погонной сажени в виде угла с перекладиной, сажень', *ковы́льнуть* 'сделать один взмах саженью, «ковылем» при измерении земли' [101]. Следует добавить, что с.-хорв.

[91] Даль² IV, стр. 565.
[92] Словарь Оби III, стр. 216.
[93] Фасмер II, стр. 516; Kluge-Götze¹⁵, стр. 432—433; «Польско-русский словарь». Под ред. М. Ф. Развадовской. М., 1963, стр. 654.
[94] Miklosich, стр. 91.
[95] A. Meillet. Le *x* du slave *xoditi*. — MSL XIX, 5, 1915, стр. 300.
[96] Фасмер IV, стр. 277.
[97] Machek², стр. 206.
[98] RJA III, стр. 705.
[99] Skok I, стр. 688—689.
[100] Даль² II, стр. 129.
[101] Иванова. Подмоск., стр. 204.

хромица имеет соответствие в одном из болгарских говоров — *хромà*, обозначающее ту же самую меру длины [102].

На базе общего исходного значения 'резать; отрезанное' (а не 'жир, насыщение') о.-слав. **kъrmъ/a* 'корм' (< **(s)kъrmъ/a*) на основе количественного чередования должно быть соотнесено со **skormъ/a* (< *(s)kormъ/a*) и далее со **(s)ker-* 'резать'. Установление родства слов **kъrmъ* (**kъrma*), **kora*, **kъrma* 'корма' с греч. κέρμα 'обрезок, кусок, мелкая монета' и реконструкцию ряда **sker-* / **skor-* / **kor-* / **kъr-* находим уже у Крчека (согласно Славскому [103]) и Шумана, где для **kъrmъ* предполагается исходное значение 'отрезанный кусок', и дается семантическое сопоставление с греч. καρπός 'плод' и лат. *carpo* 'рву' [104]. Бернекер уточняет эту мысль, отмечая, что **kъrmъ/a* — образование с помощью форманта *-mo-* (*-ma-*) от корня **(s)qer-* 'резать'. Он приводит в ее поддержку ряд семантических аналогий: лат. *caro* 'мясо' ('*отрезанный кусок мяса') — также к **(s)qer-*; греч. δαΐς 'еда' — δαΐζω 'делю, разрезаю на части, распределяю', франц. *portion* 'часть, доля' и 'порция еды' [105]. Позже данная этимология была принята также М. Когеном [106], как наиболее вероятную ее излагает и Ф. Славский, допускающий такой путь развития значения: 'отрезанное (срезанное), сжатое' → 'корм для скота' → 'корм, пища' [107]. Однако возможно, что семантическая эволюция была несколько иной, чем 'кусок; порция, выделенная скоту' (или 'сжатое сено') → 'корм'. См. интересные в этом отношении русск. и болг. примеры: русск. *сéчка* (=*рéзка*) 'р е з к а, и з р у б л е н н а я солома, сено, пересыпанное отрубями, для корма скоту, к р о ш е н о е сено, солома' [108], диал. (южн. и зап.) *отора*, *оторье* 'хлебный обой от молотьбы; смесь мякины, охоботья; пустой колос, мелкая солома и пр. корм скоту' при *оторя́ть*, *оторúть* 'обмолоть, обтереть, и з м е л ь ч и т ь треньем' (к *терéть*) ср. еще орл. *вы́торки* 'отруби' и псков. *вóтрины*, влад. *вóтря*, ниж. *вóтреть*, твер. *вотрéц* 'обитый, обмолоченный, пустой колос, м е л к а я солома после молотьбы; мелкий корм для скота; мякина, полова, р е з к а, с е ч к а' (также к *терéть*) [109]; см. и *óтруби* 'остатки от просеянной муки, и з м е л ь ч е н н а я под жерновом рубашка зерна; вотря, высевки, в ы к р о й к и, выторки' [110]; аналогично этому и болг. *кърмà* 'корм

---

[102] Ст. Стойчев. Днешно състояние на еркечкия говор. «Известия на Института за български език», кн. IV. София, 1956, стр. 364.
[103] Sławski II, 1 (6), стр. 80—81.
[104] H. Šuman. Etymologische Erklärunssversuche. — AfslPh XXX, 1909, стр. 303.
[105] Berneker I, стр. 668—669.
[106] М. Коген. Несколько поправок и дополнений к «Этимологическому словарю русского языка» А. Преображенского. — Изв. ОРЯС XXIII, 1. СПб., 1918, стр. 27—28.
[107] Sławski II, 1 (6), стр. 80—81.
[108] Даль² IV, стр. 382; 121.
[109] Даль² II, стр. 743; I, стр. 321; 253; Фасмер III, стр. 172.
[110] Даль² II, стр. 752; Фасмер III, стр. 173.

скоту, состоящий из отрубей, семян и измельченного фуража' [111]. Следовательно, вполне возможно, что **kъrmъ/a*, первоначально собственно 'резка, сечка (крошево)', т. е. 'измельченный (мелкий) корм для скота (изрубленная солома, мелкое сено, отруби и т. п.)' → 'корм для скота' → 'корм, пища'.

К той же ступени корня **(s)ker-*, что и в **kъrmъ/a* 'корм', возводят и слав. **kъrma* 'корма', которое в сербохорватском и болгарском языках значит также и 'рулевое весло, руль, кормило' [112]. Современной наукой справедливо отвергается старое сопоставление его с греч. πρύμνᾱ, как сопряженное с фонетическими трудностями, и предпочитается сравнение с греч. κορμός 'колода, чурбан, полено', κορμὸς ναυτικός, 'весло' [113]. Итак, **kъrma* собственно '(отрезанная) палка, жердь, часть ствола' (ср. значение также восходящего к **(s)ker-* 'резать' литовского *kártis* — '(отрезанная) жердь, палка' [114]), затем 'весло, рулевое весло' → 'руль'. См. у Даля описание рулевого весла: ... правильное весло из бревна в 10—12 саж., навешиваемое с кормы [115]. Что касается значения 'корма', то оно должно было появиться позднее как наименование места, где устанавливалось рулевое весло. О вторичности его может, в частности, свидетельствовать семантика отыменного старого сербохорватского глагола, непосредственно связанная со значением 'руль', а не 'корма': *кр́мити* 'управлять рулем' [116] (< **kъrmiti*). Впоследствии, когда **kъrma* получило свое второе значение — 'корма', с которым оно стало употребляться в большинстве славянских языков, появилась потребность в новом слове для обозначения руля и оно было создано на базе глагола **kъrmiti* с помощью суффикса **dlo-* **kъrmidlo* 'руль' (ст.-слав. кръмило, с.-хорв. *кр̀мило* [117] и др.). Интересно отметить полное словообразовательное и акцентное тождество славянских слов (в частности, в сербохорватском), принадлежащих теперь к двум омонимичным самостоятельным гнездам, но исторически восходящих к одному общему и.-е. корню **(s)ker-* 'резать': *кр́ма* 'корм для скота' — *кр́ма* 'корма; руль', *кр́мити* 'кормить (скот)' — *кр́мити* 'править рулем'. См. еще любопытное оформление по мужскому роду слова в значении 'корма' в словенском: *kŕm* 'корма' (при *kŕma* 'корм') [118].

В последнее время получила поддержку и дальнейшее развитие гипотеза Брюкнера, согласно которой русск. *коромы́сло* (укр. *коро́мисло*, блр. *коро́мисел*) образовано с помощью суффикса *-сло* от *корма* (**kъrma* 'руль, корма') и является близкородственным

---

[111] РБЕ IV, стр. 677.
[112] Толстой[3], стр. 226; РБЕ IV, стр. 677—8.
[113] Фасмер II, стр. 329.
[114] Pokorny I, стр. 940, 942.
[115] Даль[2] III, стр. 355.
[116] Толстой[1], стр. 357.
[117] Срезневский I, стб. 1405; Толстой[1], стр. 357.
[118] Kotnik, стр. 159.

украинскому *кормúга* 'ярмо' (в польском *koromysło* украинизм). Реконструкцию первой части Брюкнер, очевидно, представлял в виде **kъrm-*, т. к. считал второе *о* неисконным [119]. Данная гипотеза не раскрывает характера семантической связи слов *коромысло* и *корма*, а также оставляет без объяснения природу *-ы-* (-**y-*) в лексеме *коромы́сло.* Что касается смысловой соотнесенности указанных слов, то она базировалась, очевидно, на общности их первоначального значения 'палка, брус, жердь'. Об исконности именно такой семантики для **kъrma* мы уже писали, ее же демонстрирует и лексема *коромысло* (*коромысел*), о чем свидетельствуют многочисленные диалектные примеры, приведенные в статье О. Н. Трубачева, один из разделов которой посвящен слову *коромысло*: русск. олон. *коромы́сло* 'палка, которой толкут в ступе белье', калинин. *коромысёл* 'дышло у плуга' [120] (по Далю *ды́шло* 'одиночная оглобля, лесина' [121]) и др. Указанную семантическую связь 'палка (жердь, брус)' → 'коромысло' можно проследить и в других случаях: русск. диал. *хлуд* 'жердь, дубина', 'жердь для увязки воза сена, соломы' и 'рычаг, на коем двое носят ушат на плечах, водонос', *хлудéц* 'хворостина' и 'коромысло для носки вёдер' [122]; нем. *Balken* 'балка, бревно, брус' и 'коромысло' [123]. О. Н. Трубачев дал интересное объяснение формальной структуры слова *коромысло*: он реконструировал для него праформу **kъrmyslъ*, считая ее результатом развития суффиксального **kъrm-ys-*, которое могло дать и **kъrm-yx-a* ($s > x$), ср. другой суффиксальный вариант **kъrm-yg-a* (укр. *кормúга*). Такой подход дает возможность объяснить «темное» *ы* (**y*) и толковать *-yslъ-* как суффиксальную группу *-ys-lъ* [124]. В пользу этого мнения, возможно, свидетельствуют не только такие примеры, как русск. диал. *коромысик* 'стрекоза', *коромы́с* (наряду с *коромы́сел*, *коромы́сло*) 'коромысло' [125] (если они не вторичны), но, очевидно, и *коромышка* 'двухколесная повозка, служащая для перевозки навоза', зафиксированное в Рязанской области, где отмечено также *коромысли* не только 'коромысло', но и 'приспособление для перевозки сена на телеге, одре' и т. п. (: 'из «д'ир'ев'йиф, из аүлобл'иф») [126]. Коромышка очень напоминает одер, также двухколесную с небольшими бортами повозку для перевозки навоза и др. Борта эти были съемными и назывались *кpéсли* («. . . такии-та

---

[119] Brückner, стр. 257.
[120] О. Н. Трубачев. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (Славянские этимологии 48—52). «Этимология. 1972». М., 1974, стр. 35—41.
[121] Даль² I, стр. 508.
[122] Даль² IV, стр. 551.
[123] «Немецко-русский словарь». Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1964, стр. 113.
[124] О. Н. Трубачев. Наблюдения по этимологии. . ., стр. 35—41.
[125] Картотека Словаря русских народных говоров; Словарь Ср. Урала II, стр. 50.
[126] Деулинский словарь, стр. 241.

п а л к и. . ., *кресли* ис п л а́ н ъ к. . .») [127]. Следовательно, *коромысли* и *кресли* обозначали здесь сходное приспособление из планок или жердей, которое использовалось при перевозке навоза и др. на одре или коромышке. Все эти факты (формальная близость, семантическая соотнесенность, фиксация в одном и том же говоре) позволяют считать слова *коромысли* и *коромышка* родственными. Видимо, можно предполагать для сущ. *коромышка* праформу **kъrm-ух-а* (> **kъrm-yš-ьka*) — ср. именно такую форму, реконструируемую О. Н. Трубачевым. В последнее время в качестве соответствия (с другой ступенью корневого вокализма) к вост.-слав. **kъrmyslъ/o* было привлечено зафиксированное в Словаре Сихты кашуб. *čărmëslë* 'коромысло', которое О. Н. Трубачев трактует как **čьrmyslъ/ь*, а Хинце как **čьrmyslo* (и как его вариант — **kormyslo*) [128].

Кроме того, предполагают, что русск. ц.-слав. *чрѣмъ* σκηνή 'шатер' может продолжать ступень * *čerm-* индоевропейского корня * *(s)ker-* 'резать'. Данное слово сопоставляют с такими словами, как др.-инд. *cárman-* 'кожа', осет. *carm* 'шкура, кожа', др.-в.-нем. *scerm* 'защита', а, с другой стороны, с синонимичным русским ц.-слав. *череща* (*чьрща*) 'шатер' (< **čertja*), рассматриваемым в качестве производного от * *čertъ* (русск. *о-черет* 'камыш') и, следовательно, допускают трактовку 'обтянутый шкурами шатер' или 'тростниковая (камышовая) хижина' [129].

Из-за ограниченного объема данной статьи мы не смогли здесь остановиться на таких требующих подробного специального исследования словах, как польск. *skromny*, русск. *скромный* и пр., ст.-слав. *храмъ*, русск. *хоромы* и др. Поэтому в заключение остается лишь подчеркнуть, что и.-е. корень * *(s)ker-* с расширителем *-m-* представлен в славянских языках многочисленными континуантами, демонстрирующими разветвленный апофонический ряд и разнообразную семантику.

---

[127] Там же, стр. 251.

[128] S y c h t a I, стр. 149; F. H i n z e. Die Namen *Scharmützel*, *Schermützel*, *Zermützel*, *Schermeisel* und ihre Deutung. Zugleich ein Beitrag zur Etymologie von ostslav. *коромысло* 'Wassertrage'. — ZfS XVII, 1972, стр. 19 и сл., со ссылкой на ст.: Г. П о п о в с к а - Т а б о р с к а. Kaszubskie *čerep*, *čᵊrmëslë* polską wersją *czerepa* i *koromyseł*. «Slavia Orientalis», 18, 1968, стр. 369—370; О. Н. Т р у б а ч е в. Наблюдения по этимологии. . ., стр. 37.

[129] Этимологический словарь славянских языков, вып. IV (рукопись).

Ж. Ж. Варбот

К РЕКОНСТРУКЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ И ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН. IV*

(**tipati*, **piščati* II и **piščalь* II, **vъrati* и **varati*, **sokorъ* и **sočiti* III)

**tipati*

Праслав. **tipati* реконструируется на основании следующих славянских глаголов (для более полной характеристики значения глаголов приводятся также производные имена): болг. диал. *ти́пам* '1. брыкать (о скоте); 2. ступать, топтать; 3. ударять' [1], *ти́пъм* '1. ходить, 2. стараться о чем-либо' [2], с.-хорв. *tipati* 'достигать, дотрагиваться' [3], *tȋpav* 'медлительный и неловкий (в работе)' [4], словен. *típati*, *tȋpam*, *tȋpljem* '1. ощупывать, осязать; 2. *t. piskre* — делать рукой глиняные горшки' [5], чеш. *típati se s čím* 'медлительно что-либо делать' [6], русск. волог., вят. *ти́пать* 'тихонько ударить; схватить; украсть; укусить, клюнуть, щипнуть; идти тихонько, на цыпочках; красться', олон. *ти́паться* 'играть в *ти́пки*, в догонки, в ловушки' [7], урал. *нати́пать* 'накусать (о комарах)' [8], *поти́пать* 'пощипать, покусать, поклевать' [9], тамб. *типо́к* 'короткое колено цепа, киек, боек, билен' [10], обск. *типе́ц* то же [11], *типля́к* 'пихтель, большой пест' [12], вят. *типунья* 'красная глина, жирная, для горшков' [13]. Вся группа считается этимологически неясной [14]. Относительно русск. *ти́пать* Фасмер предполагал звукоподражательное происхождение [15]. Действи-

* Предшествующие статьи этой серии см. в томах «Этимология. 1971», «Этимология. 1972», «Этимология. 1973».
[1] Тодор Стойчев. Родопски речник. — БД II. София, 1965, стр. 280.
[2] В. Кювлиева и К. Димчев. Речник на хасковския градския говор. — БД V. София, 1970, стр. 92.
[3] Iveković — Broz II, стр. 571 (*tipalo*).
[4] Там же.
[5] Pleteršnik II, стр. 669.
[6] Kott IV, стр. 87. — Приведенное там же ст.-чеш. *típati* 'раскалывать' (зафиксировано 3 л. ед. ч. *tiepa*!) восходит скорее к **těpati*.
[7] Даль² IV, стр. 405; Васнецов, стр. 316; Опыт, стр. 228.
[8] Сл. Сред. Урала II, стр. 188.
[9] Даль² III, стр. 355.
[10] Даль² IV, стр. 406.
[11] Словарь Оби 3, стр. 183.
[12] Даль² IV, стр. 406.
[13] Васнецов, стр. 316.
[14] Л. В. Куркина. Словенско-восточнославянские лексические связи. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 100.
[15] Фасмер IV, стр. 60.

тельно, в русских пермских говорах употребляется звукоподражательно для обозначения резкого укуса междометие *тип*[16], но генетические связи подобных междометий и соответствующих глаголов бывают разнонаправленными (ср. *хватать* → *хвать*, чеш. *mazati* → чеш. диал. *maz* междометие, обозначающее удар[17]), поэтому и в случае слав. **tipati* глагол может быть первичным по отношению к междометию. Во всяком случае, наличие в резерве гипотезы о звукоподражательном происхождении не должно препятствовать поискам возможных родственных связей этого глагола в славянской лексике.

Значения приведенных выше глаголов отдельных славянских языков весьма разнообразны, но, если не ориентироваться на их звукоподражательное происхождение, можно попытаться установить среди них определенную генетическую иерархию, чтобы приблизиться к первичной семантике. Очевидно, что наиболее эмоционально окрашенные значения скорее являются позднейшими; поэтому не следует опираться на значения 'медлительно делать' или 'стараться о чем-либо'. С другой стороны, значения 'схватить', 'украсть' и 'укусить', 'клюнуть', 'ущипнуть' часто развиваются на базе семантики 'касаться, дотрагиваться' и 'ударять'. И значение 'ступать, топтать' может быть понято как производное от 'бить, ударять', а к 'ступать, топтать', в свою очередь, восходит значение 'идти, ходить'. Таким образом, к первичной семантике **tipati*, вероятно, ближе всего значения 'ощупывать, осязать, дотрагиваться' и 'бить, ударять'.

Существенно, что именно к этим значениям приводят и образованные от **tipati* имена, обозначающие орудия и материалы производства: русск. диал. *типóк*, *типéц* 'короткое колено цепа, боек', *типля́к* 'пихтель, большой пест', *типунья* 'красная глина, жирная, для горшков' (см. выше). Особенно следует, кажется, обратить внимание на название глины для изготовления горшков — *типунья*: этот русский диалектизм не находит соответствия в семантике глагола *ти́пать* в русских говорах, но зато перекликается со словен. *típati piskre* 'делать глиняные горшки'. Прежде всего, это соответствие в значениях территориально разобщенных лексем (причем в значениях сугубо материального, производственного плана) позволяет отнести значение 'делать глиняные горшки' к первичной семантике глагола **tipati*. Далее, связь семантики **tipati* с гончарным производством дает реальную базу для уяснения соотношения значений 'ощупывать, осязать, дотрагиваться' и 'бить', ударять' (а также 'ступать, топтать'), которые представлены у рефлексов **tipati* по славянским языкам: ведь гончарное производство предполагает многоэтапную механическую обработку глины, от грубого разбивания и разминания (пестом, ногами) до формовки посуды ося-

[16] Соликам. словарь, стр. 629.
[17] A. Gregor. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. — Spisy University v Brně. Filosofická fakulta, č. 59. Praha—Brno, 1959, стр. 94.

зающими, касающимися движениями рук. Можно думать, что праслав. *tipati значило первоначально ‘касаться, надавливая; ударять’ и в некоторых праславянских диалектах послужило термином для обозначения примитивного гончарного процесса производства. Исследуя лексику славянских языков, связанную с гончарством, О. Н. Трубачев пришел к выводу, что в праславянский период «специальные названия, связанные с производством гончарных изделий (процесс производства, орудия производства), почти полностью отсутствовали. . . Праславяне и другие древние индоевропейцы, занимавшиеся гончарством на уровне примитивного домашнего промысла, почти лишенного орудий и приспособлений, по всей вероятности, обходились при этом немногочисленной слабо терминологизированной общеязыковой лексикой. . . Тем не менее мы все-таки можем более или менее уверенно указать некоторые лексемы, которые могли быть достаточно рано использованы как термины, т. е. можем попытаться реконструировать элементы производственной терминологии до гончарного круга, заглушенные вторичными терминологическими напластованиями в связи с ходом культурной эволюции. Речь идет о нескольких глаголах. Это, во-первых, сев.-в.-русск. *лепи́ть* посуду. . . Во-вторых, . . . это с.-хорв. диал. *савиjати* и ст.-слав., ц.-слав. каꙗти . . .»[18]. В последнем случае Трубачев допускает возможность «отражения в более позднем термине керамического производства древнего термина плетения»[19]. Что касается русск. *лепи́ть* посуду, то оно является диалектной терминологизацией праславянского (и общеславянского) глагола *lěpiti ‘мазать, прилеплять’, то есть термин изначально связан с производством из глины. Подобным диалектным (причем на уровне диалектов праславянского языка!) термином гончарного ремесла как производства из глины был, вероятно, и глагол *tipati: значения его продолжений в большинстве славянских языков достаточно последовательно сводятся к ‘касаться, надавливая; ударять’ и лишь в диалектах словенского и русского языков обнаруживаются следы гончарного термина ‘лепить посуду’.

Реконструкция первичной семантики глагола *tipati как ‘касаться, надавливая; ударять’ (откуда далее ‘ступать, топтать’, ‘схватить’, ‘медленно делать’, ‘щипать, кусать, клевать’) позволяет поставить вопрос о его генетических связях с семантически близкими балтийскими глаголами: лит. *tèpti* ‘мазать’, *tapýti* ‘мазать, писать (красками)’, *tapnóti* ‘похлопывать ладонью, ласкать, гладить, мазать; топтать (ногами), топать’, лтш. *tapât* ‘прививать’ (первоначально ‘гладить, мазать’) и *tapât* ‘идти маленькими шагами’. Слав. *tepti, которое родственно данной балтийской группе, по своей семантике ‘бить, колотить’ также

---

[18] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966, стр. 187—188.
[19] Там же, стр. 190.

достаточно близко к **tipati*, поскольку продолжения **tepti* в славянских языках обозначают и колющие, рубящие (вроде рубки дров) удары, и тупые, трамбующие: например, болг. *тепам* 'валять (сукно)', с.-хорв. *тȇпсти* 'взбалтывать; сбивать (масло)', словен. *utepsti* 'замазать грязью' [20], а также слав. **topati*, **topotъ*, **topъtati*, родственные **tepti*. Таким образом, слав. **tipati*, **tepti*, **topati* и балтийские глаголы объединяются значениями 'касаться, давить, валять', 'ударять, бить', 'топать, ступать', что оправдывает предположение об их генетическом тождестве с точки зрения семантики. Затруднения возникают в плане материальном, точнее — в трактовке соотношений гласных в корнях глаголов: слав. **tipati* и слав. **tepti* / **topati* (при лит. *tèpti*, *tapýti*). Представляется, что здесь следует считаться с возможностью сохранения реликтов древней аблаутной системы. Известно, что славянские глаголы с корнями, не содержащими сонантов, за редкими исключениями утратили ступень редукции и производную от нее ступень продления редукции, усвоив для соответствующих форм полный вокализм *e* и долгие гласные *ě*, *a*. Однако исключения есть: это **tekǫ*—**tьci*, **rekǫ*—**rьci*—*-*ricati*, **žegti*—**žьgǫ*—ст.-слав. *vъžidzati*, **gnetǫ*—ст.-слав. *ugnitati* и некоторые другие однотипные отношения [21]. Во всех случаях, приведенных здесь, ступень продления редукции представлена в итеративных глаголах на *-ati*, *-aje-*. Однако она может появляться и в итеративных глаголах на *-ati*, *-je-* (поскольку здесь в принципе возможен долгий корневой вокализм) [22]: например, **nizati*, **nižǫ* (аблаут ряда *e* : *o* : *ь* : *i* — ср. *-noziti*, *nožь*). Подобным же образом — как ступень продления редукции (при утрате форм с вокализмом в ступени редукции) — можно истолковать и вокализм глагола **tipati* по отношению к **tepti*.

Данные славянских языков относительно формы настоящего времени, соответствующей инфинитиву **tipati*, разноречивы: есть основы на *-aje-* (ср. русск. *ти́пает*) и на *-je-* (словен. *tȋpljem*). Если учесть накоренное ударение в русском глаголе, наличие *-je*-основы в словенском (где сохраняется архаическое диалектное значение глагола как гончарного термина) и общую тенденцию к вытеснению славянских итеративов на *-ati*, *-je-* итеративами на *-ati*, *-aje-*, то для праславянского скорее следует предполагать основу настоящего времени на *-je-*, то есть **tipati*, **tipje-*. Производным от этого праславянского глагола может быть чеш. диал. (ляш.) *utyṕić* 'толкнуть' (můg by co utyṕić=utržiť', dostati kyjem) [23].

[20] Pleteršnik II, стр. 739.
[21] A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux slave. — MSL, t. 14, f. 4, 1906, стр. 332 и след.
[22] Ср. *kazati*, *kažǫ*; *sypati*, *sypljǫ* и др. — см. A. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. III. Paris, 1966, стр. 322—324 (Далее — Vaillant. Grammaire comparée).
[23] A. Kellner. Východolašská nářečí, II. Brno, 1949, стр. 314 (Далее — Kellner. Východolaš. II).

Наряду с лит. *tapnóti* 'топтать (ногами), топать' и лтш. *tapât* 'идти маленькими шагами', есть еще лит. *typénti* 'идти маленькими шагами, семенить' и лтш. *tipât* 'идти нетвердым шагом, семенить, медленно идти' [24]. Можно думать, что последние родственны первым и отражают ту же ступень корневого вокализма, которая представлена в слав. **tipati*.

Для слав. **tepti* и лит. *tèpti* обычно предполагается звукоподражательное происхождение. Но наличие слав. **topati* и лит. *tapýti* свидетельствует о весьма раннем вовлечении корня *tep*- в аблаутные отношения. Регулярными образованиями от этого первоначально звукоподражательного корня являются и слав. **tipati*, лит. *typénti*, лтш. *tipât*.

Не совсем ясно отношение рассматриваемого слав. **tipati* к гнезду слав. **pipati*, рефлексы которого по славянским языкам обнаруживают сходную с **tipati* семантику: словен. *pípati* 'касаться, трогать', с.-хорв. *pȉpati*, болг. *пипам*, чеш. *pipati* то же, хорв. *pipav* 'медлительный' [25]. Для **pipati* предполагается звукоподражательное происхождение [26]. Поскольку и в литовском языке, наряду с *tèpti* 'ударить', есть *pipčióti* 'легко ударить, шлепнуть', а междометие *pẽpt*, как и *tèpt*, *tẽpt*, обозначает удар, то можно думать, что слав. **tipati* (и **tepti*) и **pipati* продолжают различные глаголы (звукоподражательного происхождения), вторично сблизившиеся.

**piščati* II и **piščalь* II

В некоторых славянских языках наряду с рефлексами праслав. **piščati*, **piščǫ* 'свистеть, визжать, пищать, скрипеть и т. д.' (восходящего к звукоподражанию), представлены глаголы, которые предполагают тождественную праславянскую форму, но имеют значение 'течь, струиться': это чеш. диал. клад. *pištěti* 'струиться, сочиться из щелей', валаш. *piščať*, ляш. *piščet* (с производным *píštěl* 'отверстие, через которое вытекает гной') [27], в.-луж. *pišćeć* 'вытекать, струиться' [28]. К ним может быть с большой уверенностью присоединено и с.-хорв. диал. *pištiti* 'капать, вытекать' [29]: инфинитивы на *-iti* в славянских языках часто являются заменой более древних инфинитивов на *-ěti*, возникая вследствие аналогического воздействия на древнюю инфинитивную основу со стороны *-i*-основы настоящего времени. Косвенным доказательством правомерности такого истолкования происхождения инфинитива *pištiti* является производное имя существительное *pištalina* 'источ-

---

[24] Fraenkel, стр. 1099 (без этимологии).
[25] Miklosich, стр. 247; Machek², стр. 450.
[26] Skok II, стр. 659.
[27] Machek², стр. 452.
[28] Pfuhl, стр. 455.
[29] Skok II, стр. 664.

ник, болотистая местность' [30], поскольку имена с посткорневым *-ěl-/-'al-* в значительной своей части образованы присоединением суффикса *-l-* к инфинитивным основам на *-ě-(/-'a-)*. Ср. выше чеш. *píštěl*. Другими именными производными того же гнезда в сербскохорватском языке являются диал. *pišt* м. р. 'тонкая струя воды', *pȉšta* 'плохое пастбище', *píštavac* 'слабый источник', *píštavica*, *píštavina* 'источник в скале', *pȉštet* 'маленький источник', *pištȍljina* 'место, где течет вода; болотистая местность' [31], *pȉšćāj* 'источник', *piščur* 'маленький источник' [32], *пиштевина* 'навозная жижа' [33].

Реконструируемая, таким образом, для сербскохорватского, чешского и верхнелужицкого глаголов праславянская основа **piščati* со значением 'течь, струиться' соотносится с однократной глагольной основой на *-nǫ-* **pisknǫti*, продолжениями которой являются чеш. диал. ганац. *vepisknót* 'вытечь' [34] и с.-хорв. *pisnuti* то же [35]. Эти основы — **piščati* 'течь' и **pisknǫti* 'потечь' — материально тождественны паре праслав. **piščati* 'пищать' — **pisknǫti* 'пискнуть, свистнуть'. Поэтому П. Скок считает обе группы тождественными также и по происхождению и возводит их равно к звукоподражательному *pi-* [36]. Это истолкование нельзя не признать достаточно вероятным, поскольку представляется возможным образование глагола, обозначающего движение воды, от звукоподражания [37]. Однако вряд ли следует отказываться от рассмотрения иных путей этимологизирования: очевидная, на первый взгляд, связь глаголов, обозначающих движение воды, а также названий потоков с обозначениями шумов может быть вторичной, как, например, в случае слав. **ručajь*, **ručьjь* и **ruknǫti*, **ryčati* 'стремительно течь', для которых наиболее вероятно родство не с **rykati* 'реветь, шуметь', а с гнездом **reu-* 'рвать' [38].

---

30 Там же.
31 Там же.
32 J. Schütz. Die geographische Terminologie der Serbokroatischen. Berlin, 1957, стр. 66.
33 Толстой, стр. 600.
34 Machek², стр. 452.
35 Skok II, стр. 664.
36 Там же.
37 В пользу этимологического отождествления **piščati* 'пищать' и **piščati* 'течь' (ср. особенно производные имена типа с.-хорв. **pišt* 'тонкая струя воды', *pȉšćaj* 'источник', чеш. *píštěl* 'отверстие, через которое вытекает гной') в семантическом плане можно было бы сослаться на родство русск. *свищ* 'отверстие в гнойнике' и слав. **svistěti*. Однако при ближайшем рассмотрении сходство здесь оказывается весьма отдаленным: **svistěti* в славянских языках не употребляется в значении 'течь', а в основе значения 'отверстие гнойника' слова *свищ* лежит, вероятно, значение 'предмет с отверстием, который может служить свистком, например, выеденный червем орех' (*свищ* по диалектам русского и украинского языков и обозначает орех-пустышку).
38 St. Szober. Kilka etymologij. — PF XIV, 1929, стр. 601—602. — Ср. словен. *rukati* 'рвать', болг. диал. *ричам* 'колоть, кусать, ударять' — см.: Ж. Ж. Варбот. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных име-

Из разных этимологических гнезд выводил слав. **piščati* 'пищать, свистеть' и слав. **piščati* 'течь, струиться' В. Махек. При этом слав. **piščati* 'течь' он объяснял в конечном счете из детской речи [39], что представляется сомнительным, если учесть отсутствие у соответствующих славянских глаголов какой-либо эмоциональной окраски.

Иная возможность этимологического обособления слав. **piščati* 'течь' от слав. **piščati* 'пищать' и выделения самостоятельной глагольной основы праслав. **piščati* II 'течь, струиться' открывается при обращении к родственным индоевропейским языкам. В греческом языке, в германской группе и некоторых других языках представлены глаголы со значением 'течь, струиться' и родственные им имена со значениями 'источник', 'болото', 'влажное место, луг' и т. п., восходящие к и.-е. **pei̯(ə)-* 'быть тучным, изобиловать' с различными расширениями. Покорный относит к и.-е. **poi̯u̯ā* лит. *píeva* 'луг', к и.-е. **poid-*, **pīd-* — греч. πῖδύω 'струиться, литься', πῖδαξ 'источник', πῖσεα мн. ч. ср. р. 'влажное место, луг' (**pīdses*), др.-исл. *fit* 'луг', вост.-фриз. 'лужа', лтш. *pīsa*, *pīse* 'болото', а также ставит вопрос о происхождении ср.-ирл. *esc* 'вода' из **pidskā* [40]. В славянской лексике продолжениями этого индоевропейского гнезда являются **pitati* и **pitja* 'пища'. Семантика приведенных выше индоевропейских образований позволяет предполагать, что и слав. **piščati* II 'течь, струиться' восходит к тому же индоевропейскому гнезду, продолжая, возможно, какую-то другую его ветвь: слав. **piščati* и **pisknǫti* могли быть образованы с помощью итеративного суффикса *-sk-* и непосредственно от корня (и.-е. **pei̯ə-*/**pī-*), и от расширенных основ (и.-е. **pei̯ət-*/**pīt-*, **pei̯əd-*/**pīd-*).

Этимологическое значение праслав. **piščati* II, как продолжения и.-е. **pei̯ə-* и ближайшего родственного славянскому **pitja* 'пища', должно быть близко к 'орошать' (= 'давать в изобилии воду', 'насыщать, питать водой'). Эта семантическая реконструкция дает основание для возведения к праслав. **piščati* II, помимо приведенных выше чешских, верхнелужицкого и сербскохорватских образований, еще и болгарского диалектного глагола *пúшта*, *-иш* 'загораживать камнями, песком и т. п. реку или ручей, запруживать' [41], 'запруживать ручей, чтобы получился водоем или чтобы вода шла в другом направлении' [42]. Родственным именем является, вероятно, болг. *пишура* 'длинный желоб, по которому течет вода

нах. «Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 99.

[39] M a c h e k², стр. 452, 448.

[40] P o k o r n y I, стр. 793—794, см. также F r i s k 16, стр. 533 (πῖδαξ).

[41] Стефан И л ч е в. Към ботевградската лексика. — БД I, София, 1962, стр. 198.

[42] Иван К ъ н ч е в. Говорът на село Смолско, Пирдопско. — БД IV. София, 1968, стр. 130.

из источника, отверстие источника'[43] — ср. с.-хорв. *piščur* 'маленький источник' (см. выше).

Если слав. **piščati* II ('течь, струиться') этимологически отлично от **piščati* I 'пищать', то наряду с **piščalь* I 'дудка, свирель', производным от **piščati* I, следует реконструировать и **piščalь* II 'источник' (для чеш. диал. *píštěl* и с.-хорв. диал. *pištalina*), производное от **piščati* II.

vъrati* и **varati

Русск. *врать*, *вру* не имеет точных соответствий в других славянских языках и фиксируется в памятниках только с XVI в.[44] На этом основании данный глагол в последнее время рассматривается как новообразование русского языка, восходящее к *вьрѣти* 'кипеть'[45] или *-вереть*[46] 'совать, запирать' → 'связывать' → 'плести'. Последняя этимология представляется наиболее убедительной из всех предложенных: родство *-вереть*, *-вру* и *врать*, *вру* вполне вероятно как с точки зрения формы, так и в плане семантики. Помимо приведенного Вайяном в качестве семантической параллели родства русск. *плести* и *сплетни*, можно упомянуть еще о семантических отношениях в гнезде слав. **verz-*: ст.-слав. отврѣшти, отъврѧзѫ, отъврѧзати 'открыть, отворить', болг. *развързвам* 'связывать', русск. *паворозъ* 'шнурок', *верзни* 'лапти', *каверза*, диал. *вéрзить*, *верзти́* 'врать, лгать, бредить'[47].

Однако определение хронологии образования *врать* как позднего, собственно русского нуждается в уточнении. В этимологической литературе уже утвердилось мнение о родстве русск. *вор* (первоначально 'плут, обманщик, мошенник') с *врать*. Но корневой вокализм *о* имени *вор* исключает возможность его образования в истории русского языка; *вор* может восходить лишь к раннепраславянскому производному от глагольной основы с корневым вокализмом в ступени *e* (**ver-*), так же, как русск. *вор* 'забор' восходит к праслав. **vorъ*, образованному от **verti* 'совать, запирать, вязать'. Следовательно, русск. *врать*, *вру* должно продолжать какую-то праславянскую глагольную основу с первоначальным корневым вокализмом *e* и значением 'обманывать', от которой и было образовано **vorъ* 'обманщик'.

Некоторые уточнения относительно структуры предполагаемой праславянской основы 'обманывать' можно, кажется, полу-

---

[43] БТР, стр. 554.

[44] Срезневский III, стб. 40'. — В Картотеке словаря древнерусского языка (Институт русского языка АН СССР) также нет более ранних фиксаций глагола *врать*.

[45] N. M. Holmer. The etymology of russian *врать* 'tell a lie'. «Slaviska Institutet vid Lunds Universitet. Årsbok 1948—1949». Lund, 1951, стр. 151—152.

[46] A. Vaillant. Notules. I. Russe *vrat'* 'mentir'. — RÉS XXXI, 1954, стр. 100—101.

[47] Даль² I, стр. 181.

чить, анализируя словенские данные. В словенском языке употребляется глагол *zvîrati*, *-am* 'сваливать вину на другого' (on vse na me *zvira*)[48], который, очевидно, очень близок структурно и семантически к русск. *врать* (ср. *врать* на кого-либо, *-вирать*) и представляется родственным ему. Словенский глагол — итератив по форме — предполагает существование более древнего глагола с корневым вокализмом в ступени редукции (**vьr-*) и, таким образом, свидетельствует о праславянской древности этой ступени вокализма в русск. *врать* и (или) *вру*.

Как согласовать в реконструкции праславянской глагольной основы 'обманывать' требование вокализма *е* (для объяснения образования имени *вор*) и вокализма в ступени редукции (русск. *врать*, *вру*, словен. *zvîrati*)? Поскольку во многих славянских глаголах вокализм в ступени редукции является собственно славянским новообразованием на месте индоевропейской ступени *е*, можно было бы предположить, что *вор* и *врать*, *zvîrati* связаны с одной и той же глагольной основой на разных хронологических уровнях, например: *вор* < **vorъ* образовано от **verati* (или **verǫ*), а русск. *врать* восходит к более позднему виду той же основы — **vьrati* (или **vьrǫ*), от которой образовано также словен. *zvîrati*. Более вероятным, однако, представляется другое решение. Известно, что в раннепраславянский период соотносительные основы инфинитива и настоящего времени нередко противопоставлялись друг другу по вокализму, причем ступень *е* и ступень редукции использовались в двух моделях: **terti*: **tьrǫ* и **bьrati*: **berǫ* (с вариантом **pьsati*: **pišǫ*). Аналогичную ситуацию — параллелизм ступени *е* и ступени редукции в основах настоящего времени и инфинитива — можно предполагать и для праславянского глагола 'обманывать'. По модели **terti* : **tьrǫ* мы приходим к **verti*, **vьrǫ*, тождественному **verti*, **vьrǫ* 'совать, запирать, связывать, плести'. В таком случае пришлось бы допустить для **verti* семантическое развитие 'плести' → 'обманывать', не зафиксированное, однако, в прямых продолжениях **verti* по славянским языкам. Косвенным рефлексом **verti*, **vьrǫ* 'обманывать' может быть русск. *врать*, *вру*, но лишь при условии замены инфинитива **verti* инфинитивом **vьrati* (по типу **bьrati* — ср. русск. просторечн. и диал. *трать*) еще в праславянский период (поскольку *-веретъ* в древнерусском языке не имело значения 'обманывать'). Таким образом, предполагается, что праслав. **verti*, **vьrǫ* 'запирать, вязать' в некоторых диалектах приобрело значение 'обманывать' и только в этом значении преобразовалось в **vьrati*, **vьrǫ*.

Модель **bьrati*: **berǫ* приводит к реконструкции **vьrati*, **verǫ* 'обманывать', которое структурно соотносится с родственным **verti*, **vьrǫ* 'запирать, вязать', как **dьrati*, **derǫ* — с **derti*,

---

[48] Pleteršnik II, стр. 947.

**dьrǫ* (польск. *drzeć*, *drę* и т. д.)[49], как **žьrati*, **žerǫ* (чеш. *žráti*, *žeru* и т. д.) — с **žerti*, *žьrǫ* (ст.-слав. -жрѣти, жьрѫ), как **pьrati*, **perǫ* 'давить' — с **perti*, **pьrǫ* 'давить, толкать'. В этом случае праслав. **vьrati*, **verǫ* 'обманывать' должно было впоследствии распространить вокализм в ступени редукции и на основу настоящего времени, что и дало русск. *врать*, *вру* (ср. *жрать*, *жру*). Именно последний путь развития представляется наиболее вероятным. Во всех случаях русск. *врать* должно быть продолжением праслав. **vьrati*.

Образование в гнезде **ver-* 'совать, запирать' основ **vьrati*, **verǫ* (или **vьrǫ*) со значением 'обманывать' имело в праславянском языке характер диалектного явления, распространившегося на диалекты, легшие в основу восточнославянских языков и словенского языка (словен. *zvîrati*). Можно, однако, поставить вопрос, не были ли границы развития значения 'обманывать' в гнезде **ver-* шире этих диалектов. Дело в том, что в южнославянских языках есть глагол **varati* в значении 'обманывать': это словен. *várati*, с.-хорв. *vȁrati*, болг. *вáрам*. Обычно он рассматривается как результат семантического развития на славянской почве заимствованного немецкого *wahren*[50], однако предполагаемое при этом развитие значения 'хранить' → 'охранять (ребенка)' → 'забавлять, отвлекать' → 'обманывать' независимо во всех южнославянских языках представляется недостаточно обоснованным. Поскольку известно, что значение 'обманывать' появилось по диалектам в праславянском гнезде **ver-*, то нельзя ли предположить образование в этом гнезде и глагола **varati*, давшего рассматриваемые глаголы южнославянских языков?

**sokorъ* и **sočiti* III

В словацких диалектах известно слово *sokorec* 'вершина, верхушка'[51], 'отесанная ель'[52], мн. *sokorce* 'вершины гор'[53], с вариантами *sochorec* 'вершина'[54] и *kosorec* 'верхушка дерева'[55]. В. Махек охарактеризовал эту лексему как этимологически неясную, отметив, однако, форму *kosorec* как результат метатезы[56]. И *sochorec*, очевидно, является вторичным вариантом, обязанным своим появлением контаминации с *sochor* 'длинная палка, жердь для поддерживания, поднятия тяжестей, рычаг' (истолкованию *sochorec* как производного от *sochor* препятствует различие в семантике, поскольку в значении *sochorec* важен признак остроконеч-

---

49 Sławski I, стр. 173.
50 RJA XX, 85, стр. 572—573; БЕР II, стр. 119.
51 SSJ, IV, стр. 137, 138.
52 Kott III, стр. 516.
53 Там же.
54 SSJ IV, стр. 137.
55 SSJ I, стр. 751.
56 Machek[1], стр. 463.

ности, а для *sochor* по говорам остается обязательным признак развилки на конце — след родства с **soxa*). Этимологически первичным представляется вариант *sokorec*, как считал и Махек.

Этимологическая интерпретация слвц. *sokorec* подсказывается его материальной и семантической близостью к гнезду слав. **sek-* / **sěk-* 'сечь, резать, рубить': *sokorec* может быть понято как производное этого гнезда с этимологическим значением 'обрезанное, обрубленое (=острое)'. По значению 'вершина горы' слвц. *sokorec* может быть сопоставлено с лат. *saxum* 'скала', родственным с *seco* и далее со слав. **sěkti*; ср. также семантическую модель слав. **skala* — от **kolti*.

В словацком языке нет глагола или бессуффиксального имени того же гнезда с корневым вокализмом *o* (*sok-*), поэтому *sokorec* должно быть древним образованием, что дает основания для реконструкции праслав. **sokorъ*. По корневому вокализму это предполагаемое имя тождественно праслав. **sokyra* (др.-русск. *сокыра*, укр. *сокира*), которое является диалектным вариантом праслав. **sekyra* (в словацком языке есть лишь рефлекс **sekyra*). Очевидно, есть сходство и в суффиксальной части имен **sokorъ* и **sokyra*. О вариантном употреблении суффиксов *-or-* и *-yr-* в славянских языках свидетельствует группа ст.-слав. косоръ, с.-хорв. *kȍsor*, русск. *косырь*, с.-хорв. *kȍsir* и т. д. (в словацком языке лишь *kosier* < **kosěrъ*; вероятно, вариантность *sokorec* — *kosorec* может быть связана и с влиянием на *sokorec* имени *kosier*). Однако слав. **sokyra* / **sekyra* (или, точнее, вариант **sekyra*) может рассматриваться как дославянское, индоевропейское образование, поскольку оно почти полностью соответствует лат. *secūris*. Очень существенно в этом отношении отсутствие в славянском глаголе огласовки *e*. Как хронологически соотносится с **sekyra* / **sokyra* реконструируемое **sokorъ*? Кажется, есть основания и **sokorъ* толковать как образование индоевропейской древности: как по корневому вокализму, так и по суффиксу ему соответствует др.-в.-нем. *sahar* 'осока' (ср.-в.-нем. *saher* то же, австр. диал. *der saher* 'зеленеющие верхушки всходящих трав или хлебов', бавар. *saher* 'острые листья некоторых болотных трав, а также ржи и пшеницы' [57]). Следовательно, параллелизм сходно оформленных имен праслав. **sekyra* / **sokyra* и **sokorъ* восходит, возможно, еще к индоевропейскому уровню.

Суффиксы *-or-* и *-yr-* в славянских языках представлены главным образом в отыменных образованиях типа **kosorъ*, **kosor'ъ*, **kosyr'ъ*, **soxorъ*, **měxyr'ъ*, польск. *kostyra*. Поэтому и **sekyra* / **sokyra*, и **sokorъ* могут рассматриваться как отыменные (ср. бессуффиксальные др.-в.-нем. *seh*, *sech* 'нож плуга', др.-в.-нем. *sahs* 'нож' [58]), хотя и отглагольное их происхождение не исклю-

---

[57] O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch. 2 Aufl. Halle a. S. 1872—1882, стр. 735.
[58] Там же, стр. 749.

чается, поскольку на индоевропейском уровне трудно дифференцировать бессуффиксальные именные и глагольные основы. В славянских языках нет имен или глаголов, которые могли бы быть производящими основами для **sekyra*: его вокализм изолирован. В отношении **sokyra* и **sokorъ* дело, кажется, обстоит иначе: представляется, что следы глагольной основы с вокализмом **o* сохранились в словенском языке, где зафиксированы по диалектам *sókati*, *-am*, *sókniti*, *-nem* 'уколоть (например, ножом)'[59] и *sočíti*, *-ím* 'сбивать, сбрасывать рога'[60]. Семантика и форма этих глаголов делают вполне реалистичным их отнесение к гнезду слав. **sek-* / **sěk-*[61]. Разумеется, наибольшую древность можно предполагать (из этих трех основ) для словен. *sočíti*. Вокализм и структура его позволяют реконструировать праслав. **sočiti* как итеративный глагол, родственный **sěkti*. Поскольку известны праслав. **sočiti* 'следить' и **sočiti* 'течь, струиться', данный итеративный глагол гнезда **sek-* / **sěk-* может быть обозначен как **sočiti* III. Именно с этим глаголом и должны соотноситься на праславянском уровне **sokyra* и **sokorъ*, хотя они и не являются, возможно, производными от него.

Предложенное истолкование слвц. *sokorec* и словен. *sočíti* предполагает признание этих лексем рефлексами праславянских диалектизмов.

---

[59] Pleteršnik II, стр. 531, 532.

[60] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. «Linguistica» VIII, I, 1966—1968, стр. 71; Pleteršnik II, стр. 528.

[61] Предложенные Ф. Безлаем сопоставления словен. *sókati*, *sókniti* с *sógati* 'грозить' и лит. *sègti* 'прикреплять', а словен. *sočíti* с лит. *sèkti* 'следовать' (см. F. Bezlaj. Указ. соч.) представляются семантически неоправданными.

Л. В. Куркина

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Русск. *тормошить*

Для русск. *тормошить* 'теребить, дергать, трясти, таскать', 'не давать покоя, надоедать, тревожить' [1] обычно отмечаются соответствия в севернославянских языках [2]: ср. укр. *термóсити*, диал. *тармасúть* 'двигать, приводить в движение', польск. *tarmosić*, *tarmosać*, *termosić* 'дергать, теребить, трепать', чеш. *trmáceti* (*se*) 'утомлять, изнурять', *trmati* то же, диал. *trmázgat sa*, *trmáskat' se* то же и слвц. *trmosit' sa* 'ломаться, кривляться, мучиться'. Дальнейшие связи толкуются очень неопределенно. Махек предлагал рассматривать эти глаголы как преобразование основы, соответствующей слвц. *drmat'*, *drmotit'*, *drmotat'* 'дергать, теребить, сильно трясти'. В словаре Фасмера ставится под сомнение родство с греч. τρέμω 'дрожу', лат. *tremō*, *-ere*, лит. *trìmti*, *trimù* 'дрожать от холода'.

Судя по структуре, в основе всех этих образований лежит простая основа **tьrmati*, расширенная элементами *-sk-*, *-zg-*, *-s/š-*. Нам представляется наиболее вероятным объяснение слав. **tьrm-* на основе емкого и.-е. корня **ter-* 'тереть' с расширителем *-m*. И.-е. **ter-* с разными огласовками легко сочетается со многими расширителями [3], на славянской почве этот корень в ступени редукции получает расширитель *-m*. Как производные той же структуры, но с корнем в полной ступени толкуются лит. *termóti* 'смешивать, путать, марать', *termà* 'корм для свиней; мешанина, неразбериха; путаница' и *termezóti* 'пачкать, марать', 'смазывать', 'загрязнять, осквернять', 'плохо рисовать, писать' [4]. Фонетический облик некоторых славянских форм, в частности русск. *тормошить*, определила ассимиляция по второму слогу.

Изучение славянского материала показывает, что круг славянских соответствий с основой **tьrm-* может быть расширен укр. *тáрмати* 'рвать, спутывать, сбивать', *тéрмати* 'рвать, щипать' [5]. В этом же ряду основ могут получить объяснение словен. каринт.

---

1 Даль[2] IV, стр. 420.
2 Brückner, стр. 566; Machek[1], стр. 535; Фасмер IV, стр. 84.
3 Pokorny, стр. 1071—1073.
4 Fraenkel 14, стр. 1082—1083.
5 А. А. Шахматов. К истории звуков русского языка. Замена долгих плавными слоговыми и третье полногласие. — ИОРЯС VII, 2, СПб., 1902, стр. 334. — Словарь Гринченко не отмечает этих слов.

termati и *stermati* 'ткать', фиксируемые словарями первой половины XIX в. (Гутсман и Ярник) [6]. Ф. Безлай возводил словенские лексемы к и.-е. корню **ster-* 'распространять' (лат. *sternere* 'натягивать', кельт. брет. *stern* 'кросна', валл. *ystarn* 'ремень', ирл. *garmain* 'кросна' и др.), но этот корень устойчиво характеризует начальное *s*-, а семантическое содержание его определяют в основном два значения — 'распространять' и 'место, сторона'. Принимая объяснение словен. *termati*, *stermati* на основе и.-е. **ter-* / **tьr-* $+m$, мы опираемся и на известную взаимосвязь значений 'дергать, теребить' → 'ткать', ср. русск. *ткать* ~ *тыкать*.

Фонетически и семантически допустимо сопоставление с приведенными выше славянскими лексемами с.-хорв. *tr̀mizati*, *tr̀mižem* 'se movere', ср. *ne trmiže* 'не двигайся с места', и *trmùnjina* 'стебель кукурузы' [7]. Родственные образования с расширителем *-z-* представляют русск. диал. *тормози́ть* 'говорить пустяки, вздор', *тормози́ться* 'колготиться' [8].

Того же происхождения, видимо, и укр. *термі́т'* 'кострика' [9], *тéрміт'* 'кострика с конопли' [10], *тéрміть*=*терміття* 'кострика, твердые части пеньки и льна' [11], *термі́ття* 'различные отходы, используемые в качестве топлива' [12]. По структуре это собирательное существительное **tьrmetьje* [13], близкое по типу образования к русск. диал. *веретá*, *верéтье* 'мешок из рогожи или грубого холста, толстая грубая ткань' [14]. Отношение **tьrmati* — **tьrmetьje* напоминает отношение **verati* (ср. русск. *верать* 'совать, вкладывать') — **veretьje*. А семантическое развитие 'дергать, теребить' → 'очесы, отходы' не нуждается в особом обосновании.

Словен. *otrkniti*

Словен. диал. *otŕkniti*, *otŕknem* сов. в. 'затвердеть, сделать твердым' вместе с производным от него причастием *otrknjen*, ср. *otrknjen krompir* 'испорченный картофель' (Засавье), и гл. *utŕkniti*, *utŕknem* сов. в. 'пройти, перестать (о боли)' (запад. Словения) относятся Ф. Безлаем к числу изолированных лексем, имею-

---

[6] B e z l a j. Eseji, стр. 130; L. B e z l a j - K r e v e l. Slovenska tkalska terminologija. — JiS XIII, 3, 1968, стр. 86; F. B e z l a j. Arhaizmi v koroških narečjih. — «Koroški kulturni dnevi» I, стр. 73—74.

[7] I v e k o v i ć — B r o z II, стр. 592.

[8] Деулинский словарь, стр. 561.

[9] «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 464.

[10] А. А. М о с к а л е н к о. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, стр. 70.

[11] Г р и н ч е н к о IV, стр. 257.

[12] J. J. П р и й м а к. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області (Матеріали до словника українських говорів). Нова Каховка, 1957, стр. 21.

[13] О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 75—76.

[14] Ф а с м е р I, стр. 297.

щих исключительно балтийские соответствия [15]. Близкородственными в балтийских языках признаются лит. *trìkti* 'толкать; быть помехой; растворяться', *trė̃kti* 'портить, повреждать, расточать', *trãknys* 'растертая солома; удобрение из соломы; отбросы сена'. С ними сближаются также словен. *trackáti, -kâm* рассыпать, растрачивать' и *trâčje* ср. р. 'ботва бобов или фасоля', 'маленькие ивовые прутья', но последнее, видимо, связано происхождением с русск. *торóка* юж., зап. 'оторочка, бахрома' [16] и ничего общего не имеет с названными выше лексемами. Привлекаемый Ф. Безлаем материал разнороден, а в литовско-словенских соответствиях не получают детального обоснования ни семантика, ни структура корня [17].

Нам представляется, что словенские лексемы отнюдь не составляют исключительную принадлежность словенского языка, они входят в широкий круг славянских соответствий и связаны с другим корнем — **tъrk-* / **stъrk-*: ср. русск. *тóркать* 'толкать, колотить', болг. *тъ̀ркам* 'тру, мешаю', с.-хорв. *тр̏кати, тр̏чēм* 'бегать туда — сюда' и др. [18] Легко заметить, что словен. *otŕkniti* и *utŕkniti* содержат приставки *o-* и *u-*, им соответствует простой гл. *tŕkati, tȓkam* со значением 'стучать, толкать'. В эту семью родственных слов входят также *tŕkniti, tȓknem* сов. в. 'толкнуть, стукнуть', *trknjen* 'пригорелый', 'сумасшедший', далее с приставкой *s-*: *stŕkniti, tȓknem* сов. в. 'толкнуть' и *stŕkniti se, tȓknem se* 'свернуться (о молоке)' [19].

В отдельных славянских языках сталкиваемся с фактом видоизменения, преобразования для этого глагола основного значения 'толкать'. Так, словен. *trknjen* 'сумасшедший', русск. *натóркать* 'ударяясь о что-либо, причинить боль, вызвать болезненное состояние' [20], *затыркать* (с продлением ступени редукции) 'утомить, измучить кого-либо требованиями, поручениями; задергать' [21], болг. *тъ̀рк'еф, -ева* 'маленького роста, дробный' [22] ясно указывают на семантический переход 'толкать' → 'вызывать болезненное состояние', 'представлять отклонение от нормы'. Другое направление семантического развития представляют словенские лексемы в значении 'затвердеть', 'осесть', 'свернуться', к ним, возможно, примыкает и полесск. *остóркнуты* сов. в. 'становиться, поселиться, найти пристанище, осесть' [23]. Семантически близко

---

[15] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen. «Linguistica» VIII/1. Ljubljana, 1966—1968, стр. 64.
[16] Об основах с и.-е. корнем **terk-* 'поворачивать' см. Pokorny, стр. 1077.
[17] Fraenkel 14, стр. 1109, 1116; 15, стр. 1122—1123.
[18] Фасмер IV, стр. 83.
[19] Pleteršnik II, стр. 591, 693.
[20] Соликам. словарь, стр. 348.
[21] Деулинский словарь, стр. 194.
[22] С. Стойков. Лексиката на банатския говор. София, 1968, стр. 239.
[23] Ф. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 53.

этим лексемам русск. диал. *отбркался я на свете*, что значит 'околотился, обтолкался' [24].

Дальнейшие связи остаются не вполне ясными. Фасмер сближает с *торчать* и *сторчь* [25]. Махек разделяет чеш. *strkati*, *strčiti* и *trkati* [26]. В чеш. *trkati* Махек видит глухой вариант основы *drkati*, а чеш. *strkati* объясняется на основе сближения с нем. *rücken*, для чего предполагается подвижное *s*- и вставное *t*. В словаре Фасмера слав. **tъrk*- определяется как звукоподражательное образование и сближается с лит. *tùrkterėti* 'толкнуть' [27].

Укр. *ле́ста*

В словаре Гринченко находим слово *ле́ста* в значении 'род шестерни в водяной мельнице на Днепре' [28]. Это слово как будто бы не обнаруживает прямых родственных связей в составе украинского словаря и, по нашим наблюдениям, не отмечено в этимологической литературе.

Для понимания внутренней формы этого слова важно иметь ясное представление об устройстве, именуемом лестой, шестерней. У Даля находим: шестерня — это «малое машинное колесо, два круга, соединенные цевками, которые захватывают колесные кулаки или пальцы» [29], т. е. основную деталь этого устройства составляет стержень, шест с зубьями, которые хватают кулаки колес (т. е. зубцы мельничного колеса) и тем самым приводят колеса в движение, заставляют их вращаться. Обращает на себя внимание тот факт, что в ряде славянских языков для обозначения сходного орудия, а именно длинной палки с расходящимися рогами, зубьями, используется основа **lesk*- / **lešč*- [30]. Продолжением ее считаются русск. диал. *ле́щедь*, *лещадь* ж. р. 'шестик, жердь, камышина, расколотая к одному концу для съемки плодов с деревьев' [31], 'снаряд, употребляемый для ловли раков, из длинной палки с заостренными с одного конца двумя рожками' [32], яросл. *леще́дна* 'щит из соломы и жердей' [33], укр. *лещата* мн. 1. 'тиски', 2. 'тиски из лубков', 3. 'два длинных куска дерева или железа, между которыми находится предмет, который необходимо сжать, а концы их скреплены', 4. 'жомы для разминания кож', 5. 'лещетка, употребляемая для кастрирования лошадей', 6. 'род снаряда, употребляющегося в игре' [34], польск. *leszczotka* 'расщеп-

---

[24] Д а л ь² II, стр. 743.
[25] Ф а с м е р III, стр. 769.
[26] M a c h e k², стр. 583, 681.
[27] Ф а с м е р IV, стр. 83.
[28] Г р и н ч е н к о II, стр. 356.
[29] Д а л ь² IV, стр. 631.
[30] M i k l o s i c h, стр. 165; B e r n e k e r I, стр. 702; Ф а с м е р II, стр. 491.
[31] Д а л ь³ II, стб. 645.
[32] Картотека словаря русских народных говоров.
[33] М е л ь н и ч е н к о, стр. 104.
[34] Г р и н ч е н к о II, стр. 357.

ленное дерево, используемое для выхолащивания лошадей', диал. *léscoty* мн. 'две дощечки, на которые вешают сало на чердаке'[35]. Севернослав. **lešč-etь*, **lešč-edь* производят от гл. **leskati*, **leščiti* в значении 'ударять, хлопать, расщеплять' (ср. русск. диал. *налещить* 'наколоть, наломать плитками'[36], *слещóтиться* 'смяться, сплющиться'[37], словен. *razleskáti*, *razlésknìti* 'расщепить'[38]. Другую ступень чередования представляет гл. **loskati*[39]. Следует заметить, что известны попытки объяснить слав. **leščedь* / **leščetь* на основе сближения с слав. **loskъ* (ср. русск. *лоск*, словен. *lèsk* 'лоск, блеск', болг. *лъщя́* 'блещу, лоснюсь') и **klěstjě*[40]. Но оба эти истолкования оставляют без внимания сам принцип связи семантически удаленных основ, отношение корневых гласных *е — ě* и поэтому не могут быть приняты.

Можно думать, что место укр. *леста* в кругу славянских основ с корнем **lešč-*. Различие в исходе основ *st—sk* отражает чередование, хорошо известное славянским основам (ср. русск. *ласка* и *ластиться*[41], *блеск* и *блестеть*[42]). В рамках намечаемого этимологического гнезда вполне естественным и понятным представляется семантическое развитие: 'ударять' → 'ударом расщеплять' → 'орудие, имеющее форму расщепленного дерева'.

Рассмотренные выше семантически однородные основы составляют, видимо, только часть этимологического гнезда с корнем **lešč-* / **lest-*. Отдельные славянские языки сохраняют следы близких основ, для которых можно реконструировать семантический переход 'ударять, хлопать' → 'зарубка, излом'. Примером таких основ могут служить русск. нижегор. *лещóтка* 'рубчатая старинная плоская стеклянная посудина; сулея'[43] и чеш. диал. морав. *lešta* 'дощечка с зарубками, надрезами для развешивания картин'[44], если это не заимствование нем. *Leiste* 'планка, рейка; брусок'. Как отражение семантического перехода 'ударять' → 'делать плоским' → нечто плоское' можно рассматривать словен. *leščúr* 'чешуя'[45], болг. *леска* 'сланец, песчаник'[46] и, возможно, диал. *лескýнкьа* ж. р. 'в женской одежде узоры из белых и желтых медных кружочков' (Оряховско)[47]. Этот семантический аспект заслуживает внимания в связи с русск. диал. *лéстовка* 'род ко-

---

35 Sławski IV, 2, стр. 175.
36 Даль² II, стр. 434.
37 Деулинский словарь, стр. 524.
38 Sławski IV, 2, стр. 175.
39 Berneker I, стр. 733—734.
40 См. Фасмер II, стр. 491; Sławski IV, 2, стр. 175.
41 Фасмер II, стр. 463.
42 Фасмер I, стр. 176.
43 Опыт, стр. 103.
44 Sławski IV, 2, стр. 175.
45 Pleteršnik I, стр. 512.
46 Berneker II, стр. 702.
47 Д. Маринов. Материал за българския рѣчник. Думи и фрази из западна България. — СбНУ XII, 1895, стр. 296.

жаных четок у раскольников' [48]. Из толкования Даля видно, что эти четки представляют собой ремень, сложенный борками с лопастками, т. е. ремень с кистями кожаных лепестков. Русск. *лéстовка* не имеет удовлетворительной этимологии, в лексическом составе русского языка оно на положении изолированного диалектизма. Попытки включить русское слово в одно этимологическое гнездо с **lěstva* (ср. русск. *лестница*) или русск. *лист*, лит. *laiškas* 'лист' трудно признать убедительными, так как эти сопоставления не справляются с серьезными фонетическими трудностями, которые заключены в корневом вокализме [49]. Как будто бы не существуют фонетические препятствия для объединения русск. *лéстовка* с слав. **lesk- / *lešč-*, а семантически возможность такого сближения, подтверждают словенские и болгарские лексемы. Русск. *лестовка* по значению ближе всего болг. *лескýнкьа*. Появление фонетических вариантов *лястовка*, *листовка* вызвано, видимо, забвением внутренней формы и последующим сближением с созвучными словами. В той же словарной статье Даль приводит еще одно любопытное слово — курск. *лéстовки* 'поминальный пирог с маком и медом'. Уяснению природы этого слова помогает форма множественного числа, которая как бы служит указанием на многослойную структуру пирога, и сравнение с болг. *леска*, *лескункьа* и другими словами семантического ряда 'ударять' → 'нечто плоское'.

Таким образом, осмысление взаимных связей отдельных изолированных лексем, рассеянных по славянским языкам, позволяет полнее восстановить состав изучаемого этимологического гнезда. Как будто бы существуют все основания для признания этимологического родства гл. **leskati / *loskati* и слав. **leščedь / *leščetь*, укр. *леста*, русск. *лéстовка*, *лéстовки* при условии чередования *sk / st*. Семантическое содержание данного этимологического гнезда составляют следующие значения: 'ударять, хлопать' — 'орудие, имеющее форму расщепленного дерева' — 'зарубка, излом, надрез' — 'нечто плоское'.

Есть основания думать, что сделанные наблюдения не исчерпывают полностью состава и содержания изучаемого этимологического гнезда. Опираясь на законы славянской морфонологии можно продолжить поиски других возможных связей рассматриваемых основ в кругу славянской лексики. Так, допущение ступени продления корневого гласного и, следовательно, возможность чередования **loskati*: **laskati* позволяют понять отдельные чешские диалектизмы, стоящие несколько обособленно в системе языка. Речь идет о чеш. диал. *laskati* 'бить, толочь' [50] и морав. *láskat* 'лущить' [51].

[48] Даль² II, стр. 249.
[49] Фасмер II, стр. 487.
[50] PSJČ II, стр. 514.
[51] A. Kořínek. Příspěvek k dialektickému slovníku moravskému. — Μνῆμα. Sborník vydaný na pamět' čtyřicítiletého učitelského působení (prof. J. Zubatého na Universitě Karlově 1884—1925. Praha, 1926, стр. 290).

Другой ряд возможных соответствий определяет одна фонетическая особенность основ, имеющих в исходе элемент *sk*, а именно возможность чередования *sk* / *zg*. В словаре Фасмера признаются родственными русск. *лоскать* и *лазготать* 'болтать без умолку', *лезгá* 'болтун' [52]. Это соотношение основ поддерживается балтийскими параллелями: ср. лит. *laskúoti* 'весело напевать' и *lazgéti* 'говорить без умолку'. Именно это чередование приближает нас к пониманию чеш. диал. *léznot* 'ударить' [53], если оно восходит к **lezg-*. Отражение чередующихся основ **lesk-* / **lezg-* / **lozg-* находим в кашубском: ср. *łësnǫc* 'ударить', *łëzgac* 'лущить, щекотать' [54] и *lòzgar*, *-a* м. р. 'сетка с двумя дугами для ношения рыбы' [55].

Исходя из семантики и фонетических возможностей данного этимологического гнезда, можно по-новому осмыслить происхождение двух русских изолированных лексем, а именно русск. диал. калуж. *лозг* 'низменность со рвами, ручьями; буерак' [56] и др.-русск. *лоскъ* 'лог, лощина' [57], русск. *лощина* 'ложбина, ущелье, овраг, водороина, долинка', 'узкая длинная впадина, по дну которой идет водороина' [58]. В отношении слова *лозг* Фасмер отмечает сомнительность известных сопоставлений с *лазеѝ*, *лог* и авест. *razura-* 'яма' [59]. Второе слово в словаре Фасмера вообще не упоминается. Значения, характеризующие русск. *лозг*, *лощина*, сохраняют прозрачность внутренней формы, основанной на признаке 'углубление, пробитое ударами воды', что делает возможным соотнесение их с фонетически близким гл. **loskati* / **lozgati*. Обе лексемы, таким образом, имеют все основания быть включенными в этимологическое гнездо с корнем **lesk-* / **losk-*.

Обратимся к рассмотрению еще одного случая. В словенском языке несколько обособленное положение занимают два, несомненно, связанные между собой, глагола — *zalástiti*, *-im* 'заставить течь воду слабой струей, закрыв частично отверстие' и *zalestíti*, *-ím* 'закрыть, закупорив (напр. трубу)' [60]. Ф. Безлай производит их от гл. **liti* и признает родственными лит. *laistýti*, лтш. *laĩstit* 'намазывать', лит. *laitinti*, *laitúoti* 'замазывать, склеивать глиной' [61], но сам принцип сопоставления основ остается необоснованным. Зависимость качества гласного от ударения указывает на присутствие в корне редуцированного. Можно

---

[52] Фасмер II, стр. 449.
[53] F. Kopečný. Nářečí Určic a okolí. Prostějovský úsek hanáckého nářečí centrálního. Praha, 1957, стр. 142.
[54] Sychta III, стр. 17—18.
[55] Sychta II, стр. 373.
[56] Даль³ II, стб. 682.
[57] Срезневский II, стб. 47.
[58] Даль³ II, стб. 694.
[59] Фасмер II, стр. 513.
[60] Pleteršnik II, стр. 846—847.
[61] F. Bezlaj. Einige slovenische und baltische lexische Parallelen, стр. 79.

предположить, что словенские лексемы отражают корень в ступени редукции — **lьst-*. Некоторую трудность представляет семантика словенских лексем. Но даже при той общей характеристике значения, которую находим в словаре Плетершника, возможность сопоставления с укр. *леста*, русск. *лестовка* в какой-то степени поддерживается семантической параллелью типа *тыкать / ткнуть — затыкать / заткнуть дыры — затыка, затычка* 'чем что-либо затыкают'. Можно думать, что словенские глаголы произведены от именной основы, служащей обозначением какого-то закрывающего устройства.

Таким образом, славянские языки сохраняют лишь следы этимологически общей семьи слов, рано распавшейся и утратившей взаимные связи. И не последнюю роль в этом процессе, видимо, сыграла фонетическая обособленность составляющих ее основ.

Укр. *стрибати*

Распространение лексемы **stribati* и ее производных ограничено южной территорией восточнославянских языков: ср. укр. *стрибáть* 'скакать, подскакивать, прыгать', *стрибкúй* 'любящий скакать, прыгать', *стрибун* 'прыгун' [62], русск. юж., зап. *стрибáть, стрибнýть* 'прыгать, скакать' [63], донск. *стрúбалка* 'игра, веревочка для скакания', 'девушка легкомысленная, любящая погулять' [64]. Лексема **stribati* не имеет ясной и надежной этимологии. В свое время выдвигалось предположение о возможном родстве этого слова с названием бога ветров *Стрибог* [65], но это сопоставление лишено малейших оснований уже хотя бы потому, что русск. *Стрибог* еще не получило сколько-нибудь убедительного истолкования [66]. Г. Ильинский возводил укр. *стрибати* к и.-е. корню **(s)ter-* 'торчать' с расширителем *-ibh* и далее сопоставлял с нем. *streben* 'стремиться', англ. *strive* 'бороться' [67]. Семантически такое соотношение основ обосновывалось следующим образом: 'торчать, топорщиться' → 'противодействовать, двигаться без цели, стремиться, бороться' → 'скакать, прыгать'.

Полностью не отвергая истолкования Ильинского и признавая за ним известную степень вероятности, мы хотим обратить внимание на возможность иного понимания структуры и происхождения восточнослав. **stribati*. Основанием для нового подхода служат отдельные факты славянских и балтийских языков, которые,

---

[62] Гринченко IV, стр. 215; В. Белявский. Народный говор уездного города Глухова (Черниговской губ.). — РФВ L, 1903, стр. 321.
[63] Даль[3] IV, стб. 575.
[64] Миртов, стр. 312.
[65] A. Brückner. Osteuropäische Gotternamen. — KZ 50, 1922, стр. 195.
[66] Фасмер III, стр. 777.
[67] Г. А. Ильинский. Славянские этимологии IX. Млр. *стрибати* 'скакать, прыгать'. — Изв. ОРЯС XXIII, 1, 1918, стр. 143—144.

будучи сопоставленными с лексемой **stribati*, расширяют наши представления об ареале данного образования и проливают некоторый свет на особенности его структуры. Весьма важными и интересными в этом отношении представляются такие семантически и структурно близкие литовские образования, как гл. *tribuliúoti* [68] и *stribuliúoti* 'вскакивать, прыгать' [69]. В составе литовских глаголов ясно выделяется *s*-подвижное, корень *trib*-, суффикс *-ul* (ср. *strapčióti* — *strapulnėti* 'топать ногами' [70]). Другое интересное свидетельство дает сербский язык. В Словаре Югославянской Академии находим лексемы *strib* м. р. = *strȉba* ж. р. в значении 'развалина, руина, музей старины' [71], очень определенно сохраняющие внутреннюю связь с слав. **terti*, **tьrǫ*. Не исключено, что в нашем распоряжении лишь осколки некогда существовавшего этимологического гнезда с корнем **tri*- + расширитель *-b*. Нулевая ступень и.-е. корня **ter*-, осложненного расширителем *-b*, в греч. τρίβω 'рву, разрываю, ослабеваю', полную ступень того же корня представляет русск. *теребить* [72]. Что же касается семантической стороны, то литовские глаголы довольно ясно показывают возможность совмещения значений 'дергать' и 'прыгать, скакать'.

Словен. *rášiti*

Этот глагол находим в словаре Плетершника в значении 'разрыхлять, взбивать (напр. постель)', 'мешать огонь, подстрекать, раздражать, травить' [73]. Махек приписывает словенскому слову не совсем точное значение 'ослаблять, отпускать, освобождать' и предположительно сближает его с чеш. *rašiti* (*se*) в значении 'распускаться (о дереве)' [74]. Френкель рассматривает словен. *rášiti* вместе с *rahel* 'рыхлый, слабый, нежный' в одном ряду с лит. *ȓėkšti* (*reškiù*, *rėškiaũ*) 'срывать, сдергивать, рвать, ломать', итер. *raskýti*, сущ. *raškà* 'палка с расщепленным концом, которой ч.-л. срывают'. Как родственные им определяются др.-исл. *raska* 'приводить в беспорядок; копать, рвать; грабить; болеть, ошибаться', исл. *rask* 'рыбные отходы', норв. *raske sammen* 'сгребать, накапливать', бавар. *raschen* 'рвать, щипать; собирать' [75].

Но эти толкования построены на ошибочном понимании фонетического облика словенских лексем. Корневое *a* в *rášiti*, *rahel* исторически отражает редуцированный ъ под ударением. А этот факт определенно указывает на другое направление этимологических связей, а именно на соотнесенность с общеслав. **rušiti* —

---

68 Fraenkel 12, стр. 921.
69 Fraenkel 15, стр. 1121.
70 Fraenkel 12, стр. 919.
71 RJA XVI, стр. 723.
72 Pokorny, стр. 1071.
73 Pleteršnik II, стр. 375.
74 Machek², стр. 509.
75 Fraenkel 9, стр. 716.

**rъx-* (см. Miklosich, 272). Особо выделяемая Френкелем некоторая близость значений словен. *rášiti* 'раздражать, травить' и лит. *raškýti* 'ссориться, браниться' отнюдь не является подтверждением родства этих слов и носит скорее случайный характер. В словенском слове указанное значение легко могло сложиться на базе основного 'разрушать, рыть'. В возможности и закономерности подобного семантического перехода нас убеждает соотношение лит. *raũpti* 'выдалбливать, ковырять' и польск. *rupić* 'мучить, сердить, раздражать', русск. *рýпить* 'озабочивать, беспокоить', которые находятся в родстве с слав. **rupa* 'яма' и **rypati* 'копать' [76].

Возможно, более оправдано соотнесение с лит. *raškyti* чешской изолированной лексемы *rašiti*. Но такое сопоставление допустимо при условии, что *š* развилось из *sk*, а значение 'распускаться (о дереве)' явилось видоизменением основного значения 'рвать, срывать' через промежуточную ступень 'лопаться (о почках)'.

Слав. **rešeto*

Слав. **rešeto* остается этимологически неясным. Все попытки осмыслить и истолковать это слово сопряжены с серьезными фонетическими трудностями, которые делают предлагаемые этимологии очень проблематичными. Трудности поисков этимологического решения определяются тем, что слав. **rešeto* лишено очевидных внутриславянских связей и представляет, по всей видимости, реликтовый след некогда существовавшей семьи родственных слов. Обособленно стоящая лексема, естественно, могла испытать влияние других этимологических групп слов, близких по значению и звучанию, что привело к переосмыслению первоначальных отношений.

Данная лексема представлена повсеместно: ср. русск. *решето* и *рѣшето*, укр. *решето*, болг. *решéто*, с.-хорв. *решѐто*, словен. *rešétọ*, польск. *rzeszoto*, в.-луж. *ŕešo*, род. п. *ŕešeća*, полаб. *rîsetü* [77]. Наиболее полное описание реалий, обозначаемых словом *решето*, *решетка*, находим у В. Даля: *решетка* — это «всякая несплошная вещь, со сквозниной, с промежками, пролетами; ряд установленных жердочек, шестиков, или переложенных, переплетенных вдоль и поперек, либо иным образом; ограда палисадником, из железных прутьев; проволочный переплет, редкая ткань, плетенье; вязанье или шитье режей; плетение прутяное, камышевое», *решето* — «крупное сито, *мучное решето* состоит из обечайки, рогожки (лычной, ременной, проволочной) и обруча, которым рогожка нажимается на обечайку. Большое и весьма редкое решето для просевки зернового хлеба» [78]. Таким образом, в отличие

---

[76] Fraenkel 9, стр. 708—709; Фасмер III, стр. 519.
[77] Фасмер III, стр. 479.
[78] Даль² IV, стр. 94—95.

от сита решето образуют редкие переплетения продольных и поперечных линий.

Этот основной и наиболее выпуклый семантический признак ('редкое переплетение') определил многие попытки дать этимологию на основе сближения с слав. **rědъkъ*[79], **rěšiti* 'вязать, связывать'[80] и русск. *проръ́ха* / ц.-слав. *ринжти*[81]. Отправным моментом всех этих истолкований является положение о первичности *ѣ* в корне. Но неясность первоначального вокализма характеризует только русские формы, остальные же славянские языки (ср. укр. *решето* и словен. *rešetǫ*) однозначно допускают реконструкцию праслав. **rešeto* с корневым *е*. Можно думать, что *ѣ* в русск. *рѣшето* вторично и обязано своим появлением этимологическому переосмыслению и сближению с созвучными и понятными словами.

Наиболее правдоподобным представляется то объяснение в котором намечено сближение слав. **rešeto* с лит. *rezgù*, *règzti* 'плести, вязать'[82]. Последнее является частью большой семьи слов, объединяющей лексемы *rẽgztis*, *regztỹs* 'сетчатый мешок для сена', итеративный гл. *razgýti*, далее *razgióti* 'связывать вдоль и поперек', глагол со ступенью редукции в корне *rìgzti* 'спутывать, запутывать'. Им соответствуют лтш. *rezg'ît*, *-inât* 'спутывать', *režg'is* 'сеть, сплетенная из камыша', далее лат. *restis* 'веревка, канат', др.-инд. *rájju-* то же[83]. На славянской почве и.-е. корень **rezg-* пережил некоторые изменения, которые затронули исход корневой морфемы, где имел место переход *zg* > *sk* > *x* / *š*[84]. По законам индоевропейского именного словообразования **rezg-* представляет собой сочетание корня с детерминативом, и не исключено, что на стыке морфем произошла ассимиляция по звонкости, напоминающая то, что отражают и.-е. **as-* 'гореть' и **azg-* в арм. *ačiun* 'пепел', греч. ἄσβολος < *ἄσγβολος 'сажа, копоть'[85]. Прямым и непосредственным продолжением основы **rezg-* в ступени *о* является слав. **rozga*. Но в белорусском находим вариант *роска*[86], а в чешском наряду с фор-

---

[79] F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. I. Wien, 1879, стр. 412; Преображенский, стр. 237; Brückner, стр. 476. Обзор этимологий см. Фасмер III, стр. 479.

[80] А. А. Потебня. Этимологические заметки. — ЖСт. II, 1890, стр. 123; Младенов, стр. 560; О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках, стр. 166.

[81] А. И. Соболевский. Русско-скифские этюды. — Изв. ОРЯС XXVII. Л., 1924, стр. 324.

[82] A. Matzenauer. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu. — LF 16, 1889, стр. 183; Г. А. Ильинский. Славянские этимологии. XXXLI. Праслав. *rešeto* 'род сита.' — Изв. ОРЯС XXIII, 2. Пг., 1921, стр. 180—181; Machek², стр. 530.

[83] Pokorny, стр. 874; Fraenkel 9, стр. 713.

[84] В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *x* ~ в праславянском. — ВЯ 4, 1961, стр. 98.

[85] Pokorny, стр. 69.

[86] Фасмер III, стр. 495.

мой *roždí* существует *roští* 'хворост' [87], что подтверждает возможность сочетания глухих согласных в этом слове. Отношение *sk* > *x* / *š* иллюстрируют такие примеры, как русск. *плаха* / *плоха* — *плоский* [88].

По своей структуре слав. **rešeto* близко русск. *тенето* 'сеть, ловушка' [89], *нерето* 'рыболовная верша' [90], лит. *lankẽtas* 'мотовило' [91], последние, что очень важно, соотносительны с гл. **nerti* (ср. укр. *нéрти*, *нру* 'нырять'), **lękti* (ср. лит. *leñkti* 'гнуть, сгибать'). В составе слав. **rešeto* вычленяется, таким образом, суффикс *-eto* и корневая морфема **reš-*. Ступень редукции [92] этого корня отражает болг. диал. *ръшето* [93], *р'ъшѐту* [94] < **ršeto*. Продвижение вглубь затруднено из-за крайней фрагментарности дошедших до нас сведений. Но можно в порядке гипотезы высказать предположение, что слав. **rešeto*, **ršeto* произведены от некой глагольной основы, которая в литовском имела вид *règzti* — *rìgzti*. Что касается семантической стороны, то пока трудно сказать, что конкретно обозначала эта основа и как была отграничена от синонимичных ей основ **plesti* и **vęzati*. На основании косвенных данных, о которых речь пойдет ниже, можно думать, что эта основа обозначала какое-то особое плетение, которое условно в самых общих чертах можно определить как негустое, нечастое, неплотное.

Этимологический материал изучаемого круга основ дополняют, на наш взгляд, некоторые факты лексики южнославянских языков, в частности болгарские и сербские. При этом мы имеем в виду редкое и трудно этимологизируемое с.-хорв. *rȅha* ж. р., *reja*, *rea* в значении 'редкая шерсть' и его производные: прил. *rȅhav* 'редкая (о шерсти овцы; о грозди винограда с редкими ягодами)', *rehuļa* ж. р. 'овца с редкой шерстью' [95]. Этим лексемам точно соответствует болг. диал. *рéаф*, *рехава*. В словаре Герова для этой болгарской основы приводится значение 'растрепанный, взъерошенный, лохматый', но, по наблюдениям Бернара, первоначальное значение — 'негустой, редкий, несбитый, неплотный' — сохраняет болгарский диалект Разлога: ср. *рéхаво грозде* 'виноградная гроздь с редкими ягодами', *рéхава плетка* 'плетка с ред-

---

[87] Kott III, стр. 97, 200.
[88] Фасмер III, стр. 275, 286.
[89] Фасмер IV, стр. 42.
[90] Фасмер III, стр. 65.
[91] Fraenkel 5, стр. 356; Machek², стр. 640; ошибочно приводится форма *lenkẽtas*.
[92] C. Uhlenbeck. Die Behandlung des idg. *s* im Slavischen. — AfslPh XVI, 1894, стр. 372.
[93] Т. В. Швецова. Словарь говора села Твардицы. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии в СССР», вып. 2. М., 1952, стр. 94.
[94] Н. И. Колев. По-особени думи в говора на с. Страхилово, Свищовско. — БД III, стр. 310.
[95] RJA XIII, стр. 857.

ким плетением' [96]. Болгарские диалектные материалы, опубликованные в недавнее время, показывают, что это значение известно и другим диалектам: ср. севлиевск. *рѐъф*, *рѐъ* 'редкий', *рѐъф плат* [97], хасков. *рѐхъф*, *-въ* 'несбитый, негустой', *кѝзъхъ м'еннъ рѐхъвъ плѐткъ* [98]. Со времен Миклошича [99] принято объяснять эти лексемы как семантически и этимологически тождественные слав. **rědъkъ*, но такому объяснению препятствует несоответствие в корневом вокализме (*е—ě*) и фонетические трудности конца слова (*d—x*). Нельзя пройти мимо одной важной особенности структуры болгарских и сербских основ — чередования *е* : *о*. Основу с корневым *о* представляют с.-хорв. *rȍhav* 'больной оспой. рябой (о коже), изборожденный оспой' [100] и болг. *ро́хък*, *ро́хав* 'пористый, ноздреватый, хрупкий, рыхлый' [101], *ро́шъф*, *-ъвъ* 'лохматый, косматый' [102], *ро́хъл* м. р. 'клок, локон', *ро́ша* 'клок, локон' [103]. Круг значений, характеризующий болгарские лексемы, со всей очевидностью показывает семантическое воздействие этимологического гнезда с основами **rušiti* : **rъxъlъ* : **ryxlъ*. Чередование *е* : *о* является средством противопоставления глагольных и глагольно-именных основ: ср. **nesti* : **nositi*, **plesti* : **plotъ*. В болгарском и сербском обе ступени чередования представляют именные основы, а обязательная, мотивирующая этот ряд чередований глагольная основа прямо не засвидетельствована. Но можно думать, что ступень *е* отражала некогда существовавшая глагольная основа, соотносительная с слав. **rešeto*. По мнению Ильинского, следы ступени *о* этой основы сохраняет болг. *ро́ша* 'лохматить, ерошить' [104]. Болг. *роша* представляет тот сомнительный случай, когда нельзя с уверенностью сказать, имеем ли мы дело с древним образованием или с поздним отыменным глаголом. Известен и совсем иной подход к объяснению болгарской лексемы, основанный на сопоставлении с русск. *ерошить*, лат. *ēr*, *ēris* 'еж', санскр. *hárṣati* 'топорщиться'. Но такое истолкование болг. *роша*, предложенное Младеновым, представляется неубедительным и очень проблематичным [105].

---

[96] R. Bernard. Etude de quelques mots du dialecte de Razlog d'après le t. XLVIII du «Сб. за народни умотворения и народопис». — В сб.: «Езиковедско-етнографски изследвания в памет на ак. Ст. Романски». София, 1960, стр. 364—365.

[97] Ник. Ковачев. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, стр. 38.

[98] В. Кювлиева и К. Димчев. Речник на хасковския градски говор. — БД V, стр. 88.

[99] Miklosich, стр. 277; Skok III, стр. 140—141.

[100] RJA XIV, 59, стр. 140.

[101] R. Bernard. Указ. соч., стр. 364—365.

[102] Т. Бояджиев. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско. — БД VI, стр. 80.

[103] Геров V, стр. 86.

[104] Г. Ильинский. Указ. соч., стр. 181².

[105] Младенов, стр. 563.

Таким образом, внутриславянские ресурсы позволяют восстановить фономорфологические характеристики основ, образующих одно этимологическое гнездо вместе с лит. *regzti*. Словообразовательные связи могли осуществляться следующим образом. В соответствии с корневым глаголом, условно реконструируемым в форме **rešti* < **reks-ti*, существовали именные основы **rešeto* и **rexa*, последняя дала в с.-хорв. прилаг. *rehav*, в болг. *рехъф*. С.-хорв. *rohav*, болг. *рохав* дают основание для реконструкции в эпоху балто-славянской древности особой глагольной основы с корневым гласным в ступени *о*, ср. лит. *razgýti*. Что касается ступени редукции болг. *ръшето*, то она могла быть тождественна основе настоящего времени. Это значит, что предполагаемый глагол имел ту же структуру, что и слав. **nerti*, **nьrǫ*. Есть основания думать, что в праславянскую эпоху этот глагол со всеми его формальными характеристиками функционировал как один из терминов плетения, но очень рано пережил деэтимологизацию и был утрачен лексической системой.

В.-луж. *skomorić*

В.-луж. *skomorić* 'обходиться неподобающим образом, причинять зло' [106] обычно рассматривается в связи с русск. *скоморох* [107]. Г. Ильинский видел в нем отыменное образование, родственное польск. *skamrać* 'выть как пес', ц.-слав. *скомати* 'gemere', русск. *скомить* 'болеть, ныть, жаловаться' [108].

Думаем, что в.-луж. *skomorić* имеет другую этимологию. Структуру этого слова и его происхождение проясняют, как нам кажется, две лексемы — в.-луж. *komorić* в значении 'рыться, шарить, делать медленно' [109] и чеш. *skomírati* 'быть болезненным, слабым' [110]. Это сопоставление указывает на подвижный характер начального *s-* и на возможность выделения корня **mer-/*mir-* (ср. **merti*) в сочетании с архаичным префиксом **ko-*. Продолжением той же основы являются русск. диал. *комóриться* 'гулять, развлекаться' [111] и некоторые основы, для которых можно предположить слоговую метатезу, — яросл. *могóриться* 'выпрашивать, докучать просьбами' [112] и псков. *могориться* 'хвастать, пускать пыль в глаза' [113], а также польск. *przekomarzać się* 'передразни-

---

106 P f u h l, стр. 635.
107 M i k l o s i c h, стр. 301.
108 Г. И л ь и н с к и й. Славянские этимологии LXX. Русск. *скоморох* 'бродячий музыкант, плясун, комедиант'. — Изв. ОРЯС XXIII, 2. Пг., 1921, стр. 243—245. — Той же точки зрения придерживается А. С. Львов, см.: А. С. Л ь в о в. Из лексикологических наблюдений. «Этимология. 1972». М., 1974, стр. 109—112.
109 P f u h l, стр. 269.
110 K o t t III, стр. 375.
111 А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969, стр. 213.
112 М е л ь н и ч е н к о, стр. 111.
113 Доп. к Опыту, стр. 114.

вать, ссориться, препираться, пререкаться' [114]. Такое объяснение польского слова нам кажется более убедительным с точки зрения семантики, чем сближение с *mara* 'сновидение, призрак', предлагаемое Варшавским словарем. Казалось бы естественным продолжить этот ряд соответствий русским диал. *выкома́ривать* 'выдумывать что-либо невероятное; говорить намеками, двусмысленно' [115], которое связано с *выкому́ривать*, употребляющимся с теми же значениями [116]. Но здесь не совсем ясно, в каком отношении находятся *мар-* и *мур-*. И русск. *выкома́ривать* допускает выделение морфем *вы-ко-мар-ивать* при условии, что в слове *выкомуривать* корневое *у* явилось результатом каких-то вторичных сближений.

Словен. *trâbje*

Для обозначения одной опорной части повозки в словенском существует несколько основ, связанных между собой чередованием: ср. *trabi* мн. ч. 'рассоха в повозке' (вост. Штирия), *trâbje* ср. р. 'то, что клином соединяет опорный брус и переднюю часть повозки', с тем же значением отмечены *tràb*, род. п. *trába* м. р. (вост. Штирия, Бела Краина), *trâblje* мн. ч., *tràbelj* м. р., *tr̨ebję̂*, *-ę̂sa*, *tr̨ę̂blji*, *tràp*, род. п. *trâpi* м. и ж. р., *trâpnik* м. р., *tr̨ôbje* [117]. Словари фиксируют для некоторых из этих основ значения близкие, но не тождественные: ср. *trôbje*, род. п. *-a*, ср. р. 'пространство в рассохе между двумя ветвями' [118], *tr̨ę̂bnik* 'вид гвоздя' [119]. За пределами словенского языка соответствующую лексему находим только в одном из хорватских диалектов (Жумберак): ср. *tràbić*, *trȁbl̥e* 'раздвоение, рассоха в телеге' [120]. Таким образом, интересующие нас основы распространены в восточной части Словении (от вост. Штирии до Белой Краины) и небольшой части Хорватии, территориально близкой к Словении.

Словенские лексемы рассматриваются в «Очерках по словенскому языку» Ф. Безлая как пример фонетического смешения основ, первоначально родственных. С одной стороны, это — русск. *дрябы* 'воз для снопов', блр. *дра́бы* мн. ч. 'ребра, кости, воз с решетчатыми стенками', далее нем. *treppe*, *trappe* 'лестница', а с другой — с.-хорв. *trap* 'яма' и лит. *tar̃pas* 'отверстие' и роман. *trabs* 'бревно, колода' [121]. В этом истолковании, основанном на сближении, по крайней мере, трех этимологических гнезд, много неясного и неопределенного.

---

[114] Варшавский словарь V, стр. 111.
[115] Сл. сред. Урала, стр. 102.
[116] Д а л ь[3] I, стб. 720.
[117] P l e t e r š n i k II, стр. 680—685.
[118] K. Š t r e k e l j. Jezikoslovne mrvice. «Ljubljanski Zvon» IX, 1899, стр. 295.
[119] P l e t e r š n i k II, стр. 685.
[120] P. S k o k. Mundartliches aus Žumberak (Sichelburg). — AfslPh 33, 1912, стр. 372.
[121] B e z l a j. Eseji, стр. 83.

Строго следуя фактам словенского и сербохорватского языков, мы восстанавливаем исходную основу с начальным глухим согласным и с чередованием **treb-* / **trob-* / **trab-*. При реконструкции корневой части решающее значение придается тем соответствиям для этих основ, которые можно обнаружить в балтийских языках, ср. лит. *trobà* 'дом, постройка', лтш. *trāba* 'маленький дом, хижина'. Эти основы родственны лат. *trab(ē)s* 'балка, бревно, крыша, дом', греч. τέραμνα, τέρεμνον мн. ч. 'дом, жилище,' оск. *triibum* 'domum' и др.[122], т. е. входят в этимологическое гнездо с и.-е. корнем **trĕb-*, **trōb-* 'балка, постройка, жилище'[123]. Некоторые исследователи полагают, что другая славянская лексема — чеш. *trám* 'балка, бревно' — восходит к той же основе, но с расширителем *-m*: **trab-m-*[124]. Не исключено, что эта древняя и.-е. основа сохранилась в качестве диалектизма на юго-западной периферии славянского языкового пространства.

Корректурное дополнение. В недавно опубликованном III т. словаря Скока в статье, посвященной слову *rešèto*[125], отмечается возможность соотнесения его с с.-хорв. *rȅha* 'редкая шерсть', однако последнее толкуется очень неопределенно. Для лексемы *rȅha* не исключается возможность родства с с.-хорв. *rahao* 'рыхлый', *résa* 'бахрома', *rijèdak* 'редкий'[126].

---

[122] Fraenkel 15, стр. 1127—1128.
[123] Pokorny, стр. 1090.
[124] V. Petr. Slavische Etymologien. — BB XXI, 1896, стр. 211.
[125] Skok III, стр. 132.
[126] Там же, стр. 99, 130, 140—141.

В. А. Меркулова

УКРАИНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. II

(*мерщій, регнути, прятати, смотолока, гобоўдиц'а*)

мерщій

Укр. *мерщій* — сравнительная степень наречия 'скорее, скорей', обычно употребляется как побуждение: 'скорее! шевелись! пошевеливайся!' [1] Это слово существует как в литературном языке, так и в говорах, ср. *мырщи́* 'скорей' в украинском говоре Воронежской обл.[2] Отмечено оно и в качестве имени собственного *Мерщій*.

Реконструируется наречие как **mъrščeje*, ожидалось бы **mъrščaje*, но здесь мы наблюдаем один из многочисленных случаев выравнивания по аналогии.

Ближе всего в формальном отношении находится этимологическое гнездо глагола **mъrskati* 'бить'. См. укр. диал. *мо́рскати* 'хлестать, бить', *морска́тися* 'шататься, слоняться', *морський* 'хлесткий (о ветвях дерева)' [3], *морсонуть* 'ударить (ногой)' [4], русск. *морснуть* (юж.) 'ударить, хватить, свиснуть, огреть' [5], др.-русск. *мърскъ* 'бич' (Ев. толк. Феоф. Болг. 1434 г.) [6]; польск. устар. *merskać* 'хлестать, бить', *myrsnąć* 'ударить', *myrsk* 'удар', *wymerskać* 'выхлестать' [7]; в.-луж. *morskać*, *morsnyć* 'побить, отлупить, вздуть' [8]; чеш. *mrskati* 'хлестать, стегать, сечь, махать, бить', *mrskáč* 'бич', морав. *mrštěk*, *smršček*, *zmršček* 'верхняя изогнутая часть кнутовища', слвц. *mrskat'*, *mrštit'* 'бить'. Интересной параллелью к чешскому значению 'махать, бить' может служить блр. диал. *намарска́цца* 'напрацавацца; затраціць многа сілы на такой працы як касьба, капанне канавы, ямы. . .' [9] Не исключено, что к этому же гнезду следует отнести с.-хорв. диал. *мрснути* 'быстро вбежать, выскочить', хотя Скок склонен счи-

---

[1] Українсько-російский словник, II. Київ, 1958, стр. 505; Гринченко II, стр. 419; П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, стр. 223.
[2] Труды МДК. — РФВ LIX, 1908, стр. 321.
[3] Гринченко II, стр. 446.
[4] А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 35.
[5] Даль[3] II, стб. 911.
[6] Срезневский II, стб. 213.
[7] Linde II, стр. 56; Варшавский словарь II, стр. 924; 1084.
[8] Pfuhl, стр. 379.
[9] Янкоўскі I, стр. 123.

тать этот глагол звукоподражательным [10]. Белорусский пример показывает, что в рамках этого этимологического гнезда развивается значение 'быстро двигаться'. Особенно убедителен в этом отношении чешский материал: *mrsknouti sebou* (*při praci*) 'быстро повернуться', *mrskní sebou* 'скорей! пошевеливайся!' Полной семантической параллелью для укр. *мерщій* может служить отношение русск. *бить — бойкий — бойко — бойчее*.

Что касается вокализма украинского слова, то он может быть как поздним явлением, так и отражающим достаточно древние отношения. Наиболее простой путь — это предположить развитие у прилагательного *морский* значения 'бойкий, быстрый', затем образование наречия ***морско* 'быстро' и сравнительной степени ***морщій* > *мерщій* 'быстрее' с регрессивной ассимиляцией. Не исключено, однако, что форма **mъrskati* развилась из **mьrskati*; Махек, во всяком случае, склонен реконструировать именно так [11]. В свою очередь, **mьrskati* [12] можно рассматривать как образование с интенсивным суффиксом *-sk-* от праслав. **merti* 'бить' [13].

регнути

В словаре Гринченко приводится интересный диалектный глагол *рéгнути* 'сильно желать, стремиться': «Аж *регне* заміж, та ніхто не свата», «Він аж *регне* купити у мене вола» (Миусск. окр.) [14]. Это слово отсутствует в украинском литературном языке и не имеет прямых соответствий в других славянских языках.

Единственное слово, которое можно предположительно считать родственным, это украинское *рéга* м. — название вола с головой и рогами, похожими на голову и рога бугая [15]. Исходя из этого определения, можно высказать мысль, что *рéга* — это, по-видимому, название бугая, т. е. племенного быка. Ср. другие названия самцов крупного рогатого скота: праслав. **bykъ*, с.-хорв. *рикавац* 'бык', русск. диал. *бык-ревун* 'изюбрь-самец' и др., вос-

[10] RJA VII, стр. 81; Skok II, стр. 470. — Подробно о глаголе **mъrskati* см.: Л. В. Куркина. Этимологические заметки. «Общеславянский лингвистический атлас. 1972». М., 1974, стр. 219—222.

[11] Machek², стр. 380; V. Machek. Slavische Verba mit suffixalem *sk*. — SR X, 1957, стр. 74.

[12] Я сознательно не останавливаюсь здесь на истории всего этимологического гнезда, так как это не входит непосредственно в этимологию украинского слова. Здесь, вероятно, стоит лишь указать, что **mъrskati* 'бить' невозможно отделить от **mъrskati* 'морщить', что говорит о первоначальном синкретизме значения 'бить', 'мять'. Многие этимологи их и не разграничивают: так, Скок в статье о *mȑska* 'складка' приводит глаголы *smrskati*, *razmrskati* 'разбить' (II, стр. 470). О связи с праслав. **merti* 'бить' может говорить такое образование, как русск. диал. *морина* 'морщи́на' (А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья, стр. 270).

[13] Реконструкция праслав. **merti* 'бить' см. И. А. Петлева. Этимологические заметки по славянской лексике. I. «Этимология. 1972». М., 1974, стр. 87.

[14] Гринченко IV, стр. 10.

[15] Там же.

ходящие, как правило, к звукоподражательной основе. Последние соображения позволяют связать укр. *рéга* с глаголом **regotati*, который в славянских языках представлен широко и имеет значительный диапазон значений. В украинском, русском, белорусском, чешском глагол **regotati* значит 'громко хохотать', 'кричать'. Ср. русск. *реготáть* 'хохотать заливаясь', 'орать, кричать' (арх., олон., кур.) [16], 'смеяться во все горло' (смол.) [17], *рекотáть* то же (черен.), укр. *реготати* 'хохотать' [18], блр. *рагатáць* 'хохотать', *рáгат* 'громкий смех'. Материал показывает, что значение 'смеяться' вторично и образовано от значения 'ржать (о лошади)'. Ср. укр. диал. *реготáти* 'ржать' (лемк.) [19]; «*Рягочуть*, як жирябцы» (смол.); «Кони *регочюць* — iўса-сена просюць» (смол.) [20]; в.-луж. *rjehotać* 'ржать', слвц. *rehtat'* 'ржать', чеш. *řehtati* 'ржать (о лошадях)', 'трещать (трещоткой)'; наряду с этим чеш. *řehot* значит 'громкий смех', Ср. использование в русском языке глагола *ржать* в значении 'громко смеяться'. В польском языке глагол *rzegotać*, *rzechotać* несколько отличен по значению: 'храпеть', 'шуршать', родственный глагол *rzegolić* значит 'болтать (вздор)' [21]. В сербохорватском *р̏егати*, *регѐтати* 'рычать (о собаке)', 'квакать (о жабах)', *р̏ега* 'рычание'. Двусмысленность сербохорватского *е* позволяет Миклошичу возводить этот глагол к праформе **ręg-* и сопоставлять со старославянским ѧгнѫти 'зиять' [22]. Фасмер включает этот глагол и в статью с реконструкцией **ręg-* (см. *ругать*) и в статью с реконструкцией **reg-* [23]. Более логичной представляется позиция Фасмера, так как сербохорватский глагол явно звукоподражательного характера и по форме совпадает с соответствующими образованиями в других славянских языках. Ср. кашуб. *řeχ̇ů̯tăc* 'квакать' < **rexotati* [24], в.-луж. *rjechtać* 'квакать' [25], н.-луж. *rágot* 'кваканье', 'трещанье' [26], словен. *regetati* 'квакать', *réga* 'кваканье', *regljáti* 'квакать', 'кричать' [27]. Наряду с этим, польск. *rzężyć* 'храпеть', 'хрустеть' [28] < **ręžiti*, то же, что и *rzecsotać*, *rzegotać*, *rzekatać* [29].

Итак, перед нами праслав. **regotati* с вариантами **rekotati*, **rexotati*, **rekъtati*, **rexъtati* со значением 'ржать', 'рычать',

---

[16] Д а л ь[3] III, стб. 1669.
[17] Д о б р о в о л ь с к и й, стр. 790.
[18] Г р и н ч е н к о IV, стр. 10.
[19] Там же.
[20] Д о б р о в о л ь с к и й, стр. 790.
[21] Варшавский словарь, V, стр. 811.
[22] M i k l o s i c h, стр. 276.
[23] Ф а с м е р III, стр. 512, 457.
[24] L o r e n t z II, стр. 977.
[25] P f u h l, стр. 586.
[26] M u k a II, стр. 367.
[27] P l e t e r š n i k II, стр. 415.
[28] Варшавский словарь V, стр. 822.
[29] Связь **regotati* с **ręgnǫti* мне представляется несомненной: ср. **trěskъ* — *treščina* — *treščati*.

'храпеть', 'квакать', т. е. глагол, передающий звуки, производимые животными, а затем уже перенесенные на человека.

Целый ряд глаголов, обозначающих рев животных, служит одновременно и обозначением процесса течки, гона, т. к. обычно именно этот период у животных характеризуется ревом. Ср. соотношение праслав. **ȓ'uti* 'реветь' и **ruja* 'течка у животных', русск. *рёв* 'пора течки скота, август месяц' (арх., олон.)[30], чеш. *říje* 'течка, рев оленей' и название периода времени, когда происходит течка оленей и лосей: русск. *рюень* 'сентябрь', др.-русск. *рюѥнъ* то же, с.-хорв. *рӯјан* 'сентябрь', чеш. *říjen* 'октябрь', др.-русск. *зарев* 'август' и т. д.

Но не только глагол **r'uti* выступает в этом значении; общеслав. глагол **rъzati, rъžǫ*, обозначающий обычно крик лошади, в белорусских диалектах значит 'шалить, беситься'[31]. Общеславянские глаголы **rykati*, **rukati*, **ryčati*: ср. польск. *ryczeć* (об оленях) 'вызывать соперника в период гона'[32], польск. *rukać* (о свинье) 'издавать характерные звуки в период спаривания'[33], чеш. диал. *řučat sa* (о свинье) 'находиться в периоде течки'[34], словен. *rûk* 'гон у оленей', русск. диал. *рык* 'пора свиной течки' (псков.)[35], с.-хорв. *рикавац* 'бык'. Общеславян. глагол **rygati/*rigati* 'реветь, кричать, плакать' отражен в украинском в виде производной формы *ригува́ти* '(о рогатом скоте) метаться, бесноваться с ревом' (Ромен. у.)[36]. Украинский глагол может быть реконструирован как с *y*, так и с *i* в корне, но ср. н.-луж. *ryžaś* 'быть в течке, прыгать, бегать, свирепствовать' < **ryžati*[37].

Представляется вероятным, что укр. *ре́га* 'вол, похожий на племенного быка' значило первоначально 'бык-ревун' и может быть сопоставлено с с.-хорв. *рѐга* 'рычание', словен. *réga* 'кваканье'.

Украинский глагол *регнути*, по-видимому, первоначально значил 'находиться в периоде половой активности', а затем уже приобрел более отвлеченное значение 'хотеть, стремиться'. Ср. сам текст примеров, где глагол стоит после частицы: «. . .аж *регне*». Аналогией в семантическом плане может служить в.-луж. *rjut* 'спешка', 'страстное желание'[38], вероятнее всего, первоначально причастная форма от глагола **r'uti*.

Таким образом, у целого ряда праславянских глаголов звукоподражательного характера мы наблюдаем одновременно значение

---

[30] Даль[3] III, стб. 1669.
[31] Юрчанка, стр. 104.
[32] Варшавский словарь, V, стр. 791.
[33] Там же, стр. 767.
[34] Malina, стр. 106.
[35] Даль[3] III, стб. 1756.
[36] Гринченко IV, стр. 15.
[37] Muka II, стр. 363.
[38] Pfuhl, стр. 587.

‘находиться в периоде течки’. Украинский пример интересен тем, что он отражает это значение для праслав. *regnǫti*, родственного *regotati*.

прятати

В одном говоре Закарпатья записан пример: «У н’óго пр’áче на ноз’í», где глагол *прятати* выступает в значении ‘нарывать’ [39]. Значение глагола настолько своеобразно и так резко не соответствует тому, что имеем в восточнославянских языках, что мы вынуждены рассмотреть семантику глагола *prętati* на территории всех славян, чтобы определить место этого значения в общей системе.

На части территории севернорусских говоров и в говорах Смоленской области глагол *прятать* существует как термин подсечного земледелия. При использовании подсечного земледелия лес сжигали на определенном участке, затем несгоревшие стволы и пни выкорчевывали, складывали в груды и снова сжигали. Глагол *прятать* обозначает ‘убирать стволы и пни’ и тем самым ‘расчищать (будущую пашню)’. Ср. *пря́тать* ‘убирать с сожженной нивы (подсеки) обгорелые стволы деревьев, пни и т. п., чтобы удобнее было производить вспашку’ (олон.) [40]; *пал прятать* ‘собирать обгорелый лес на местах, расчищенных под пашню, и сжигать в стоячих кострах’ (олон.) [41]; *прятать новину* ‘сносить в груды обгорелый на подсеках лес’ (волог.), ‘жечь вырубленный лес, чтобы очистить место для посева’ (вят.) [42]; *прятать* ‘выжигать лесные остатки (пни, сучья) на росчистях из-под леса под новины’ (вят.) [43]. В смоленских говорах *прятать*, *напрятать*, *выпрятать* ‘приготовить лядо для посева’ «Іость у таким-то мести роща сосновая; штоба яе за нычь выпратаў усю и карення вы́капаў» [44].

От глагола образованы производные имена: *пря́танье* ‘расчистка новин, т. е. сруб леса и выжигание пней’ (арх.) [45]; *пря́тка* ‘полоса из-под вырубленного леса, назначенная для нови, для посева’. Существует выражение *прятать прятки*, т. е. ‘выжигать лесные остатки на росчистях’ (вят.) [46]. *Палопря́т* ‘убирание больших несгоревших стволов и пней с места, выжженного с подсеки’ (олон.).

В отличие от расчищенных участков участки леса, предназначенные для разработки, но еще не сожженные, назывались *непре́тище*. Этим же словом обозначались вообще непроходимые

---

[39] Г. Г. Немченко. Особливості говірки с. Широкий Луг, Тячівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1954, стр. 150.
[40] Куликовский, стр. 96.
[41] Опыт, стр. 152.
[42] Там же, стр. 183.
[43] Васнецов, стр. 265.
[44] Добровольский, стр. 103.
[45] Подвысоцкий, стр. 142.
[46] Васнецов, стр. 265.

места в лесу. Ср. *непре́тище* 'драка нежженая', 'неудобное, непроходимое место в лесу' (яросл.)[47]; *непре́тище* 'топкое, непроходимое место, заросшее кустарником' (калин.)[48].

Сельскохозяйственные и ремесленные термины обозначают, как правило, сложные действия, состоящие из многих элементов, поэтому выделение в них первичного признака достаточно затруднено. Намеренно не останавливаясь сейчас на синонимах, которые используются для обозначения того же действия, мы вынуждены признать, что наиболее близким по значению будет глагол *убирать*, в двух тесно связанных значениях 'сносить в сторону' и 'приводить в порядок'.

На территории южнорусских и среднерусских говоров, где подсечного земледелия не было уже достаточно давно, глагол *прятать* выступает в значении 'убирать (хлеб)', 'убирать (сено)'. Ср. *прятать* 'убирать сено' (яросл.)[49], *прятать* 'убирать хлеб'. В памятниках южнорусской и московской письменности: *опрятать*, *спрятать* 'убрать хлеб' (XVII в.)[50]; «А какъ ев/о/ Григорьевы крестьяне хлеб·*попрячут* с поля вес» (XVII в.), «. . . а какъ вамъ велят похат на нас и хлеб сеет и *прятат* и вы ж в те поры похат и хлеб прятат не хотите. . .»[51].

Это же значение фиксируется на территории белорусского, украинского и польского языков. Ср. блр. *пра́тать* 'убирать хлеб'[52], *пра́тать* 'убирать': «Наши сено на лугу *пратаюць*»[53]. Укр. диал. *пр'е́тати*, *пр'а́тати* 'вибирати з землі викопану картоплю, збирати струшені фрукти' (буков.)[54], *пр'а́тан'а* 'назва всіх осінніх робіт, звязаних із збиранням врожаю' (закарп.)[55], ст.-укр. *пря́тати* 'собирать' (XVI в.)[56]. От глагола образованы производные имена *спр'а́ток* 'продукти, підготовлені для продажу' (буков.)[57]; *пряганя* 'богатство, сокровище' (XVI в.)[58].

В польском языке *sprzątać zboże* 'убирать хлеб', *sprzęt* 'уборка хлеба, сена'. Здесь значение 'снести в сторону', но

---

[47] Мельниченко, стр. 123.
[48] Опыт словаря говоров Калининской области, стр. 141.
[49] Мельниченко, стр. 169.
[50] С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1969, стр. 57.
[51] Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965, стр. 133, 119.
[52] Материалы для изучения белорусских говоров. III. — Изв. ОРЯС IV, кн. 4. СПб., 1899 (Прилож.), стр. 42.
[53] Носович, стр. 495.
[74] В. А. Прокопенко. Областной словарь буковинских говоров. «Карпатская диалектика и ономастика». М., 1972, стр. 455.
[55] Й. О. Дзендзелівський. Сільскогосподарська лексика говорів Закарпаття. — Studia slavica, X, 1964, стр. 94.
[56] Л. Деже. Материалы к словарю Закарпатской литературы XVI—XVII вв. Будапешт, 1965, стр. 302.
[57] В. А. Прокопенко. Областной словарь буковинских говоров. . ., стр. 461.
[58] Деже, стр. 302.

с дополнительным оттенком 'с целью сохранить'. Этого оттенка нет в термине подсечного земледелия.

Возможно, вторично из терминологии сельского хозяйства, глагол начинает обозначать более абстрактные действия. Ср. др.-русск. *спрятати* 'убрать, удалить', польск. *sprzątać* 'убрать прочь' и вторично 'украсть'. Русское литературное и по говорам *прятать*, *спрятать* 'убрать прочь с целью сохранить и унести куда-л. тайно', или, как формулируется в словаре 'помещать, класть что-либо так, чтобы другие не могли найти или заметить'. Наличие последнего значения у глагола в литературном языке лишает нас возможности представить его распространение в говорах, т. к. в дифференциальных словарях значения, совпадающие с литературным, не отмечаются. В словаре Ричарда Джемса мы можем выделить первое значение: «*спречь* то про мене», т. е. 'сохрани' [59].

Это же значение отражено в украинских западных говорах: *пря́тати* 'ховати' (буков.) [60], (закарп.), *запря́тка* 'место, где прячут или прячутся' (угор.) [61], *спр'а́ток* 'місце схову' [62], *спря́тати* 'сховати' (подкарп.) [63]. В белорусском *спрат* 'хранилище, тайник' [64]. То же значение мы наблюдаем в словацком языке: *pratat'*, *popratat'*, *spratat'*, *upratat'*, *vypratat'* 'убирать, прятать'.

Логичным продолжением этого значения является значение 'погребать, хоронить', т. е. 'убрать с целью скрыть, уберечь от поругания'. Это значение зафиксировано в древнерусских памятниках и в украинском языке: «У йэннôго чулуві́ка уме́лла д'ити́на, та пўп нэ хот'і́ў бэз гро́ши спр'а́тати» (закарп.) [65].

Такова в общих чертах линия развития значения 'убирать' = 'сносить в сторону'.

Вторая линия, намеченная уже в термине подсечного земледелия, это 'убирать' = 'приводить в порядок'. В этом значении глагол *прятать* характерен для новгородских и ярославских говоров, хотя Даль считает его литературным: *опря́тать* — в домашнем хозяйстве: прибрать, привести в порядок, убрать вещи на свое место (новг.) [66], *опря́тать* 'очистить, привести в порядок, вымыть' (яросл.) [67]. Отсюда русское литературное *опрятный* 'чистый, аккуратный'.

---

[59] Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, стр. 93.
[60] І. С. Колесник. Матеріалы до словника діалектизмів українських говорів Буковини. (Рукопись), стр. 126.
[61] Гринченко II, стр. 87.
[62] В. А. Прокопенко. Областной словарь буковинских говоров. . ., стр. 461.
[63] О. Полянський. До Підкарпатського словника. — «Рідна мова», 1933, стр. 407.
[64] Белорусско-русский словарь. М., 1962, стр. 881.
[65] Гринченко III, стр. 495; М. В. Решко. Говірка с. Ключаркп Мукачівського р-ну. (Дип. роб.). Ужгород, 1951, стр. 116.
[66] Опыт, стр. 143.
[67] Мельниченко, стр. 134.

В польском языке *wyprzątać* 'убирать, прибирать', *sprzątać* 'убирать, прибирать, приводить в порядок'.

В украинском языке это значение представлено очень широко: укр. литер. *пря́тати* 'прибирать, убирать' [68], 'наводить порядок' (буков.) [69], 'ухаживать за домашними животными': «А алэ прачте и милоуите кони и кобили и овци и свини и оусе товар куолко ест» (Вод., Дос., 1481. П, 358) [70]; *опрятати* 'очистить, прибрать' [71], *опрятний* 'чистий, доладний' (XVI в.) [72], *пря́тання* 'приборка, уборка' (гуцул.) [73], *випрятати* 'убрать, прибрать' [74], *попре́тно* 'опрятно, чисто' (галиц.) [75], *о́прят* 'порядок, лад, чистота' (прилуц.) [76], *спрят* 'приборка, уборка', *спрятування* то же (гуцул.), *спрятува́ти* 'прибирать, убирать' (НВолын. у.), *спря́нути* 'убрать' [77]. Вряд ли правомерна мысль о том, что это значение развилось в украинском языке под влиянием польского языка. Наличие этого значения в русском может говорить об исконности его в украинском, что не исключает польского влияния.

От значения 'убирать' = 'приводить в порядок' развивается значение 'убирать (себя)' = 'одевать, наряжать'. Это значение распространено на всей территории белорусского языка и южнорусских говоров. Русск. *опряну́ть* 'одеть', *опряну́ться* 'одеться', *опрятывать* 'окутывать' (смол.)[78], *упря́тка* 'одежда' (смол.) [79], *опрени́ться*, *опрену́ться* 'одеться' (калуж.), *опряну́ть* 'одеть, закрыть платьем' (кур.), *напря́нуть* 'надеть' (смол.) [80], *напря́нуться* 'одеться' (брян.), *напрятать* 'надевать, одевать' (брян.)[81], *напрятка* 'одежда, покров' (смол.)[82].

В белорусском литературном языке и в говорах этот глагол соответствует русскому *одевать: апрану́цца*, *апра́тацца*, *апратвацъ*, *напрануцъ*, *напрануцца*, *напратывацъ*, *распрануцъ*, *распрануцца; апратка*, *во́пратка*, *на́пранка* 'одежда', *апранка* (могил.[83], гродн.[84]), *о́пратка* (брест.)[85].

---

[68] Гринченко III, стр. 495.
[69] В. А. Прокопенко. Областной словарь буковинских говоров ..., стр. 455.
[70] Картотека Словника староукраїнської мови XIV—XV вв.
[71] Гринченко III, стр. 61.
[72] Картотека Тимченко.
[73] Гринченко III, стр. 495.
[74] Гринченко I, стр. 180.
[75] Гринченко III, стр. 336.
[76] Курило, стр. 18.
[77] Гринченко IV, стр. 191.
[78] Добровольский, стр. 533.
[79] Там же, стр. 94.
[80] Опыт, стр. 122, 143, 123.
[81] «Брянские говоры», стр. 68, 108.
[82] Добровольский, стр. 456.
[83] Бялькевіч, стр. 278.
[84] Спяшковіч, стр. 31.
[85] «Лексика Полесья», стр. 53.

К этому же значению примыкает значение 'убрать, обрядить покойника, приготовить его к погребению'. Тексты такого рода исключительно широко представлены в памятниках старославянского и древнерусского языков: «Вложиша в раку мороморяну и *опрятавше* тѣло с плачемь» (Пов. вр. л. по Радз. сп., 6523); «Ѡ*прятавше* тѣло еѧ, вложиша ю в гробъ камень (Переясл. л. 6714 г.)[86], ст.-слав. «...*спрѧтахъ* и погрѣбахъ ю...» [87]. Отсутствие этого значения в современных восточнославянских языках может говорить или об его утрате, или же о том, что это значение носило несколько книжный характер.

От значения 'убирать, приводить в порядок в хозяйстве' сформировалось значение 'совершать самые разнообразные хозяйственные действия'. Ср. укр. *пр'áтати* 'перерабатывать молоко на сыр', *пр'áтан'а* 'название действия и процесса', *пр'áтник* 'тот, кто перерабатывает молоко на сыр', *спр'áт* 'выход сыра из одной закваски' [88]. (В данном случае не исключен оттенок значения 'с целью сохранить'.)

Польск. *sprzątać* (pokój, mieszkanie) 'привести в порядок', *sprzęt* 'предмет, относящийся к домашнему хозяйству, мебель, реквизит, движимость'. Это слово представлено в кашуб. *spřę̂t* 'мебель' [89] и как полонизм в белорусском. Сюда же примыкает польск. *sprzętny* 'хозяйственный'. В польских говорах *zaprzątać się* 'заниматься чем-л'.[90], ср. болг. *опретвам се* 'приниматься за дело, энергично начинать что-л.', *запретвам* 'засучивать (рукава)'. Любопытно соответствие значений прилагательного в южнославянских и западнославянских языках: с.-хорв. *спрȅтан* 'ловкий, проворный, умелый', *спрêтан* 'удобный, занимающий мало места', словен. *spręten* 'проворный', болг. *опрѐтен* 'трудолюбивый, старательный, умелый' (родоп.) [91], польск. *sprzęnty* 'хозяйственный', 'быстрый', 'способный'.

При всем богатстве значений глагола **prętati* в восточно- и западнославянских языках, очевидно, что все они тесно связаны и выводимы одно из другого: а) 'убирать (сено, урожай)', 'убирать (прочь)', 'украсть', 'убирать (с целью сохранить)', 'убирать (тайно)', 'убирать, чтобы уберечь от поругания', б) 'убирать (дом, комнату и пр.)', 'убирать (домашних животных)', 'убирать (себя)', 'убирать (покойника)'.

Вернемся к исходному **prętati* 'убирать подсеку'. Синонимами этого глагола в славянских языках для обозначения того же действия будут **dъrati*, **terbiti* и **čistiti*. Ср. укр. *теребити* 'очи-

---

[86] Срезневский II, стб. 699.
[87] Miklosich LP, стр. 949.
[88] И. А. Дзендзелевский. Овцеводческая лексика закарпатских говоров. «Общеславянский лингвистический атлас». М., 1965, стр. 117—121.
[89] Lorentz II, стр. 1082.
[90] Karłowicz VI, стр. 311.
[91] Т. Стойчев. Родопски речник. — БД V, стр. 194.

щать поле от кустарников, деревьев' [92]; русск. *тёреб* 'земля, расчищенная из-под мелкого кустарника под луг или пожню' (арх.) [93]; др.-русск. *теребити* 'расчищать': «И рече Володимеръ: *теребите* путь и мосты мостите. . .» (Пов. вр. л. 6522 г.) [94], блр. *процерéб*, *потэрип* 'впервые обработанный участок в лесу', *ісьцярóб* то же [95]. Русск. *дерть* 'распаханная подсека из-под пней' [96], *дрáка* 'участок из-под леса, кустарника расчищенный под пашню, луг, огород' (волог., яросл.) [97]. *Чи́щенник* 'очищенное от растительности и корней место в лесу' (ост.) [98], *чи́щеница*, *чи́щеньца* 'освобожденная от леса пашня' (арх.) [99], *чищóба* 'новина' (арх.) [100], др.-русс. *чищенина* 'росчисть', *чисть* то же [101], *чисть* 'вырубка в лесу' (ряз.) [102], *чисть* (сев.-вост.) 'место, где лес вырублен, выкорчеван и сожжен под посев; пашня, рачищенная из-под лесу' [103]; ср. выражение *чистое поле*.

Итак, глагол **prętati* встает в синонимичный ряд с глаголами **dьrati*, **terbiti*, **čistiti*, причем исходная семантика глагола **čistiti* 'драть, рвать'. Ср. праслав. **cěsta* 'дорога', соотносимое с **čistiti* и этимологически родственное лит. *káišti* 'скрести' [104].

Именно это древнее значение 'вырывать, выдирать (корни и пни)' лежит в основе глагола **prętati* 'расчищать новину'. Это архаичное значение сохранилось в южнославянских языках, в первую очередь, в болгарском и македонском, где глагол **prętati* выступает синонимом глагольной пары **ryti/rъvati*. Ср. макед. *прета* 'рыться (о курице)' [105], болг. диал. *прѐтам се* 'ровя, заривам': «Прѐтам брабо́й у супра́аха, да се опечѐ прѐ у̂баво»; *претам се* 'ровя се, заривам се': «Немой *се‿претà* у снегò, ке истѝнеш, ке се изòкриш» (Самоков.) [106]; *запрѐтувам* 'заривам': «*Запретàх* брабо́й у жа̀рта», *запретувàне* 'зариване картофи в топлата пепел под жарта да се пекат', 'газене на неразрит сняг' [107]; *пре́там* 'ровясе в пясък или прах' [108], *пре́там* 'затруп-

---

92 Гринченко IV, стр. 255.
93 Опыт, стр. 228.
94 Срезневский III, стб. 950.
95 «Лексика Полесья», стр. 120.
96 Филин, вып. 8, стр. 26.
97 Там же, стр. 170.
98 Опыт словаря говоров Калининской области, стр. 277.
99 О. Г. Гецова. Проект Архангельского областного словаря. М., 1970, стр. 10.
100 Опыт, стр. 259.
101 Срезневский III, стб. 1534.
102 Деулинский словарь, стр. 598.
103 Даль³ IV, стб. 1347.
104 См. «Этимологический словарь славянских языков», вып. 3.
105 Речник на македонскиот јазик, II, стр. 486.
106 Иван К. Шапкарев и Любомир Близнев. Речник на самоковския градски говор. — БД III, стр. 265.
107 Там же, стр. 220.
108 Л. Гълъбъв. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, стр. 100.

вам, заривам с пръст или пепел при баене' (Ихтим.)[109], *запрѐтвам се* 'връгалям се в прах или мръсотия' (Софийско)[110]. Итак, 'рыться в песке, пыли, в снегу или золе', 'засыпать землей, пеплом (чтобы испечь или с магической целью)'. Сюда же с.-хорв. *пòпрет*, *сyпрет*, *yпрет* 'покрытый пеплом жар, раскаленные угли': «има ватре у попрету»[111].

Все это развитие семантики 'рыть'→'зарывать, засыпать', ср. макед. *прета* 'засыпать, заваливать'[112].

Итак, мы вынуждены признать, что все современные значения глагола **prętati* в восточно- и западнославянских языках развились вторично из первоначального значения 'рыть, рвать, дергать'. Отголоски этого древнего значения мы находим по всей восточнославянской территории. См. др.-русск. *распрѧтати* 'раскапывать' «Ѥже *распрѧтати* пьрсть ѿ землѣꙑ плъти» (Ефр. Крм. Гр. Нис. л. 244); *опрѧтоватисѧ* 'отделяться': «Єдинъ сын чл҃къ. свойствы и дѣиствы его ѿ прочихъ чл҃къ *опрѧтовашеся*» (divisum est) (Ио. екз.)[113]. Возможно, что отражением древних значений является белорусское *прáтаць* 'бить', *отпрáтаць*[114] то же. Ср. русск. *драть* 'бить'.

Итак, опираясь на материал южнославянских языков и архаичные значения в восточнославянских языках, мы можем реконструировать развитие семантики глагола **prętati* следующим образом: 'рыть, рыться', 'рвать, дергать' как синоним **dьrati*, **rъvati*, **terbiti*, **čistiti*, затем 'дергая, срывая удалять' и 'делать чистым, расчищать путем вырывания, корчевки (поле, дорогу)', затем все значения, синонимичные глаголам **čistiti*, **ubirati*; для части позднейших значений синонимами выступают глаголы **sъkryvati*, **xovati*, **xorniti*, которые в основе содержат иной этимологический признак.

На более древней ступени мы можем вскрыть в глаголе **prętati* обозначение резкого движения конечностей, что сближает его с глаголами **prędati*, **pręsti*. Это значение, восходящее к индоевропейскому, сохранилось в макед. *прета* 'брыкаться, дрыгать ногами'[115], ср. и.-е. **sp(h)er-* 'дергаться, барахтаться, биться'[116].

Приведенный в начале статьи пример сохраняет старое значение глагола **prętati* 'рвать, дергать', употребленное переносно по отношению к физиологическому состоянию человека. Обычно в этом случае употребляются глаголы **rъvati*, **narъvati*, **dьrgati*.

---

[109] Максим Сл. Младенов. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, стр. 146.
[110] Гълъбъв. Указ. соч., стр. 80.
[111] RJA, X, стр. 818.
[112] Речник на македонскиот јазик II, стр. 486.
[113] Срезневский II, стб. 698.
[114] Носович, стр. 495; Юрчанка, стр. 163; Бялькевiч, стр. 341.
[115] Речник на македонскиот јазик II, стр. 486.
[116] Pokorny, стр. 992.

Ср. русск. «у меня *нарывает* палец», «палец *дергает*», «у меня палец *рвет*», польск. «palec *rwie*».

Аналогичного употребления глагола **prętati* мы не находим ни в одном из славянских языков, можно говорить о консервации архаичного значения в говоре Закарпатья, утраченного почти полностью в современных восточнославянских языках.

смотолока

В буковинских говорах насморк называется *смотоло́ка*: «від *смотоло́ки* добре палити во́уну і н'у́хати»[117]. Это слово в пределах украинского языка предстает как совершенно изолированное образование. Не ясны не только его родственные связи, но и словообразовательная структура. Соответствия мы находим в словенском, чешском и русском языках: словен. *smotlaka*, *smǫtlaka* 'нечто негодное', 'паразит (о насекомых)', 'отродье', 'негодяй'[118]; чеш. диал. *smotlaka* 'нечистое зерно'[119]; русск. *смутоло́ка* об. 'тот, кто мешает в чем-л., беспокоит напрасно' (новг.), 'беспорядок' (новг., псков.); *смутоло́к* 'смута, бунт, мятеж, крамола' (арх.), 'кто смутолочит' (псков. твер.)[120].

В чешском и словацком языках это слово выступает в многочисленных фонетических и словообразовательных вариантах: *smatloka* 'невкусная еда, бурда', *smotlach* — ругательство, *smotlacha* 'плевел, сорняк', слвц. зап. *šmatlucha* 'сорняк', иногда ругательство, *šmatlacha*, *smotlacha*, *šmotlacha* 'негодный человек, грубиян', 'никчемный человек, лодырь'[121].

Махек сравнивает это слово с польск. *motloch*, при этом у него отсутствует чешская диалектная форма *smotlaka* и словенско-украинские соответствия. Этимологию слова автор считает неясной[122].

Польск. *motloch* в современном языке значит 'чернь, сброд' и 'давка'. Как устаревшая форма в Варшавском словаре и у Линде приводится *motlota*[123], по говорам *motloch* значит 'давка'[124], в ставропольском слово *motloch* употреблялось в значении 'плохое кислое вино'[125]. Широко представленные в украинском и белорусском языках формы этого слова регистрируют иное (возможно даже более старое) значение: укр. диал. *мо́тлох* 'хлам,

---

[117] В. А. Прокопенко. Областной словарь буковинских говоров . . ., стр. 460.
[118] Pleteršnik II, стр. 521.
[119] A. Kašík. Popis a rozbor nářečí středobečevskeho. Praha, 1908, стр. 96.
[120] Опыт, стр. 208; Дополнение к Опыту, стр. 248.
[121] Šimek. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947, стр. 168; F. Kopečný. Nářečí Určic a okolí. Prostějovský úsek hanáckého nářečí centralního. Praha, 1957, стр. 148; Machek[1], стр. 459.
[122] Machek[2], стр. 561.
[123] Варшавский словарь II, стр. 1050.
[124] I. Karłowicz. Slownik gwar polskich. III, стр. 187.
[125] Słownik staropolski IV, resr. 5, 1965, стр. 331.

тряпье, обломки, клочки' (Черк. у.), *моклóх* то же: «Сніп на *мотлох* побив», одновременно *мотлох* 'сброд, сволочь', производный глагол *мотлошы́ты* 'рвать, срывать, уничтожать' [126]. Блр. *мóтлух* 'тряпье', 'прах': «Мыши поточили на *мотлух* одзежу»; *мóтлах* 'тряпье, лохмотье, мелкие куски', вариант *мэ́тлухи* 'куски, части, изорванные куски' [127]; русск. смол. *мéтлухи* то же [128]. Ареал слова говорит о том, что в восточнославянских языках это полонизм.

Брюкнер связывает слово *motloch* с *mietlica* 'сорняк, то, что отбрасывается' [129], Махек, в свою очередь, подвергает эту связь сомнению.

Думается, что исходить надо из того, что все приведенные выше формы исторически связаны, но часть из них подверглась деэтимологизации. Опорными, вероятно, следует считать соответствия из трех групп языков: укр. *смотолока*, словен. *smotlaka*, чеш. *smotlaka*. Русское слово несомненно подверглось влиянию со стороны слов *смýта* и *сýтолока* в отношении значения [130], но форма совпадает с украинской даже по месту ударения. Все это позволяет реконструировать как исходную праславянскую форму: **(s)motolka* и членить ее с точки зрения словообразования на **(s)-mo-tolka*.

Общеславянский глагол **telkti* и производные имена **tolkъ*, **tolka* представлены очень широко во всех славянских языках. Глагол **telkti* значил 'бить, топтать, давить, толочь'. Махек реконструирует как наиболее архаичные два значения: 'ногами протаптывать дорогу', 'лошадьми вытаптывать хлеб'. Древним значением слова **tolka* было, по-видимому, 'вытаптывание зерна при помощи животных' (наиболее архаичная форма молотьбы, проводившаяся коллективно). Ср. сохранение этого значения в производных: укр. *толочити* 'вытаптывать ногами (о животных)', *витолочити* 'вытоптать', *пáтолоч* ж. 'истоптанное поле, потрава', *стóвквище* 'место, сильно сбитое, истоптанное скотиной' (Черк. у.) [131], русск. *толóк*, *толóка* 'ток, где молотят хлеб' [132] и мн. др. Так как молотьба проводилась коллективно, то слово **tolka* сохранило во всех славянских языках значение 'коллективная работа на добровольных началах', распространив это понятие на многие другие виды работ. Коллективный характер работы нашел свое отражение в производных значениях 'толпа', 'давка'. Ср. русск. *сýтолока*, блр. *нáтолочь* 'множество народа до

---

[126] Гринченко II, стр. 449; Білецький-Носенко, стр. 228; «Лексика Полесья», стр. 47.
[127] Носович, стр. 291; Расторгуев, стр. 275; Гарэцкі, стр. 94.
[128] Добровольский, стр. 409.
[129] Brückner, стр. 345.
[130] Фасмер III, стр. 811.
[131] Гринченко IV, стр. 273; I, стр. 193; III, стр. 102; IV, стр. 207.
[132] Даль³ IV, стб. 780.

тесноты'[133], кашуб. *nåutlěk* 'толкотня, толпа'[134], польск. *tłok*, *tłoka* 'давка, толпа', *natłok* то же[135], укр. диал. *толока́* 'толпа людей'[136], русск. смол. *толока́* 'толпа'[137]. В ряде случаев это значение приобретает неодобрительный оттенок 'толпа' → 'сброд'. Ср. блр. *су́толочь* 'сволочь, сброд', *на́толочь* то же[138], польск. *tłuk* (<*tъlkъ*) 'сброд'.

Значительное число глаголов, обозначающих различные действия в сельском хозяйстве, образуют производные имена со значением 'отбросы'. Ср. **biti* → **sъbojь*, *jьzbojiny*; *trepati* → *obtrepьje*, *česati* → *kostra*, *vějati* → *obvěji; męti* → *obmędlьje*, *terti* → *tьrina*, *obtorьje; velkti* → *sǫvolka*, *sǫvolčь* и мн. др. Глагол **telkti* не является исключением, от него образованы производные со значением 'шелуха', 'сор', 'плевелы'. Ср. укр. диал. *па́толоч* 'сор (в зерне)'[139] *тоўч* 'просяная шелуха'[140].

Можно предположить, что и польск. *motłoch* первоначально значило 'сбоины, отбросы при молотьбе' и реконструировать его условно как ***mo-tolkъ*, учитывая, что такой формы в польском не сохранилось. Что касается семантики, то, как от значения 'толпа' развивается значение 'сброд', так и значение 'сорняки, отходы при сельскохозяйственных работах' устойчиво развивают переносное значение 'дрянь, отбросы общества'. Ср. русск. *сволочь* — ругательство от **sъvolčь* 'сорняки', русск. диал. *сбой* 'сброд, шваль'[141] от значения 'сор всякого рода и пелева от перемола пшеницы', укр. *смі̀ття* 'дрянь' (бранное)[142] от *смі̀ття* 'сор, мусор'. Примеры настолько очевидны, что их нет необходимости умножать.

Семантическая производность **telkti* → ***motolkъ*, ***(s)motolka* объясняет все значения польского, чешского, словацкого и словенского слов.

Что касается словообразовательной структуры, то здесь мы вынуждены признать наличие экспрессивного префикса *mo-* (с вариантами *ma-*, *mu-*). Этот префикс не слишком часто, но встречается в славянских языках (наряду с экспрессивным префиксом *ba-*, *bo-*, *bu-*). О. Н. Трубачев выделяет этот префикс в слове

---

133 Носович, стр. 321.
134 Lorentz I, стр. 698.
135 Варшавский словарь VII, стр. 66.
136 С. І. Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини. «Діалектологічний бюлетень», вип. IX. Київ, 1962, стр. 119.
137 А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев. Материалы для «Смоленского областного словаря». — Уч. Зап. Смол. ГПИ, вып. IX. Смоленск, 1958, стр. 124.
138 Носович, стр. 625, 321.
139 І. І. Приймак. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області. Нова Каховка, 1957, стр. 18.
140 «Лексика Полесья», стр. 126.
141 Даль³ IV, стб. 42.
142 Гринченко, IV, стр. 158.

му́скарадный 'противный'[143]. Ср. еще блр. *маты́лик* 'затылок'[144] при *затылок*, *потылица*; блр. *мо́ташна* 'дурно, тошно, тоскливо'[145], русск. *мо́тошно* 'неловко, неудобно, беспокойно' (новг.)[146] при *тошно*; русск. диал. *моты́рнуть*, *моты́ркнуть* 'ударить, толкнуть' (урал.)[147] **mo-tъrknǫti*; *мату́жный* 'сильный, тяжеловесный' (смол.)[148], возможно, **ma-tǫžьnъjь*; *могбриться* 'выпрашивать, докучать просьбами' (яросл.)[149], вероятно < **mo-goriti sę*; *мету́зить*, *муту́зить* 'бить' при *тузить*. Возможно, к этой же группе слов относится и русск. *му́сор* в связи с *сор*. Ср. наличие у слова *мусор* такого значения, как 'навоз', сближающего его семантически со словом **sorъ*[150].

Итак, для праславянского можно восстановить две лексемы, производные от глагола **telkti* → ***motolkъ* и **(s)motolka* с первоначальным значением 'сорняк', затем 'сброд', 'дрянь' и ругательство[151].

Возможность присоединения *s-* экспрессивного к префиксу *mo-* подтверждается такими примерами, как н.-луж. *skomuda*, *skomda* 'помеха, препятствие', 'мешкание, задержка, пропуск, упущение, потеря'[152] из **(s)-ko-muda*, ср. многочисленные образования с корнем *mud-/mъd-* в этом значении в славянских языках. Обычно это *s-* экспрессивное выступает в виде *š-* или *s-* (ср. параллелизм форм *smotlacha* и *šmotlacha* в словацком).

Следует остановиться на значении украинского слова, которое очень своеобразно. Значение 'насморк' в данном случае, по-видимому, вторично от значения 'сопли'. Ср. русск. диал. *возгри* 'насморк' (перм.)[153] при общеслав. **vozgr'a* 'сопля'. Гнойные и слизистые выделения у человека достаточно часто обозначаются словами, первоначально выражающими нечто плохое, скверное. Ср. русск. *дрянь*, *дурь* 'гной', с.-хорв. *gnus* 'гной', чеш. *gnis* 'гной', русск. *страм* 'гной' (перм.)[154], *худо́ба* 'гной'[155] и т. д. Украинское слово продолжает эту семантическую модель: 'отбросы, гадость, дрянь' → 'сопли' → 'насморк'.

---

143 Фасмер III, стр. 16, дополнение О. Н. Трубачева.
144 Носович, стр. 282.
145 Белорусско-русский словарь, стр. 456.
146 Н. Кедров. Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова Ладожские. — Ж. Ст., год. восьмой. 1898, вып. III—IV, стр. 403.
147 Словарь русских говоров Среднего Урала, II, стр. 148.
148 Добровольский, стр. 402.
149 Мельниченко, стр. 111.
150 Об этом префиксе в славянских языках см.: K. Oštir. Japodi «Etnolog» III, 1929, стр. 102; A. Musić. Prilog negacji u grčkom i u latinskom jeziku. «Rad», 242, 1931, стр. 183.
151 Значение ст.-польск. *motloch* 'плохое кислое вино' можно сравнить с чеш. диал. *smatloka* 'невкусная еда, бурда'.
152 Muka II, стр. 421.
153 Даль[3] I, стб. 553.
154 Соликам. словарь, стр. 611.
155 Картотека Печорского областного словаря.

гоббўдицʼа

В юго-западных украинских говорах, в районе севернее Днестра, записано слово *гоббўдицʼа* ʻсильне захмаренняʼ [156].

Анализируя слово, мы вправе предположить протезу *г* перед *о* (ср. украинские литературные и диалектные формы *гобід* ʻобедʼ, *гоко* ʻокоʼ, *горіх* ʻорехʼ, *горатʼтʼе* ʻпахотаʼ < **oratьje*, *гострий* ʻострыйʼ и мн. др.) и суффикс *-ицʼа*, т. е. *гоббўдицʼа* из первоначального ***(г)оббўда*. Далее можно говорить о префиксе *об-* < *ob-* и о корне, который формально может быть представлен в четырех возможных вариантах: **bъld-*, **bьld-*, **vъld-*, **vьld-*, учитывая упрощение группы *bv* > *b*. Реальной кажется последняя форма, если предположить, что конечный согласный вторичен, т. е. **vьld-* < **vьlg-*.

Исходя из семантики слова ʻсплошная облачностьʼ (ʻсостояние перед дождемʼ) мы можем сопоставить это слово с такими праславянскими формами, как **vьlgnǫti* ʻделаться сырым, мокрымʼ, **vьlgъkъjь* ʻсырой, влажныйʼ и **volga* ʻвлага, мокрота, сыростьʼ, ʻжидкая пища: сметана, жидкий жир и пр.ʼ. Эти формы представлены во всех славянских языках с многочисленными местными вторичными образованиями. В ряде случаев мы наблюдаем в образованиях от этой основы замену конечного *г* на *д*, как результат вторичного восстановления из форм на *ж*. Ср. русск. *волбга—волбжить—вбложь—воложный* и *володный* ʻжирныйʼ (олон., арх.), укр. диал. *вблод* м. ʻвлажностьʼ (гуцул.) [157]. Аналогичный процесс мы наблюдаем, по-видимому, и в анализируемом слове: ***(г)обоўда* < ***(г)обоуга* < праслав. **obvьlga*. Словообразовательная модель представляется следующей: **vьlgnǫti* → **obvьlgnǫti* → **obvьlga*. Слово следует рассматривать как местное диалектное образование, но достаточно старое, так как мы наблюдаем здесь упрощение группы *bv* > *b*.

С точки зрения семантики это слово выделяется среди других славянских названий туч и облаков. Обычные модели: ʻпокрывать, обволакиватьʼ → ʻоблакоʼ (**obvolko*), ʻтемнетьʼ → ʻтемнотаʼ = ʻтучаʼ (**morkъ*), ʻсгущатьсяʼ → ʻтучаʼ (**tǫca*).

Аналогией к приведенному выше укр. *гоббудицʼа* (**obvьlga*) может служить только псков. и твер. *жиделй* мн. ʻосенние низкие пасмурные облакаʼ [158], ср. *жидкий*, *жижа* и др. По-видимому, и украинское диалектное слово обозначает ʻосенние д о ж д е в ы е тучиʼ, где признак влажности особенно важен.

Любопытной аналогией может служить немецкое название облака *die Wolke*, др.-в.-нем. *wolchan*, восходящее к тому же и.-е. **u̯elg-*, что и украинское диалектное слово. В данном случае, это формы, относящиеся к разным эпохам, но представляющие собою формальную и семантическую параллель.

---

[156] Г. Ф. Ш и л о. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, стр. 243.
[157] Ф и л и н, вып. 5, стр. 47; Г р и н ч е н к о I, стр. 250.
[158] Д а л ь[3] I, стб. 1344.

А. С. Львов

ИЗ ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

11. Ст.-слав. обоуѣти

Из памятников старославянской письменности названный глагол зафиксирован в Зогр, Мар, апостоле и Супр.

Мф. V, 13: аще же соль обоуѣетъ. чимь осолитъ са (Зогр, в Супр ... то чимъ ... 259, 30; Мар нет); Л XIV, 34: добро естъ соль. аще же соль обоуѣетъ. о чемь оубо осолитъ са (Зогр, в Мар. без оубо), греч. καλὸν τὸ ἅλας. ἐὰν δὲ καὶ τὸ ἅλας μωρανθῇ ἐν τίνι ἀρτυθήσεται. Как видно, глаголом μωρανθῇ (в форме конъюктива в 3 л. ед. ч.), здесь передано значение 'терять силу, выдыхаться'. Мк IX, 50 это понятие передано описательно: ἐὰν δὲ τὸ ἅλας ἄναλον γένηται ... аще ли же соль не слана бѫдетъ... (Зогр., Мар.).

Интересующий нас глагол зафиксирован еще в значении 'лишение (чего-нибудь)' в апостоле и Супр. Так I посл. Коринф. I, 20: не ѡбоуи ли бъ прѣмѫдрости мира (Слепч, Шишат; не оубоуи ли — Христиноп), греч. οὐχὶ ἐμώρανεν ... τὴν σοφίαν ... 'не лишил ли'; обоуѥнии всеа милости (Супр 75, 4—5), ἀπονενοημένοι 'лишенные, потерявшие'; обоуѥна сътворитъ (Супр 411, 27), παραπλῆγασ ἐργαζέεται 'помешанным (лищенным ума) сделает'[1].

Глагол боуꙗти, зафиксированный только в памятниках церковнославянской письменности, приведен в значениях: 'бурно развиваться'; 'буйствовать', 'быть яростным', 'горячиться'[2]. В отдельных славянских языках этот же глагол известен в значениях: русск. *буять* 'расти', 'развиваться, (о растениях)'[3]; укр. *буяти* 'пышно расти', 'буйствовать'[4]; польск. *bujać* 'бушевать', 'гордиться', 'парить (в воздухе)'[5]; ст.-чеш. *bujěti*, совр. *bujeti* 'пышно расти', 'вести себя буйно'[6]; с.-хорв. *bujati* 'пышно расти', 'бурно развиваться'[7].

---

[1] Slovník jaz. stsl. II, стр. 494 и сл.
[2] Срезневский I, стб. 195.
[3] Филин 3, стр. 334, и сл.
[4] Гринченко I, стр. 119.
[5] S. Reczek. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, стр. 32; Podręczny słownik języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 12.
[6] Gebauer I, стр. 115; Trávníček, стр. 123.
[7] Skok I, стр. 230; Толстой, стр. 55.

Первоначальным значением основы рассматриваемого глагола *bujě-/buji-*, как показывают приведенные данные, должно быть 'обладание силой, мощью'. С приставкой же *o-/ob-*, придающей основе значение 'вокруг' или 'завершение действия'[8], *obujěti* должно бы означать 'распространять действие вокруг' или 'усилить действие до завершения', как, например: дъждити — одъждити, чистити — очистити, лияти — обливати и т. п.

Но интересующий нас старославянский глагол обоуѣти имеет обратное значение: 'лишиться силы или характерного для предмета свойства'; по отношению к соли — 'выдыхаться'. Это значение глаголу придает не приставка о-/об-, а оу-, и то только в слове оубогъ, причем приставка оу- имеет соответствие в балтийских языках в виде *au-* в том же значении 'лишение', например: лит. диал. *aũmonìom* 'бессмысленный', лтш. *aumanis* 'неразумный'[9].

В первоначальном тексте Мф V, 13 и Л XIX, 34 едва ли могла быть другая приставка, кроме оу- в значении 'лишение', т. е. читалось: аште соль оубоуѣетъ... Последний глагол при этом оказывается образованным от бесприставочного боуѣти. Это ясно и из текста Мк IX, 50: аште ли же соль не слана бѫдетъ... 'если соль потеряет свои свойства, свою силу'. Боуѣти — 'обладать силой, своим свойством', а оубоуѣти 'лишиться силы, мощи'.

Что касается примера из апостола не ѡбоуи ли бъ прѣмѫдрости мира, то допустимо предположение, что в первоначальном тексте и здесь глагол был с приставкой оу-, как она зафиксирована в Христиноп ап: не оубоуи ли... 'не лишил ли... (премудрости)'.

Однако, в таких примерах, как обоуѥна сътворитъ (Супр 411, 4—5); пакы мѫчивъше и (Пиония — А. Л.) ногътьми рѣша. покаи са. отъвѣшта (Пионий — А. Л.) нѣсмь обоуialъ (Супр 140, 11—12), ...οὐκ ἀπονενόημαι 'не лишился (еще) разума' или 'не обезумел', — этот глагол, возможно, отыменный, образован от прил. боуи, которое в памятниках старославянской письменности зафиксировано в одном значении 'глупый, безумный'[10], т. е. боуи — о-боуи-а-ти, по типу: нагъ—обнажати, богатъ—обогатѣти, оузда—обоуздати и т. п. В этом случае в причастиях обоуѥна, обоуialъ приставка о- оказывается изначальной, нормальной.

В памятниках старославянской письменности зафиксирован ряд случаев замены оу на о и наоборот по диссимиляции и по ассимиляции[11], ср. отлъстѣ (Мф XIII, 5 Мар, но оутлъстѣ — Зогр);

---

[8] S. Słoński. Funkcje prefiksów werbalnych w języku starosłowiańskim (starobułgariskim). Warszawa, 1937, стр. 70 и сл.; A. Vaillant. Manuel du vieux slave, sec. éd. Paris, 1964, стр. 339, русский перевод 1-го изд.; А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 374.

[9] Machek[2], стр. 665; Trautmann BSW, стр. 16.

[10] Slovník jaz. stsl. I, стр. 147.

[11] W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Aufl. Berlin, 1912, стр. 111 и сл.; P. Diels. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg,

землѭ опражнѣетъ (Л XIII, 7 Зогр, Мар, но оупраждаваетъ — Ник); огебаѕи са нива (Л XII, 16 Мар, но оугобаѕі са — Ас, Сав, Остр, Зогр); не омъıваѭтъ бо рѫкъ (Мф XV, 2 Зогр, Мар), но начатъ оумъıвати ноѕѣ (И XIII, 5 Ас, Сав, Остр, Зогр, Мар); на семь камене съзиждѫ цркъвъ... врата адова не оудолѣѭтъ еи (Мф XVI, 18 Мар, Остр; оуделѣѭтъ — Зогр; оудобалѣѭтъ — Ас), греч. οὐκ κατισχύσουσιν αὐτῇ 'не одолеют ее', т. е. здесь явно должно быть одолѣѭтъ, так же, как довалѣаше нашеи силѣ одолѣти (Супр 82, 29). Мена приставки о- на оу- привела к изменению и основы глагола в Ас оу-добл-ѣ-ѭтъ, так как для южных славянских языков оудолѣти было необычным.

Не исключено, что написание оудолѣѭтъ возникло на моравской почве, потому что в чешском и словацком языках и поныне наряду с *odolati*, *odoliet'* бытуют и *udolati*, *udoliet'*[12], чего нет в других славянских языках, в которых только *odol-*.

Глагол *ubujiti*/*ubujěti*, надо полагать, также возник на моравской почве, о чем свидетельствуют: 1) Мф V, 13 и Л XIV, 34 не входили в состав краткого апракоса и относятся к комплекторной части тетра, которая, по общему убеждению, переведена в Моравии; 2) Приставка оу- в значении 'лишение' зафиксирована, кроме оубоуѣти, в слове оубогъ, последнее же только в чешском и словацком языках является обычным, или, так сказать, народным словом; книжное же происхождение его в других славянских языках не подлежит сомнению. Впервые слово оубогъ введено в перевод псалтыри для передачи греч. ὁ πένης. Псалтырь же в значительном количестве содержит моравизмы; в Син. пс., в частности, фиксируется только оудолѣти, а ни разу одолѣти, ср. также употребление глаголов с приставкой въı-, местоимения мне вместо мене; невѣзестьва, освѧце(ние), рѣсноть, оубогъ, цѣста и многие другие[13].

Написание обоути/обоуѣти вместо оубоути/оубоуѣти могло произойти как в результате диссимиляции оу-оу на о-оу, например: соугобо (Клоц 12б, 38) рядом с соугоубо (там же); кокоуль (Син. тр. 97а, 4—5) рядом с коукоуль (там же 99а, 9), греч. τὸ κουκούλιον и т. п., так и идентификацией написаний вместо оубоуѣти — обоуѣти. Последнее написание обоуѣти закрепилось как постоянное на южнославянской почве из-за отсутствия там приставки оу- в значении 'лишение'. Иначе едва ли возможно объяснить здесь особое значение приставки о- в приведенных примерах из евангелий и апостола, равной оу- в слове оубогъ.

1932, стр. 100; Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. М., 1957, стр. 213; Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича. СПб., 1883, стр. 424.

[12] Machek², стр. 123; Trávníček, стр. 1073 и 1592, SSJ II, стр. 496 и IV, стр. 642.

[13] Об этом подробнее: А. С. Львов. Старославянские ништь—оубогъ—небогъ—бѣдьнъ—маломошть. «Slovo», 25. Zagreb.

12. Отъштетити

Данный глагол зафиксирован в евангелиях, апостоле и Супр. Мк VIII, 36, читающихся в воскресенье третьей недели великого поста, несомненно, относится к первичным переводам. Текст его такой: каѣ полѕа чл҃коу приобрѣсти въсего мира и отъщетiтi дш҃ѫ своѭ (Ас); в Остр: кая бо польза есть... вьсь миръ... Этот текст отражает греч. ζημιωθῆναι τὴν ψυχὴν αὐτοῦ, причем такое чтение свойственно текстам исихиевской и сирийской редакций. В Сав, Зогр и Мар вместо инфинитива употреблен глагол в 3 л. ед. ч.: кая бо польза естъ чл҃коу. аще приобрящетъ вьсь миръ. и отъщетитъ дш҃ѫ своѭ, греч. ... ζημιωθῇ. Таков же текст Мф XVI, 26 и Л IX, 25, причем в апракосах имеется только Л IX, 25, а Мф XVI, 26 в них не входил. В Супр: сам же отъштетитъ ся не ицѣливъ (549, 5—6), эта цитата из апостола: 1 Коринф III, 15, где в греч. отъштетитъ ся соответствует ζημιωθήσεται.

Приведенные глаголы, как греческие, так и славянские, означают 'нанести ущерб', 'повредить', 'опустошить'.

Состав глагола отъштетити, несмотря на то, что объявлен темным[14], ясен, так как он образован от сущ. тъштета: о-тъштет-и-ти, так же, как: соль—осолити, смрадъ—осмрадити, камень—окамѣнити, скврьна—осквр҄ънити и т. д.

Сущ. тъштета находится в Клоц и Супр: по чьто... велиѭ тъштетѫ мi сътворi (Клоц 8б, 38—40), греч. ... ἠδίκησέ μοι (вар. ἐπλεονέκτησε) 'обиду' (нанес); ненавиждѫ такого дара тъштетѫ имѫшта (Супр 87, 18—19) ζημίαν 'вред', 'убыток'.

Таким образом, значение глагола отъштетити обусловлено семантикой сущ. тъштета. Последнее же является производным от тъшть, так же, как ништета от ништь, соуета от соуи, клевета от *клев'- < *kleu-.

Тъштъ почти исключительно встречается в значении 'пустой', ср.: посъла къ дѣлателемъ рабъ. да отъ плода виноградънаго дадатъ емоу. дѣлателе же бивъше i поустиша тъштъ (Л XX, 10 Зогр, Мар), ... ἐξαπέστειλαν ... κενόν; насъітилъ естъ дш҃ѫ тъщѫ (Син. пс. CVI, 9) ... ψυχὴν κενήν; дажди емоу не въ тъще тищи (=тешти) — Син. тр. 91б, 14—15) ... εἰς κενὸν τρέχειν 'не в пустую бегать'; нiкътоже васъ да не слъiшитъ тъштiми словесъi (Клоц 2 а, 34—36), греч. нет. Полагают, что это сочинение самого Мефодия[15] и что тут слъiшитъ по описке вместо льститъ[16]. В этом случае: «пусть вас никто не льстит пустыми (ложными) словами».

---

[14] Sadnik-Altzetmuller, стр. 316.
[15] «Clozianus staroslověnský hlaholský sborník tridenský a innsbrucky». Praha, 1959, стр. 128.
[16] A. Vaillant. Une homélie de Méthode. — RESL XXIII, стр. 36.

Каким образом, тъштета, от которого, как отметили, образован глагол отъштетити, имеет отличное от тъштъ значение, требует объяснений. Значение же 'пустой', 'свободный' в корне тъштъ < *tus-sk-jo признается первичным[17].

Ст.-слав. тъштета имеет соответствие только в болг. *щета* 'вред, убыток, ущерб', причем ущерб в чем-либо материальном[18]; с.-хорв. *šteta, sćeta* тоже значение[19]. Тъштета, как и другие существительные с суф. -ета, обозначает состояние, при этом состояние пустого в материальном отношении. Говоря иначе, это и есть 'убыточное, ущербное состояние'.

Так надо, думается, понимать особое значение сущ. тъштета, отличное от семантики тъштъ.

---

17 Miklosich, стр. 369; Skok III, стр. 446; Trautmann BSW, стр. 333; Фасмер IV, стр. 90 и сл., и др.

18 Младенов, стр. 697; БТР, стр. 963; Речник на съвременния български книжовен език, т. III. София, 1959, стр. 663.

19 Skok III, стр. 413 и сл.; Толстой, стр. 1087 и сл.

В. В. Усачева

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ РЫБ. III*
(семейство Cyprinidae)

Дополнение к списку сокращений

Кар. ЦГ	Вук Ст., Караџић. Црна Гора и Бока Которска. Београд, 1922.
Качалкин	А. Н. Качалкин. Таможенные документы XVII в. как источник исторической лексикологии. «Славянская филология», вып. 9. Изд. МГУ, 1973.
Крыв.	А. А. Крывіцкі. Тыпы і ўжыванне назваў рыбы ў адной гаворцы Палесся. «Беларускае і славянскае мовазнаўства». Мінск, 1972.
СУМ	Словник української мови, I—V. Київ, 1970—1974.
Chiciak	M. Chiciak. Klucz do oznaczania ryb. Poznań, 1947.
Hrabě i Oliva	S. Hrabě, O. Oliva. Klíč našich ryb. Praha, 1953.
Kalendarz	Kalendarz wędkarsko-rybacki. Warszawa, 1958.
Polański	K. Polański, J. A. Sehnert. Polabian-English Dictionary. The Hague-Paris, 1967.
Pracki	W. Pracki. Gwara ślesińska. — Lud, t. XIV. Lwów, 1908.
Rost	P. Rost. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.
Vuković	T. Vuković. Ribe Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1963.

Уклейка Alburnus alburnus L.

ablec русск. *ableț* (липоване в дельте р. Дунай — Antipa 161); ср. рум. *obleț*, *oblete*, *boblete*, *bobleț* (р. Дунай — Antipa 161), *albuleț*, *bobleț* (Vasiliu 200: «диал.»); греч. *obleția* (Добруджа — Antipa 161).

babuška болг. *бабушка* (Геров IV, стр. 13: под *парúца*).

bakla русск. *бáкла* (рр. Белая, Уфа и их притоки — СРНГ), *бакла* (бывш. Уфим. губ. — Зол., Саб. 716);

русск. *бакля́* (рр. Белая, Уфа и их притоки — СРНГ, Клыков), *бакля* (рр. Белая, Уфа — Ревн. 217: «по-видимому, от татар. *башклей*»); ср. русск. *бáкля*, *бáкла* (рр. Белая, Уфа — Даль[2]: «мелкая рыбка, которая ходит руном»), *бáкля* (бывш. Оренбург. губ. — Опыт: «мелкая рыба вроде сельдей, плавающая большими стадами в притоках рек Уфы и Белой»), татар.

* Начало см. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 115—182; «Этимология. 1973». М., 1975, стр. 65—94.

бакла (Березин 188: «название какой-то рыбы, . . .заимствованное вероятно, от русских»);

русск. *баклéйка* (яросл., ростов., Крестец. р-н Новг. обл., рр. Белая, Уфа — СРНГ; Ростов Ярослав. — Волоцкий; яросл. — Мельниченко, Кес. 1870, 262; яросл., влад. — Клыков), *баклейка* (бывш. Яросл. губ. — Зол., Саб. 716; р. Кудьма п. п. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 44; рр. Уфа, Белая — Ревн. 217: «по-видимому, от татар. *башклей*»; реки Урала — Цех. 127);

русск. *баклея́* (бывш. Шуйск. у. Владимир. губ., уфим. — СРНГ), *баклея* (бывш. Владимир. и Уфим. губ. — Зол., Саб. 716; р. Волга близ Васильсурска, р. Кудьма п. п. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 44, 79), *паклея* (р. Волга у Васильсурска — Варп. РНГ 79); ср. русск. *баклея́* (влад. — Даль [2]: «рыбка, похожая на плотвичку»);

русск. *баклéшка* (камск. — Герд и др. 31; бывш. Саратов. губ. — Зол., Кес. 1870, 262, Саб. 716, Тихенко 231; рр. Белая, Уфа — Ревн. 217: «по-видимому, от татар. *башклей*»); ср. русск. *баклéшка* 'мелкая рыбешка' (рр. Белая, Уфа — Даль[2], Опыт: «уменьш. слова *бáкля*»; сарат. — СРНГ);

русск. *баклюха* (Крестец. р-н Новг. обл. — СРНГ);

русск. *башклея* (басс. р. Мал. Кокшага л. п. р. Волга в пределах бывш. Царевококшайск. у. Казан. губ. — Варп. ИФМК 14; р. Волга у Васильсурска — Варп. РНГ 79; р. Свияга и ее басс., р. Бол. Кокшага л. п. р. Волга, р. Меша п. п. р. Кама, р. Шешма л. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 46, 47, 60, 63);

русск. *басклéйка* (Покров. р-н Владимир. обл. — СРНГ), *башклéйка* (бывш. Казан. у. Нижегород. гу́б. — СРНГ), *башклейка* (р. Волга — Герд СА 21; бывш. Казан. губ. — Зол., Кес. 1870, 262; р. Мал. Кокшага л. п. р. Волга — Варп. ИФКГ 49; бывш. Казан. и Нижегород. губ. — Саб. 716; ср. т. р. Волга — Берг 746; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 78); ср. русск *башлейка* 'мелкая, водящаяся в верховьях рек рыба' (бывш. Вязник. у. Владимир. губ. — СРНГ), татар. *башклей* (рр. Кама, Уфа — Ревн. 217).

bakl'a см. bakla

bakleja см. bakla

baklejka см. bakla

bakleška см. bakla

bakl'uxa см. bakla

bas(š)klejka см. bakla

bastryga русск. бастрыга (р. Кудьма п. п. р. Волга в бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 44).

baškleja см. bakla

beavica см. bel'

bel' слвц. *biel'* (р. Кисуца — Ferianc 50); ср. русск. *бель* 'всякая мелкая рыба' (XVII в., Тихвин — Качалкин 23; яросл., симб. — Даль[2], яросл. — Мельниченко), 'мелкая частиковая

рыба' (псков. — ПОС: «собир.»), 'всякая рыба, кроме осетровой, иначе: частик' (ССРЛЯ: «обл.»); чеш. *běl* 'ryba jistá (Kott); слвц. *biel'* 'jakási ryba' (Поважье — Kálal);

польск. *biela* (р. Пилица от Конецполя до Мнишова — Mis. 21); слвц. *bela* (Потисье — Ferianc 50);

слвц. *bielačky* мн. ч. (Банска-Бистрица — Kálal);

с.-хорв. *бêлчица, бӥјелчица* (РСХКНЈ);

укр. *білúця* (Жел., Гринченко), *біляця* (Станислав — Majew. II, 31); чеш. *bělice* (Jungmann, Kott, Frič 25, Šimek 1959, 93), *bjelica* (Мистрица на р. Морава — Malina); слвц. *bielica* Пикула — Ferianc 50), *bielice* (Kálal), *bilica* (Стара Любовна — Ferianc 50), *belica* (Сред. Словакия, Пехоч — Kálal, Ferianc 50; Подтатранский Важец — Rysul'a 187), ∾ *obyčajná* (NR 11); с.-хорв. *bjȅlica* (RJA), *бѐлица* (РСХКНЈ), *belica* (Самобор в Хорватии — Lang 48); словен. *belica* (Ferianc 50); болг. *белúца* (Геров, РБР), *белица* (БЕР, Моров 53, Ниш. и Ореш. 86); ср. чеш. *bělice* 'souborný název pro menší drúhy kaprovitých ryb jako oukleje, perlíny, plotice, tloušte, proudníky, podousteve, cejny malé' (NR 11), *bělice* 'lidový název některých menších bílých ryb' (PSJČ), словен. *bẹlíca* 'der Weissfisch' (Горишко — Pleteršnik; Škerlj);

с.-хорв. *бѐлић, бјѐлић* (РСХКНЈ);

чеш. *bělička* (Jungmann, Kott, Šimek 1954, 92), *bjelička* (Мистрица на р. Морава — Malina); слвц. *bielička* (Церово, Превидза, Тренчин, Зволен — Ferianc 50), ∾ *obyčajná* (RP 110, Dyk 249; «и. т.»);

польск. *bielizna* (р. Дунаец от устья до г. Нов. Тарг — Now. 36); болг. *белúзна* (Криничное Болград. р-на — собств. наблюд.); ср. укр. *бѣлизна* 'назва дрібної риби ріжного гатунку' (XVIII в. — Тимч.), польск. *bielizna* 'drób ryb, małe rybki' (SWil, SW);

слвц. *belka* (Погорнадье — Ferianc 50); с.-хорв. *bȅlka* (Самобор в Хорватии — Lang 48; Лобор, Лепоглава в Хорватии, Заечар, Неготинско Блато — Hirtz), *bijȅḷka* (Хорватия — RJA), *bȉjelka* (RJA, РСХКНЈ), *бêљка, бӥјељка* (Лесковац — РСХКНЈ; Хорватия — Караџић); словен. *bẹ̑łka* (Pleteršnik); болг. *б'áлка* (Владичени, Нагорное Болград. р-на — собств. наблюд.);

с.-хорв. *бêлкица, бӥјелкица* (РСХКНЈ);

с.-хорв. *бѐлојка, бјѐлојка* (Заечар — РСХКНЈ);

чеш. *běloun* (Majew. II, 31);

русск. *белóвка* (Даль [2] IV, стр. 482: под *уклéя*);

укр. *белух* (Закарпат. обл. — Влад. 68), *білуг* (Закарпат. обл. — Кол. 28);

укр. *білю́га* (Гринченко), *бел'у́га* (в. т. р. Горынь — АУМ), *білюга* (бывш. Жовков. округ — Majew. II, 31), *biluha* (Галиция — Now. 1889, 53); слвц. *beluha* (Kálal); ср. русск. *белýга* 'мелкочешуйчатая частиковая рыба' (псков. — ПОС);

болг. *белурка* (Коев и др. 54); ср. болг. *белу́рка* 'рыба очень маленькая, но вкусная' (Гостилница, Дряново — АБС);
с.-хорв. *белу̏шавка*, *бјелу̏шавка* (PCXKHJ);
с.-хорв. *белу̏шица*, *бјелу̏шица* (PCXKHJ: «покр.»);
с.-хорв. *бѐлва* (Тимок — PCXKHJ);
болг. *бѣ̀лвар* (Моров 53);
с.-хорв. *бѐавица* (Бачко — PCXKHJ), *бѐјавица* (Накриваньска Бара — PCXKHJ), *бѐлвица* (Вране — PCXKHJ: «покр.»), *belevica* (Босния и Герцеговина — Hirtz), *beovica* (Hirtz), *бѐовица* (PCXKHJ), *бѐулица*, *бѐуљица* (Темнич — PCXKHJ), *бѝјавица* (Босанска Градишка — PCXKHJ: «покр.»); болг. *белвица* (Моров 53); макед. *belvica* (оз. Дойран, Преспа — Hirtz); ср. с.-хорв. *бѐовица* 'народни назив за белу рибу уопште' (PCXKHJ), болг. *бельовица* 'малка риба' (р. Осым в Тотлебен. и Плевен. округе — АБС), *бе́лувица* 'то же' (Брацигово — Сб НУ XI, 185).
Ср. русск. *беля́ва*, *беля́вка* 'мелкая рыба' (яросл., сиб. — Даль [2]), *белёшка* 'то же' (Уральск — Михеева КД).

bel'a см. bel'

belačky см. bel'

belčica см. bel'

belevica см. bel'

belica см. bel'

belič см. bel'

belička см. bel'

belizna см. bel'

belka см. bel'

belkica см. bel'

beloglazka русск. *белоглазка* (бывш. Оренбург. губ. — СРНГ, Зол., Аксак. 169, Кес. 1864, 105, Саб. 716).

belojka см. bel'

belomperka см. beloperka

beloperka с.-хорв. *beloperka* (Сербия — Hirtz), *bjeloperka* (Добановачко, Купиново на р. Сава — Hirtz), *bjelomperka* (Митровица на р. Сава — Hirtz).

beloryb польск. *białoryb* (Wyg. 446: «м. н.»); ср. польск. *białoryb* (SW: «nazwa stosowana do rozmaitych ryb, ... do rapia, jelca, jazia, płoci»; SDor: «nazwa dawana... różnym rodzajom ryb karpiowatych»);
русск. *белорыбка* (Кес. 1877, 266: «местами неправильно»).

belorybka см. beloryb

beloun см. bel'

belovka см. bel'

belux см. bel'

bel(l')uxa см. bel'

belurka см. bel'

belušavka см. bel'

belušica см. bel'

belva см. bel'
belvar см. bel'
belvica см. bel'
beovica см. bel'
beulica см. bel'
bezribica с.-хорв. *bèzribica* (RJA).
bijavica см. bel'
bleskač болг. *блескач* (РБР, Дрен. 96, Пешев и Боев 29), *bleskǎč* (Wak. 49), *лъскач* (Моров 53);
болг. *блѣскавец* (Христ. 426, Моров 53), *блескавец* (Ниш. и Ореш. 86);
болг. *бласкън* (Моров 53), *блѣскýн* (Геров, АБС);
укр. *бли́скавка* (Жел., Ш. и Т. 78), *блискавка* (Надворна — Majew. II, 31; бойков. — Онишк.), *блі́скавка* (Негребка — Врх. ГД 13), *błyskawka* (Галич, Розвадов, рр. Кропивник, Болоховка, Чечва, Сивка в пределах бывш. Калуш. пов. — Now. 58, 75, 76, 78); польск. *błyskawka* (р. Вислок п. п. р. Сан. р. Любатовка; Кросно — Now. 45, 46), *łyskawka* (Wał. PFiz. 290, Majew. II, 31); чеш. *blejskavka* (Ждяр — Bart. II, 497);
укр. *блищи́ця* (Жел.);
болг. *лъскýнча* (Геров).
bleskavec см. bleskač
bleskun см. bleskač
bli(y)skavka см. bleskač
blyščica см. bleskač
bobča болг. *бобча* (Геров IV, стр. 183: под *попадийка*).
brzac с.-хорв. *brzac* (Славонска Долина, Уштица, Ясеновац — Hirtz);
с.-хорв. *bȑzâk* (RJA), *brzak* (Добранска Река, Пожаревац — Hirtz), *бр̀зак* (РСХКНЈ), *брзак* (ср. т. р. Пек от Валуя до Мишленовца — Мил. 108);
с.-хорв. *brzan* (Рготинска Река, Заечар — Hirtz);
с.-хорв. *бр̀зāш*, *бр̀зеш* (РСХКНЈ: «покр.»), *брзаш*, *брзеш* (ср. т. р. Пек от Валуя до Мишленовца — Мил. 108).
brzak см. brzac
brzan см. brzac
brzaš см. brzac
brzeš см. brzac
bystr'anka русск. *быстрянка* (Кудымкар — Ревн. 217); польск. *bystrzanka* (Wał. BW 536).
čauš болг. *чауш* (Моров 53).
čebančik русск. *чебанчик* (Самара — Зол., Саб. 716).
čekleja русск. *чеклея* (р. Волга у Васильсурска — Варп. РНГ 79; Кудымкар, Чердынь, Ниж. Серги, Частые в басс. р. Кама — Ревн. 217).
dergunec русск. *дергунец* (Астрахань — Зол., Кес. 1877, 266, Саб. 716).
deščovka польск. *deszczówka* (SW: «gwar.»; Тарнов — Now. 36).

dovgan'a укр. *довганя* (Закарпат. обл. — Кол. 28), *довгання* (Закарпат. обл. — М. и К. 115).
dunajka слвц. *dunajka* (Пештяны — Ferianc 50).
džidak с.-хорв. *džidak, džidakinja* (Ябланица, Вране — Hirtz), *џидак, џидакиња* (РСХКНJ I, стр. 468: под *бёовица*).
džidakin'a см. džidak
džirit болг. *джирит* (Моров 53).
džitkalca болг. *джиткалца* (Моров 53).
fint польск. *fint* (рр. Висла, Днестр, Стырь, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 53, Dzied. 83).
garmak русск. *гармáк* (Урал — Клыков), *гармак* (Урал — СРНГ, Зол., Саб. 716, у уральских казаков — Кес. 1864, 105, Аксак. 169), *garmak* (у уральских казаков — Pall. ZRA 321).
gol'o с.-хорв. *goljo* (Hirtz: «Wörtlich der Nackte, Blössling, nudus»).
gonyna укр. *гони́на* (Жел.).
gorčivka болг. *горчи́вка* (Геров).
gorgoška укр. *горгошка* (Закарпат. обл. — Влад. 68, Кол. 28).
gukleja см. ukleja
xamsija болг. *хамсия* (Моров 53, Коев и др. 54).
!jalec укр. *jałec'* (Гуцульщина — Szuch. 30), *jелéц* (гуцульск. — Коб. 69); польск. *jelec* (р. Пилица от Конецполя до Мишова — Mis. 21); чеш. *jalec* (Френштат — Kott 1910); слвц. *jalec* (рр. Турец, Нитра, Дудваг — Ferianc 50).
jelec см. jalec
jalkovan болг. *ялкован* (Моров 53).
ješkarica с.-хорв. *ješkarica* (Петровина — Hirtz).
incer-balъ болг. *инцер-балъ* (Моров 53); ср. тур. *ince* 'тонкий, нежный'
kalinka русск. *кали́нка* (Даль [2]), *калинка* (бывш. Ковен. и Пенз. губ. — Зол., Саб. 716: бывш. Пенз. губ. — Кес. 1870, 262, Вен. 86, А. Ник. 694; р. Сура близ Пензы — Паллас I, 117); блр. *калинка* (р. Зап. Двина — Сап. 223).
!kesega с.-хорв. *kesega bijela* (р. Босут близ Слаковца и Винковца, р. Мрежница близ Мостаня — Hirtz), ∽ *bijelica* (Винковцы — Hirtz), ∽ *bijelka* (Апшевцы — Hirtz), ∽ *bjeloperka* (Хорватия — Hirtz), ∽ *bjelušavka* (Апшевцы — Hirtz).
kesek слвц. *kesek* (Kálal: «mad'»).
!kil'ka русск. *килька* (Красноуфимск, Манчаж — Ревн. 217).
!klen слвц. *klen, kleň* (Jungmann, Kálal).
klea, kleha, kleja см. ukleja
kleać см. ukleja
klejčica см. ukleja
klejica см. ukleja
kliyk см. ukleja
klyja см. ukleja
kon'ux русск. *конюх* (р. Урал — Зол., Саб. 716, у уральских казаков — Кес. 1864, 105, Аксак. 169), *konjuk* (у уральских казаков — Pall. ZRA 321).

korbusa русск. *кóрбуса* (олон., карг. — Дополнение к Опыту, СРНГ, Каргополь — Куликовский); ср. русск. *корбукс* (*корбокс*) 'вид рыбы' (XVII в., Тихвин — Качалкин 23).
kuklejka см. ukleja
likarica с.-хорв. *likarica* (Герцеговина, Попово Поле — Hirtz).
lovga укр. *ловгá* (Ниж. Реметы Закарпат. обл. — КДА);
укр. *ловганя* (Закарпат. обл. — Влад. 68).
lovgan'a см. lovga
lyskavka см. bleskač
lъskač см. bleskač
lъskunča см. bleskač
mol'ga укр. *мôл'гá* (Листвин на сев. Житомир. обл. — Никончук КД); ср. русск. *мальгá* 'мелкая рыбка' (Даль [2], псков. — Кузн. РС).
muarica см. muxar
muxar болг. *мухар* (Моров 53);
с.-хорв. *muharica* (Огулинско-слуньская краина — Hirtz, RJA), *muarica*, *muvarica* (Огулинско-слуньская краина — Hirtz).
muharica см. muxar
mul'aška русск. *муляшка* (р. Мал. Кокшага и ее басс. — Варп. ИФКГ 49).
muvarica см. muxar
obmanščica русск. *обманщица* (бывш. Казан. губ. — Зол., Варп. ИФКГ 35; бывш. Казан. и Нижегород. губ. — Саб. 716).
okle(i)ja см. ukleja
oklij(ka) см. ukleja
oseledčik см. sel'd'a
oseledec см. sel'd'a
pakleja см. bakla
parica болг. *парúца* (Геров).
pinkos польск. *ṕiṷkös* (р. Нотец — Tomasz. MMW 115).
platica с.-хорв. *platica* (р. Ибар; Рашка, Нови Пазар — Hirtz), *платица* (РСХКНЈ I, стр. 468: под *бѐовица*);
с.-хорв. *plȁtika* (Рготинска Река, Заечар — Hirtz), *платика* (РСХКНЈ I, стр. 468: под *бѐовица*); ср. с.-хорв. *platnica* 'A. albidus alborella Filippi' (Hirtz).
platika см. platica
pleskavka укр. *плéскавка* (Ш. и Т. 78).
pločka с. хорв. *pločka* (Павловачки Вир, Враня — Hirtz), *плочка* (РСХКНЈ I, стр. 468: под *бѐовица*).
plodica чеш. *plodice* (Jungmann); слвц. *plodzica* (Гуменни — Ferianc 50).
plotička русск. *плотичка*, *плотвичка* (Уфалейские водоемы Челябин. обл — Ревн. 217).
plotvička см. plotička
popadijka болг. *попадúйка* (Геров).
poverxovica укр. *поверхóвиця* (Жел., Ш. и Т. 78), *поверховиця* (Нік. 53; бывш. Жовков. округ — Majew. II, 31).

с.-хорв. *povrxuša* (Чачак на р. Морава, Скрапеж, Ужица — Hirtz), *поврхуша* (РСХКНЈ, I стр. 468: под *бѐовица*);

с.-хорв. *povrxušica* (Сербия — RJA, Hirtz), *поврхушица* РСХКНЈ I, стр. 468: под *бѐовица*).

povruxuša см. poverxovica

povrxušica см. poverxovica

povrxvoda с.-хорв. *povrxvoda* (Оток в Славонии — RJA), *povrvoda* (Оток на р. Босут — Hirtz), *поврвода* (РСХКНЈ I, стр. 468: под *бѐовица*).

pryskuxa русск. *прыскуха* (Ильмень — Кучин РПИ 26);

болг. *пръскач* (Пешев и Боев 29).

prъskač см. pryskuxa

raxul'a с.-хорв. *rahuļa* 'исхудавшая после нереста уклейка A. albidus alborella Fil.' (Черногория — RJA: «kad su mršave»; сев.-вост. берег Адриатич. моря, Црна Гора — Hirtz), *рахуля* то же (оз. Шкодер — Јовић. 191)

ryba слвц. *biela ryba* (Ferianc 50); болг. *бела рыба* (Дюв. СБЯ); ср. полаб. *byola reibo* (1710 г. — Rost 83), *b'olă râibo* 'white fish' (Polański);

польск. *sucha ryba* (р. Сан; Ярослав — Now. 44).

rus польск. *rus* (Сулковицы — Steuer 57, 126).

sabl'a русск. *сáбля* (Башкир. АССР — СРНГ); ср. русск. *сáбля* 'мелкая рыбка' (Скопин. р-н Рязан. обл. — СРНГ).

sajga русск. *сайга*, *саёшка* (р. Теша п. п. р. Ока — Варп. РНГ 50).

Ср. русск. *сайгá* 'вид рыбы' (Копачево Холмогор. р-на Арханг. обл. — СРНГ).

sajoška см. sajga

sakl'a русск. *сáкля* (р. Сакмара п. п. р. Урал — сообщение Г. К. Венедиктова).

salačka см. salaga

salačok см. salaga

salaga русск. *салáга* (бывш. Олон. губ. — Куликовский, Муромля Прионеж. р-на — СРНГ), *салага* (бывш. Олон. губ. — Зол., Кес. 1868, 49, Саб. 716, Георг. 13; Онеж. оз. — Герд ПФНР 32, Пушк. 36, Берг 746; сев.-вост. часть Онеж. оз. — Покр. 68; Кондопож. губа и р. Суна до водопада Кивач — Збор. 82; Ленинград. обл. — Герд ПФНР 32; Грац. 140: «неправильно»);

русск. *салагина* (Причудье — Герд. ПФНР 33);

русск. *салагушка* (бывш. Олон. губ. — Зол., Кес. 1868, 49; Саб. 716; Ленинград. обл., Онеж. оз. — Герд. ПФНР 32);

русск. *салак* (Причудье — Герд ПФНР 33);

русск. *салака* (бывш. Олон. губ. — Кес. 1877, 266, А. Ник. 694);

русск. *салакуша* (Причудье — Герд ПФНР 33);

русск. *салакушка* (бывш. С.-Петербург. губ. — Погодин СЗ 57; Причудье — Герд ПФНР 33; бывш. Олон. губ. — Кес. 1877, 266; Онеж. оз. — Пушк. 36);

русск. *салачка* (р. Волхов — Домр. и Правд. 173: «изредка»);

русск. *салачок* (Причудье — Герд ПФНР 33).

Ср. вепс. *salag*, фин. *salakka* 'der Weissfisch' (Погодин СЗ 57), фин. *salkki*, *sallko* 'уклея A. alburnus L.', карел. *šalakka*, *šelakka* то же, эст. *salakas*, *salaka* то же (Герд ПФНР 32, 33).

salagina см. salaga

salag(k)uška см. salaga

salak см. salaga

salaka см. salaga

sardela болг. *сардела* (Моров 53).

saul'a см. savul'a

savul'a с.-хорв. *savulja* (Хорватия, Босанска Градишка и Брод на р. Сава — Hirtz), *saulja* (Врбовляни — Hirtz).

sebel' см. sibil'

sebelik см. sibil'

sebil' см. sibil'

sekuša русск. *секýша* (р. Дон — Миртов), *сикýша* (Ростов Яро-слав. — Волоцкий);

русск. *секýшка* (Багаевская — Миртов).

sekuška см. sekuša

selava см. sel'ava

sel'ava русск. *селáва* (Сл. АР, Даль[2]), *селя́ва* (Даль[2], ССРЛЯ: «обл.»), *селява* (р. Зап. Двина — Plater 1861, 38; по Волге — Кес. 1864, 105, Аксак. 169, РСР 57), 'крупная уклейка' (местами на верхней Волге и по р. Ловать — Зол., Саб. 716), *sselawa* (на Волге — Pall. ZRA 321); укр. *селя́ва* (рр. Днестр, Юж. Буг — Ш. и Т. 78), *селява* (н. т. р. Припять — Ляш. 57; рр. Днепр, Юж. Буг, Днепровско-Буг. лиман — Амброз 128); блр. *силя́ва* (Носович), *селява* (р. Зап. Двина — Сап. 223); ср. русск. *селя́ва* 'мелкая рыбешка' (Опочка Новг. обл., Владыкино Борович. р-на Новг. обл., — СРНГ);

русск. *селявка* 'куринская уклейка A. filippi Kessler' (Чалдыр — Берг 753); укр. *селявка* (рр. Днепр, Юж. Буг, Днепровско-Буг. лиман — Амброз 128); блр. *силя́вка* (Носович), *селявка* (р. Неман — Жуков 1958, 96: «м. н.»);

блр. *силя́вочка* (Носович); ср. русск. *селя́вочка* 'небольшая рыбка, селява, селявка' (Бесед. р-н Курск. обл. — СРНГ).

se(i)l'avka см. sel'ava

se(i)l'avočka см. sel'ava

!sel'd'a русск. *оселедчик* 'мелкая уклейка' (р. Днепр — Зол., Аксак. 169, Саб. 716); укр. *оселéдчик* то же (р. Днепр — Ш. и Т. 87), *оселедчик* (бывш. Харьков. губ. — Чернай 42; р. Днепр — Нік. 53);

русск. *оселедец* (Новочеркасск — Зол.);

русск. *сельдя* (Кес. 1877, 266: «местами неправильно»);

русск. *сельдя́вка* (Цимлянская — Миртов);

русск. *селедка* 'крупная уклейка' (р. Днепр — Зол.), *seloedka* то же (Pall. ZRA 321); укр. *селедка* (бывш. Харьков. губ. — Чернай 42).
sel'd'avka см. sel'd'a
seledka см. sel'd'a
sent'a русск. *сентя* (басс. р. Свияга — Зол., Рузский 56, Саб. 716), *синтя* (р. Сура, бывш. Оренбург. губ. — Зол.; басс. р. Свияга — Рузский 56; рр. Сура, Мокша, Хопер в бывш. Пенз. губ. — Магн. 19);
русск. *сентяга* (басс. р. Свияга — Саб. 716);
русск. *сентяпа* (р. Свияга — Зол.), *синтепá* (Даль[2]), *синтепа* (р. Сура — Зол., Пенза — Паллас I, 117), *синтяпá* (р. Сура — Варп. РС 9, 10), *синтяпа* (р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 78; р. Медведица в бывш. Аткар. у. Саратов. губ. — Тихенко 231; бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 35);
русск. *синьтяпка* (Башкирия — Навозов 268);
русск. *сентявка* (бывш. Оренбург. губ. — СРНГ, Аксак. 169; басс. р. Свияга — Зол., Симбирск — Рузский 56), *синтя́вка* (Даль[2] IV, стр. 187: под *синтепá*; р. Сура — Зол., Варп. РС 10; басс. р. Урал — Навозов 268).
sent'aga см. sent'a
se(i)nt'ap(k)a см. sent'a
se(i)nt'avka см. sent'a
sibel' см. sibil'
sibelik см. sibil'
sibil' русск. *се́бель* (Елизаветинская в н. т. р. Дон — Миртов), *себе́ль* (юж. — Даль[2]), *себель* (р. Десна — Саб. 716; р. Дон — Миртов), *ssebell* (р. Сев. Донец — Pall. ZRA 321), *себиль* (н. т. р. Дон — Макаров АКД 20), *сиби́ль* (Азов. басс. — Кузн. ПАБ 106), *си́биль* (юж. — Даль[2]), *сибиль* (ср. т. р. Десна в пределах Брянской обл. — Воронцов 1930, 73; Трубчевск, Севск, Смоленск, Льгов, Рыльск, р. Сейм — Герд ЛСБГ 139; рр. Сейм, Свапа в пределах Курской обл. — Гладк. 49), *ssibill* (р. Сев. Донец — Pall. ZRA 321), *сибель* (брян. — Герд. ЛСБГ 139); укр. *се́бель* (Жел., Гринченко), *себе́ль* (Ш. и Т. 78), *себель* (Majew. II, 31; р. Десна от Новгород-Северского до Чернигова — Белінг 1935, 5; н. т. р. Припять — Ляш. 57; бывш. Харьков. губ. — Чернай 42; басс. р. Сев. Донец — М. и К. 115), *си́биль* (Жел.), *сиби́ль* (Ш. и Т. 78), *сибиль* (Нік. 53, Зол., Аксак. 169, Majew. II, 31), *ssibil* (Pall. ZRA 321), *сибíль* (Ш. и Т. 78); блр. *сибиль* (р. Днепр — Жуков РБ 243); ср. русск. *сиби́ль* 'салака' (Трубчевск. р-н Брянск. обл. — СРНГ), 'молодая рыбка' (брян. — Тиханов);
русск. *себелики* мн. ч. (р. Дон — Зол.); укр. *себе́лик* (Жел., Гринченко: «уменьш.», Ш. и Т. 78), *себелики* мн. ч. (бывш. Харьков. губ. — Чернай 42), *сибе́лик* (Ш. и Т. 78);
русск. *сибилёк* (реки Азов. басс. — Кузн. ПАБ 106).

sibil'ok см. sibil'
siga русск. *сигá* (Оренбург — Саб. 716), *сига* (Оренбург — Навозов 268);
русск. *сигушка* (басс. р. Урал — Навозов 268).
siguška см. siga
sikavka польск. *sikawka* (Dzied. 83);
русск. *сикла* (в. т. р. Ока — Кес. 1870, 262, Саб. 716; бывш. Твер. губ. — РСР 57, Вен. 86), *sikla* (р. Ока — Pall. ZRA 321); ср. русск. *сúкля* 'мелкая рыбка' (бывш. Хопер. округ — Миртов), *сиклá* то же (Старицк., Ржев. р-ны Калинин. обл. — Опыт СГКО; донск. — СРНГ);
русск. *сиква* (р. Пьяна л. п. р. Сура — Варп. РНГ 39); ср. русск. *сиквáрь* 'рыбка, похожая на кильку' (Покров. р-н Владимир. обл. — СРНГ).
sikla см. sikavka
sikuša см. sekuša
sikva см. sikavka
sin'ak укр. *синяк* (Закарпат. обл. — Влад. 68, Кол. 28);
русск. *синява* (р. Кудьма п. п. р. Волга — Варп. РНГ 44);
русск. *синя́вка* (ср. т. р. Волга — Клыков,) *синявка* (р. Сура — Зол., Варп. РС 10; бывш. Казан. и Нижегород. губ. — Саб. 716, Варп. ИФКГ 35, Варп. РНГ 78; басс. р. Свияга — Рузский 56, Саб. 716); блр. *сіняўка* (Крыв. 201);
русск. *синьга* (р. Ахтай л. п. р. Кама — Варп. ИФКГ 61; р. Сура, Мокша, Хопер в пределах бывш. Пенз. губ. — Магн. 19; р. Кудьма п. п. р. Волга — Варп. РНГ 44), *синга* (р. Мал. Черемшан — Варп. ИФКГ 59); ср. русск. *сеньгá* 'маленькая однолетняя и двухлетняя белая рыбка' (Новоржев. р-н Псков. обл. — СРНГ), *синьгá* 'мелкая рыбка' (Порхов. р-н Псков. обл. — СРНГ: «собир.»);
русск. *сингава* (р. Кудьма п. п. р. Волга — Варп. РНГ 44);
русск. *синька* (бывш. Казан. и Нижегород. губ. — Саб. 716).
sin'ava см. sin'ak
sin'avka см. sin'ak
sin'ga см. sin'ak
singava см. sin'ak
sin'ka см. sin'ak
sinoplavka русск. *синоплавка* (р. Линда л. п. р. Волга — Варп. РНГ 34).
sisn'a русск. *сисня́*, *сисёнка* (рр. Ворсма, Тосканка в басс. р. Ока — Варп. РНГ 57).
sis'onka см. sisn'a
sivac с.-хорв. *sivac* (Пожаревац, р. Дунай — Hirtz), *сивац* РСХКНЈ I, стр. 468: под *бȅовица*).
skabrija укр. *скабрія́* (Ш. и Т. 78).
soloxa русск. *солоха* (р. Волхов — Домр. и Правд. 173: «изредка»).
splavka укр. *сплавка*, *сплавок* (Дрогобыч — Majew. II, 31).
splavok см. splavka

stepany русск. *степаны* мн. ч. (р. Сережа — Варп. РНГ 79).
strelec болг. *стрелец* (Ниш. и Ореш. 86);
болг. *стрелйца* (Геров);
болг. *стрѐлка* (Геров), *стрелка* (Коев и др. 54).
strelica см. strelec
strelka см. strelec
suxa ryba см. ryba
suxarka польск. *sucharka* (р. Рада п. р. Сан — Now. 44; Галиция — Now. 1889, 53: «спорадически»);
польск. *suchotka* (р. Пилица от Конецполя до Мнишова — Mis. 21);
укр., польск. *suszyca* (рр. Висла, Стырь, Днестр, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 53).
suxorybec польск. *suchorybiec* (SW: «gwar.»; р. Висла, Днестр, Прут в пределах Галиции — Now. 1889, 53);
suxotka см. suxarka
suklejka см. ukleja
sušica см. suxarka
svetloka с.-хорв. *svjetloka*, *svitloka* (Босния, Герцеговина — Hirtz: «sastavljeno je od svijetlo i oko»).
šakleja русск. *шаклея́* (вят., перм. — СРНГ), *шаклея* (р. Вятка — Кес. 1870, 262, Саб. 716; Кудымкар, Чердынь, Ниж. Серги, Частые в басс. р. Кама — Ревн. 217), *шеклея́* (Слободской Киров. обл. — СРНГ), *шеклея* (р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 63; р. Волга у Васильсурска — Варп. РНГ 79; р. Свияга и ее басс., рр. Бол. Кокшага, Меша, Шешма — Варп. ИФКГ 46, 47, 60, 63; бывш. Перм. губ. — Хлебн. 36; р. Вятка от г. Киров до устья р. Летка — Дрягин РБВ 124; Кудымкар, Чердынь, Ниж. Серги, Частые в системе р. Кама — Ревн. 217), *шклея* (р. Вятка — Зол., Кес. 1870, 262, Саб. 716), *щаклея* (Кунгур, Кишерть — Ревн. 217), *щеклея* (р. Летка в пределах бывш. Вят. губ. — Дрягин РЛ 5; н. т. р. Вятка — Лукаш 63; басс. р. Вятка от г. Киров до устья р. Летка — Дрягин РБВ 124; басс. р. Вятка выше г. Слободской — Лукаш РБВ 12; Красноуфимск — Ревн. 217); ср. русск. *шаклея́* 'мелкая рыбка' (Вел. Устюг — СРНГ), *шеклёя* 'название рыбы' (Соколово Нолин. р-на Киров. обл. — СРНГ);
русск. *шаклейка* (р. Кама — Саб. 716; Кудымкар, Чердынь, Ниж. Серги, Частые — Ревн. 217; реки Урала — Цех. 127), *шеклейка* (р. Волхов, оз. Ильмень — Варп. РИВ 63; р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. РНГ 78; р. Кама — Зол., Кес. 1864, 105; бывш. Перм. губ. — Хлебн. 28; реки Урала — Цех. 127), *schekleika* (р. Кама — Pall. ZRA 321), *щекле́йка* (н. т. р. Вятка — Лукаш 63), *щеклейка* (р. Кама — Аксак. 169; реки Урала — Цех. 127); ср. русск. *шаклейки* мн. ч. 'название рыбы' (Кизнер Малмыж. р-на, Красногорское Котельнич. р-на Киров. обл. — СРНГ), *шеклейка* (Соколово Нолин. р-на Киров. обл. — СРНГ);

русск. *щеклейчик* (Кудымкар — Ревн. 217).

šaklejka см. šakleja

š(č)ekleja см. šakleja

ščeklejčik см. šakleja

š(č)eklejka см. šakleja

ševnica см. šveja

škleja см. šakleja

šumajka русск. *шумайка* 'крупная уклейка' (верховья р. Днепр в пределах бывш. Смолен. у. — Домр. 149).

švaja см. šveja

švarba с.-хорв. *švârba*, *švàrba* (RJA), *švarba* (Славония, Ялковац близ Вараждина — Hirtz), *шварба* (PCXKHJ I, стр. 468: под *бѐовица*), *švijerba* (Ялковац близ Вараждина — Hirtz), *швиjерба* (PCXKHJ, стр. 468: под *бѐовица*).

šveja укр. *szwaja* (р. Лукев п. р. Днестр близ Беднарова и Сапогова — Now. 79), *шв'éja* (гуцульск. — Коб. 69), *szweja* (Гуцульщина — Szuch. 30; р. Ломница — Barta 9, Now, 77; р. Днестр. близ Нижнева — Barta 9; р. Прут под Черновцами — Jawor. 41, Now. 85; Залещики; р. Черемош под Кутами — Now. 63, 90); польск. *szwaja*, *szweja* (реки Галиции — Now. 1889, 53), *szweja* (Sek. 23: «м. н.»);

словен. *šęvnica* (Pleteršnik).

švijerba см. švarba

tabačnica русск. *табачница* (бывш. Казан. губ. — Зол; бывш. Нижегород. губ. — Саб. 716; р. Шешма в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ИФКГ 63), *табáшница* (р. Вятка у устья р. Шешма — Лукаш 63).

terzijka болг. *терзийка* (Моров 53, Дрен. 96), *terzíjka* (Wak. 49).

učan-balъ болг. *учан-балъ* (Моров 53).

ukleja польск. *ökl'i* (р. Нотец — Tomasz MMW 115), oklja (SW: «przestarz.»); слвц. *uklia* (Ferianc 50: «редко»); с.-хорв. *uklja* (Hirtz; Плавское оз., р. Лим — EJ II, 412);

укр. *оклíй* (Жел., Гринченко, Ш. и Т. 78), *оклій* (Нік. 53; Подполозье Закарпат. обл. — Majew. II, 31), *уклíй* (Галиция — Ш. и Т. 78); польск. *oklej* (SWil, SW: «gwar.»), *uklej* (Linde, SWil, SW, Jar. 61, Leś. 39, Wał. BW 558, Wyg. 446: «м. н.»; Мальборское Повислье — Zn.-Prüf. 1953, 231; р. Сан п. п. р. Висла; Ярослав — ZR 26, Now. 44; рр. Раба, Дунаец, Вислока; Мышленицы, Закличин, Пильзно — Now. 34, 37, 42), ∾ *biały* (SW), ∾ *najbielszy* (SW, Wał. 53: «и. т.»), ∾ *srebrzysty* (Wał. PFiz. 290) ∾ *zwyczajny* (SW: «и. т.»), *uuklei* (кашуб. — Lor. PW); н.-луж. *huklej* (Мука); чеш. *ouklej* (Jungmann, PSJČ, SSJČ), ∾ *obecná* (SSJČ, Frič 25: «и. т.»), *úklej* (Kott); болг. *óклей* (Геров); ср. польск. *oklej*, *uklej* 'gatunek małej ryby' (р. Нарев. — Karł. SGP, Gloger);

русск. *уклéя* (Нордстет, Даль², ССРЛЯ; р. Волхов, оз. Ильмень, бывш. Шенкур. у. Арханг. губ., бывш. Суздал. у. Владимир. губ. — СРНГ; Ляд., Печор., Псков. р-ны Псков. обл. —

Колесов 66), *уклея́* (Толбица — Кузн. РС; р. Сясь, озёра Укленно, Валдайское, Вселуг, Стерж, Селигер — Герд ДД; Ляд., Печор., Псков. р-ны Псков. обл. — Колесов 66: «чаще, чем укле́я»), *цветна́я уклея́* 'уклея, подходящая к берегу для нереста во время цветения яблони' (Толбица — Кузн. РС), *уклея* (в памятниках письменности фиксируется с XV в. — Герд АДД 20; бывш. Ковен. и Вилен. губ. — Зограф 97: «м. н.»; почти по всей Волге — Кес. 1870, 262; Плещеево оз. — Бор. 132; юж. Россия — Кес. 1860, 243; Ниж. Серги, Нытва, Пермь — Ревн. 217), ∽ *цветовая* 'уклея, нерестящаяся во время цветения ржи', ∽ *трубочная* 'уклея, нерестящаяся в то время, когда рожь идет в трубку', ∽ *колосовая* 'уклея, нерестящаяся в то время, когда рожь колосится' (р. Волхов, оз. Ильмень — Домр. и Правд. 175), *ukleja* (Нов. Ладога — Güld. I, 8); укр. *гуклея* (Закарпат. обл. — Влад. 68, Кол. 28), *клы́я* (Сосница — Врх. ГД 33), *оклёйа* (в. т. р. Случь — АУМ), *оклея* (русин. — Зол.), *okleja* (рр. Быстрицы Надворнянская и Солотвинская, Ворона — Łom. 52), *оклі́я* (Жел.), *оклі́йа* (в. т. р. Припять — АУМ), *оклія́* (Галиция — Ш. и Т. 78), *оклі́я* (Самбор — Majew. II, 31; Гринченко), *u̯oklíja vo-*, *u̯uklíja* (р. Днестр в бывш. Калуш. пов. — Janów 212), *oklíja* (в. т. р. Буг; Сасов, Буск, Козачовка, Козара, Галич, Розвадов, Струссов, Мышковцы, Чарторый, Подгайцы, Богатковцы, Гайворонка; рр. Нестровка, Стрыпа, Золотая Липа, Верешица, Сивка, Кропивник, Болоховка, Ломница, Чечва — Now. 51, 60, 63, 64, 65, 66, 68, 76, 77, 78), *uklíja* (в. т. р. Буг, Вел. Мосты на р. Рата, р. Днестр; Галич, р. Серет; Микулинцы, р. Гнилая Липа; Рогатин — Now. 51, 55, 60, 63, 66; р. Лукавица п. р. Днестр — Barta 7, Now. 79; р. Днестр; Дубовцы — Barta RD 60; р. Серет — Majew. II, 31); блр. *вукляя́* (Витеб. обл. — Касп.), *клúја* (Олтуш — Крив. 173), *оклúја* (Власовцы — Крив. 173), *оклея* (Жуков РБ 243; «м. н.»), *уклея* (р. Зап. Двина — Сап. 223; бывш. Витеб. губ. — Никиф. 493; бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 463), *уклúја* (Олтуш, Луково — Крив. 173), *uklejá* (р. Неман; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6; Княж-озеро на Витебщине — Mosz. PW 19); польск. *kleja* (р. Пилица — Mis. 21), *okleja* (Вежбины Пишск. пов., Стар. Кренги Вышков. пов. — М.-К. 18; правые притоки р. Висла Скава и Сан; Перемышль, в. т. р. Буг; Буск, р. Днестр; Чайковичи, Гордыня, Самбор, Галич — Now. 30, 40, 51, 60; р. Сан; Ярослав; р. Стырь; Лопатин — ZR 26, 27; р. Прут — Majew. II, 31), *okléja* (р. Неман; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6), *ukleja* (Rostaf. 398, SW, SDor, Klucze 117: «и. т.»; Ольштын. пов. — М.-К. 18; Поморье — Demel 44; Вармия и Мазуры — Zn.-Prüf. 1953, 231; р. Длубня л. п. р. Висла; правые притоки р. Висла Скава, Скавинка, Раба, Вислока; р. Вислок л. п. р. Сан; Бжосток, Жешов — Now. 24, 30, 32, 34, 42, 45; р. Днестр; Езополь — Barta 1877, 448),

∾ *biała* (Краков; р. Висла от Освенцима до Неполомиц и ее притоки Рудава, Сола, Скава, Вильга, Дунаец; Марцинковичи, Тарнов — Now. 22, 25, 27, 30, 33, 37), *'ukleı̯a* (Лопенна в сев. Великопольше — Tomasz.), *uuklḗı̯a* (кашуб. — Lor. PW); словин. *vн̆klı̀e̯jă* (вост.-словин. — Lor. SW); в.-луж. *wuklija* (Мука I, стр. 434: под *hukleja*); н.-луж. *hukleja* (Мука); слвц. *ukleja* (Kálal); с.-хорв. *klea* (Мартинска Вес — Hirtz), *клеа* (РСХКНJ I, стр. 468: под *бѐовица*), *kleha* (Тополовац рр. Сава, Лоня — Hirtz), *клеха* (РСХКНJ I, стр. 468: под *бѐовица*), *kleja* (рр. Купа, Одра; Сисак, Писаровина, Петриня, Крапе, Гарешница — Hirtz), *klija* (Карловац на р. Купа, Лепоглава на р. Бедня — Hirtz), *oklija* (Сербия — Hirtz), *ukleja* (Калник в Хорватии — Hirtz), *ȕklija* (RJA), *uklija* (Полица в Далмации, Кобаш, Живике — Hirtz; Црна Гора — Lambl 192: «Alburnus scoranza Heck.»), *клеја*, *клија*, *уклија* (РСХКНJ I, стр. 468: под *бѐовица*); словен. *kleja* (Ferianc 50); ср. русск. *уклéя* ‘небольшая рыбка с удлиненным телом’ (р. Мста — СРНГ); словен. *klẹ́ja* ‘neka riba v Krki’ (р. Крка; Костаневица — Pleteršnik); болг. *уклийа* ‘вид малка бяла риба’ (Видинско — Млад. ГВ 290);

словен. *klejca* (Ferianc 50);

с.-хорв. *klejčica* (р. Купа; Сисак — Hirtz), *клејчица* (РСХКНJ I, стр. 468: под *бѐовица*);

укр. *клі́ик* (Рудники — Врх. НЗн. 26); ср. польск. *oklejek*, *uklejek* ‘gatunek małej ryby’ (р. Нарев — Karł. SGP, Gloger);

с.-хорв. *klejica* (Дубица — Hirtz), *клејица* (РСХКНJ I, стр. 468: под *бѐовица*);

русск. *уклéина* (н. т. р. Волхов, озёра Уклеино, Валдайское, Стерж, Селигер — Герд ДД);

русск. *куклейка* (р. Сура, Мокша, Хопер в пределах бывш. Пенз. губ. — Магн. 19), *нуклейка* (Васильсурск — Варп. РНГ 79), *суклéйка* (бывш. Хопер. округ — Миртов), *уклéйка* (Поликарпов, ССРЛЯ; бывш. Холмогор. у. Арханг. губ. — Подвысоцкий; р. Волхов, оз. Ильмень, бывш. Владимир. и Покров. уу. Владимир. губ. — СРНГ; Кашин, Ченцы — Смирнов; псков., смол., н. т. р. Волхов, р. Сясь, озера Уклеино, Валдайское, Стерж, Селигер, р. Сосна, Н. Любовша, Кривец — Герд ДД; Каргальская, Терновская, Казанская, Мигулинская, Еланская, Боковская — Миртов), *уклейка* (Даль²; бывш. С.-Петербург. губ. — Кес. 1868, 49; Остров, Троицкое Псков. обл. — Храмцова 1968, 360; бывш. Ново-Алекс. у. Ковен. губ.; бывш. Диснен. у. Вилен. губ. — Зограф 68; верховья р. Днепр в бывш. Смолен. у. — Домр. 149; Москов. губ. — Аксак. 169, Мочар. 112; р. Свияга и ее басс. — Варп. ИФКГ 46; зап. склоны Сред. Урала — Саб. РСУ 67; Ниж. Серги, Нытва, Пермь — Ревн. 217; юж. Россия — Кес. 1860, 243); укр. *вуклі́йка* (ср. т. р. Стрыпа л. п. р. Днестр — АУМ), *оклі́йка* (Ш. и Т. 78; Вильгивок — Врх. НЗн. 26), *uklejka*

(р. Любачовка; Радава — ZR 26, Now. 47); блр. *оклейка* (Жуков РБ 243: «м. н.»), *уклейка* (р. Зап. Двина — Сап. 223; бывш. Могилев. губ. — Дёмб. I, 463; Слуцк — Салян. 20), *uklė́jka* (р. Неман; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6); польск. *oklejka* (SWil; Тарговиско Любав. пов., Вабеч Хелм. пов. — М.-К. 18; р. Пилица от Конецполя до Мнишова — Mis. 21; оз. Арнёнис Литов. ССР — собств. наблюд.; р. Сан; Высоцк, Ветлин — ZR 26, Now. 44), *uklejka* (SWil, SW: «zdrob.»; мазур. — Majew. II, 31, Benecke 127; Мазуры, Оструд., Решельск. пов. — М.-К. 18; Вармия и Мазуры — Zn.-Prüf. 1953, 231; р. Неман; Друскининкай — Zn.-Prüf. RD 6; оз. Тракай — Zn.-Prüf. RT 6; оз. Арнёнис Литов.ССР — собств. наблюд.), *'ukleįka* (Лопенна в сев. Великопольше — Tomasz.: «zdrob. od 'ukleįa»); кашуб. *uklejki* мн. ч. (Вдзыдское Приозерье — Sychta IV, стр. 144: под *poslåd*; Gulg. 74), *u̯ukleįka* (Lor. SW: «dem. zu u̯ukleįa); чеш. *ouklejka* (Jungmann: «dem.»), *okłajka*, *úkłajka* (Подлужье — Bart. DSM); болг. *уклейка* (РБР);

с.-хорв. *ȕkl̦eva* 'Alburnus scoranza Heck.' (оз. Шкодер, Черногория — RJA), *ukljeva* то же (Hirtz; Черногория — Lambl 192: «вместо *skoranca*», оз. Шкодер — Franetović 405), *уклева* то же (Цеклин в Черногории — Ровинский 176, 556), *укљѐва* то же (оз. Шкодер — Јовић. 191), *укљева* то же (оз. Шкодер, Риечка нахия — Кар. ЦГ 67), *ukliva*, *ukljiva* то же (Дрниш в Далмации — Lambl 192), *ukliva* 'A. albidus alborella' (RJA), *ukljeva* 'A. alburnus L.' (Плавское оз., р. Лим — EJ II, 412), *сјана укљева* то же (РСХКНЈ I, стр. 468: под *бȅовица*);

в.-луж. *wuklica* (Pfuhl, Jakubaš).

Ср. лит. *aũkšlė* (DLKŽ), венг. *ökle* (Machek), рум. *oclee*, *uclei* (Добруджа, Олтения — Antipa 161) нем. *Uckelei* (Machek), нем. диал. *Iklei*, *Ikelei*, *Okel*, *Ockelei*, *Üklei* (Leder 72).

ukl'a см. ukleja

ukleina см. ukleja

uklaječka см. ukleja

uklejka см. ukleja

ukle(i)va см. ukleja

vandyš русск. *вáндыш* (перм. — Клыков), *вандыш* (р. Кама — Зол., Аксак. 169, Кес. 1864, 105, Саб. 716), *wandisch* (р. Кама — Pall. ZRA 321); ср. русск. *вáндыш* 'малек' (Даль[2], Усть-Цилем. р-н Арханг. обл. — СРНГ: «люба рыба, только мелка»).

varavac с.-хорв. *varavac* (Hirtz: «Wörtlich Betrüger»), *вȁравац* (РСХКНЈ).

vaškol русск. *вáшкол* (Белозер. р-н Волог. обл. — СРНГ), *вашкол* (Белоозеро — Берг 746, ПР 401);

русск. *вашколок* (Грац. 140).

vaškolok см. vaškol

verbinačka слвц. *verbinačka* (Ториса — Ferianc 50: «название основано на привычке уклеек прятаться под корнями вербы»).

vъrxarka болг. *върхарка* (Коев и др. 54);

русск. *верхо́вка* (Даль[2] IV, стр. 187: под *синтепа́*; Калинин, Серпухов — Зол., Саб. 716; Грац. 140: неправильно); блр. *верховка* (Жуков РБ 243: «м. н.»); польск. *wierzchówka* (Wał. 54, Wał. BW 558, Ślaski, Wyg. 446: «м. н.»); ср. русск. *верха́вка* 'маленькая рыбка, малек' (Микулино-Городище Лотошин. р-на Москов. обл. — Иванова), *верхо́вка* 'мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды' (бывш. Черепов. у. Новг. губ., Весьегон. р-н Калинин. обл. — СРНГ), *верхо́вковка* то же (Весьегон. р-н Калинин. обл. — СРНГ), *верху́шка* то же (Пошехон. р-н Ярослав. обл. — СРНГ; Бакшеиха, Маклаково, Некрасово Талдом. р-на Москов. обл. — Иванова);

укр. *верша́нка* (Народичи Овручского р-на Житомир. обл. — Лысенко СЖ).

verxogl'adka русск. *верхоглядка* (Кес. 1877, 266); ср. русск. *верхогля́д* 'рыба из сем. карповых' (р. Анюй п. п. р. Амур — ССРЛЯ).

verxoloda укр. *верхоло́да* (Вел. Мосты на р. Рата — Врх. НЗн. 26, Врх. ГБ; Ш. и Т. 78), *верхолу́да* (Вел. Мосты на р. Рата — Врх. ГБ);

польск. *wierzchołódka* (Ślaski); ср. польск. *wierzchołódka* 'ogólna nazwa ryb, które częściej się trzymają przy powierzchni wód niżeli w ich głębi' (SWil);

укр. *верхолу́диця* (Жел.) *werchołudycia* (Самбор — Majew. II, 31).

verxoluda см. verxoloda

verxoludica см. verxoloda

verxol'otka блр. *верхол'отка* (Зерновичи, Лопатин, Ольманы — Крив. 166); ср. русск. *верхолётка* 'мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды' (Боров., Мещов. р-ны Калуж. обл. — СРНГ).

verxoplavka русск. *верхопла́вка* (Даль[2]); *верхоплавка* (Калинин, Серпухов, бывш. Казан. губ. — Зол., Саб. 716; р. Мал. Кокшага в пределах бывш. Царевококшайск. у. — Варп. ИФМК 14; почти во всей юж. России — Кес. 1860, 236); укр. *werchopławka* (Зап. Украина — Majew. II, 31); ср. русск. *верхопла́вка* 'мелкая рыба' (Костром., Ярослав., Владимир., Москов., Горьков. обл. — СРНГ; яросл. — Мельниченко; Грибово Можайск. р-на, Моргусово Загорск. р-на Москов. обл. — Иванова).

verxovka см. vъrxarka

verxovod укр. *верхово́д* (Гринченко, УРС: «обл.», СУМ, Ш. и Т. 78; ср. т. р. Горынь — АУМ), *верховод* (Конча-Заспа — Белінг 1928, 93), *werchowod* (Зап. Украина — Majew. II, 31); ср. блр. *верхово́д* 'мелкая рыбка, которая держится в верхнем слое воды' (Рубель — Крыв. 201);

укр. *верхово́да* (Жел., Гринченко), *werchowoda* (Зап. Украина — Majew. II, 31); ср. укр. *верхово́ди* мн ч. 'название рыбы' (р. т. р. Случь — АУМ);

русск. *верхово́дка* (Даль[2]), *верховодка* (Калинин, Серпухов — Кес. 1870, 262, Саб. 716; р. Сож — Воронцов 1928, 26; р. Ока и ее притоки близ Орла — Тарачк. 10; н. т. р. Волга — Клыков: «устар.»; почти во всей юж. России — Кес. 1860, 236), *werchowodka* (Серпухов — Pall. ZRA 321); укр. *верхові́дка* (СУМ: «редко»), *верхово́дка* (Гринченко, УРС, СУМ, Ш. и Т. 78; Листвин, Станишевка, Полесское на сев. Житомир. обл. — Никончук КД; ниж. Поднестровье — Дзенд. КД), *верховодка* (н. т. р. Припять — Ляш. 57; басс. р. Днепр — Емел. 29; р. Днепр от Киева до Переяслав-Хмельницкого — Белінг 1935, 14; рр. Днепр, Юж. Буг, Днепровско-Буг. лиман — Амброз 128), ∾ *річкова* (Трет. 39: «и. т.»), *вирхуво́дка* (Ковель Волын. обл. — АУМ), *werchowidka* (Галиция — Now. 1889, 53, Majew. II, 31; р. Стырь Львов. обл. — Małacz. 61, Now. 57), *werchowitka* (Dzied. 83); блр. *верхаво́дка* (БРС), *верхово́дка* (Лопатин, Рубель, Хоромск, Голубовичи, Злодин — Крив. 166), *вирхавотка* (Илья бывш. Вилейск. у. — Карский МБГ V, 48), *wierchowŭdka* (Дерешовичи, Дзяковичи на р. Мозырь — Mosz. PW 19); польск. *wierzchowódka* (Wał. 54, Wał. BW 558: «м. н.»); ср. русск. *верхово́дка* 'название мелкой рыбы, обыкновенно плавающей в верхних слоях воды' (смол. — Добр.; Арханг., Смол., Калуж. обл. — СРНГ); блр. *верхаво́дка* 'мелкая рыба' (Кричев. р-н Могилев. обл. — Бялькевіч), *вірхаво́тка* то же (Докшиц. р-н Витеб. обл. — МС 88); польск. *w'ešxowŭtka* то же (оз. Арнёнис Литов. ССР — собств. наблюд.);

укр. *верхово́диця* (Жел., Гринченко, Ш. и Т. 78; Закарпат. обл. — Влад. 68, Кол. 28, М. и К. 115), *werchowodycia* (Галиция — Now. 1889, 53; рр. Быстрицы Надворнянская и Солотвинская, Ворона — Łom. 52; р. Ломница — Barta 9, Now. 77; р. Днестр; Галич, Солотвин, Волчинец, Микитинцы, Чернеев — Now. 60, 80, 81, 82; Стрый — Majew. II, 31); ср. русск. *верхово́дица* 'мелкая рыба, плавающая в верхних слоях воды' (Беломор. р-н Карел. АССР — СРНГ).

verxovoda см. verxovod

verxovodica см. verxovod

verxovodka см. verxovod

veršanka см. vъrxarka

vitotrunac с.-хорв. *vitotrunac* (Hirtz), *вито̀трунци* мн. ч. (РСХКНJ).

vodynica польск. *wodynica* (реки Галиции — Now. 1889, 53; притоки р. Сан Шкло и Вишня — ZR 26, Now. 48).

votlija укр. *вотлі́я* (Струтин — Врх. НЗн. 26).

vuklica см. ukleja

vuklija см. ukleja

vuklijka см. ukleja

zeka с.-хорв. *zeka* (р. Уна; Костайница, Дивуша, Приедор — Hirtz); *зе́ка* (РСХКНJ: «покр.»);

с.-хорв. *zekica* (Двор на р. Уна, Дивуша — Hirtz), *зѐкица* (РСХКНJ: «покр.»).
zekica см. zeka
zelenec словен. *zelenec* (Ferianc 50);
словен. *zelenika* (Ferianc 50, Dyk 249);
с.-хорв. *zelenka* (Сток в Герцеговине — Hirtz); словен. *zelenka* (Ferianc 50); ср. словен. *zelę̂nka* 'neka ribica' (р. Сава; Зидани Мост — Pleteršnik);
с.-хорв. *zelenuša* (р. Уна близ Бихача — Hirtz), *зелѐнуша* (РСХКНJ: «озго je jако зелена, а озго свиjетла као сребро»).
Ср. укр. *зилúн'áўка* 'название рыбы' (р. Боржава л. п. р. Тиса — АУМ),
zelenika см. zelenec
zelenka см. zelenec
zelenuša см. zelenec
zlatka с.-хорв. *zlatka mala* (Hirtz);
с.-хорв. *zlatva* (Hirtz).
zlatva см. zlatka
žydok блр. *żydók* (Дерешовичи, Дзяковичи на р. Мозырь — Mosz. PW 19).
žyvec русск. *живец* (р. Днепр — Зол., Вен. 86); укр. *живéць* (Жел.), *живець* (Зап. Украина — Majew. II, 31).

Быстрянка Alburnoides bipunctatus L.

beavica с.-хорв. *бȅавица* (Валево — РСХКНJ), *бȅовица* (РСХКНJ);
слвц. *belaš* (Слатина — Ferianc 51);
слвц. *bielica* (р. Орава; Превидза — Ferianc 51); с.-хорв. *bjelica* (Hirtz 280: под *paroklis*);
слвц. *belička* (Ferianc 51);
с.-хорв. *bȉjelka*, *bijeļka* (Сербия — RJA), *бѐлка*, *бйјелка*, *бје̑лка* (Заечар — РСХКНJ), *belka* (Луково под Ртанем — Hirtz); словен. *belka* (Ferianc 52).
belaš см. beavica
belica см. beavica
belička см. beavica
belka см. beavica
beovica см. beavica
blanka слвц. *blanka* (Стропков, Снина — Ferianc 51: «ит. *blanca*-*biela*»).
bleskavec болг. *блескавец* (Моров 54, Дрен. 97);
слвц. *blyska* (в. т. р. Нитра — Ferianc 51: «pri povrchu často zasvietia sa obrazom slnečných lúčov — zablysknú sa»).
blyska см. bleskavec
bystraš укр. *бистраш* (Закарпат. обл. — Кол. 28, М. и К. 117), *быстраш* (Закарпат. обл. — Влад. 69);
блр. *быстряк* (бывш. Могилев. губ. — Демб. I, 463);
русск. *быстрянка* (юж. — Даль², СРНГ), *быстрянка* (вер-

ховья р. Днепр — Домр. 149; р. Волга в пределах бывш. Казан. губ. — Варп. ОРБВ 80: «м. н.»; басс. р. Волга выше Саратова — Берг 1906, 24; реки Урала — Цех. 130); укр. *бистрянка* (Жел., Гринченко, СУМ; Полтавщина — Ш. и Т. 78), *бистрянка звичайна* (М. и К. 117: «и. т.»), ∽ *звичайна російська* (Трет. 40: «A. bipunctatus rossicus Berg, и. т.»), *быстрянка* (бывш. Полтав. губ. — Кес. 1860, 236), *bystrzanka* (русин. — Plater 1852, 141); блр. *быстранка* (Жуков РБ 248), *быстрянка* (Витебщина — Никиф. 493), *быстрянка* (бывш. Могилев. губ. — Демб. II, 554; р. Зап. Двина — Сап. 224), *bystrzanka* (р. Зап. Двина — Plater 1861, 41); польск. *bystrzanka* (SW, Wał. BW 536: «название, встречающееся в разных концах страны, расположенных далеко друг от друга»; Wał. BW 557: «названа так потому, что любит быструю воду»; Klucze 119, Staff 284); слвц. *bystranka* (Превидза — Ferianc 51: «вероятно, из русского языка»);

русск. *быстряночка* (Кес. 1877, 268); укр. *бистряночка* (Ш. и Т. 78), *быстряночка* (бывш. Полтав. губ. — Кес. 1860, 236).

bystr'anka см. bystraš

bystr'anočka см. bystraš

cigir укр. *цигúр* (р. Припять — Ш. и Т. 78); блр. *цыгирь* (рр. Уча, Припять — Саб. 726, Вен. 89), *цыгир* (р. Припять — Кес. 1877, 268).

čebak русск. *чебак* (р. Лоза около Иты — Дрягин РБВ 125), ∽ *двуточечный* (Plater 1861, 41: «и. т.»).

černovočka слвц. *černovočka* (р. Черный Ваг — Ferianc 51).

čorek чеш. *čorek* (VRČS, Frič 26, Dyk 252: «название теперь уже забытое совсем»), ∽ *pruhovaný* (Hrabě i Oliva 16: «предлагаем старое народное название в качестве нового и. т.»); слвц. *čorek* (NR 31, Dyk 1946, 239).

deverika с.-хорв. *девѐрика* (РСХКНЈ).

fendryk укр. *фендрык* (Закарпат. обл. — Влад. 69).

gajovka польск. *gajówka* (реки Галиции — Now. 1889, 53).

gomnuška макед. *гомнушка* 'A. bipunctatus ochridanus' (оз. Охрид — РМЈ).

govedarka болг. *говедарка* (Моров 54, Дрен. 97), *govȅdarka* (Wak. 49), *камчийска говедарка* 'южная быстрянка A. bipunctatus fasciatus Nord.' (р. Камчия — Дрен. 99), *струмска* ∽ 'A. bipunctatus strymonicus Chichkov' (р. Струма — Дрен. 100).

jošanka с.-хорв. *jošanka* (р. Морава; Чачак — Hirtz).

kl'onka польск. *klonka* (левые притоки р. Висла Длубня и Прондник — Now. 24).

kolašica с.-хорв. *kolašica* (Огулинско-слуньская краина, р. Лашва, оз. Шкодер — Hirtz 170: «što ide u velikom kolu — jatu»).

kormajzel слвц. *kormajzel* (Тренчин — Ferianc 51: «из нем. яз.»).

krasnoperka русск. *красноперка* (Грац. 142).

krojač с.-хорв. *krojač* (Hirtz: «Wörtlich Schneider; isp. njem. Schneider, Schneiderfisch, Schuster»).

kšakovka польск. *krzakówka* (реки Галиции — Now. 1889, 53).
leska укр. *leska* (р. Прут; Черновцы — Now. 84).
merešnička слвц. *merešnička* (Ferianc 51).
nivička макед. *нивичка* 'A. bipunctatus f. prespensis Kar.' (оз. Преспа — Апостол. и др. 50).
oklajka см. uklej
ošvejka см. šveja
ouklejka см. uklej
papučar с.-хорв. *papučar* (Герцеговина — Hirtz: «Wörtlich Pantoffelmacher»).
paroklis с.-хорв. *paroklis* (Hirtz).
pekel'nica польск. *piekielnica* (SW: «gwar.»; р. Висла от Освенцима до Неполомице — Now. 22; Kalendarz 181, Klucze 119: «и. т.»).
pestruška русск. *пеструшка* (бывш. Казан. губ. — Зол., Саб. 726; р. Шешма п. р. Кама — Варп. ИФКГ 35, 63).
pindravka укр. *пиндравка* (Закарпат. обл. — Влад. 69).
pisanac с.-хорв. *pisanac*, *pisanec* (Hirtz: «Wörtlich der Gekennzeichnete; названа так потому, что боковая линия этой рыбки напоминает шов, сделанный иглой»);

словен. *pisanka* (Dyk 252); ср. словен. *písanka* 'neka riba' (Škerlj; р. Крка; Костаневица — Pleteršnik);

укр. *пи́сар* (Жел., Ш. и Т. 78: «обыкновенная и южная быстрянка»), *писарь* (Могилев, Ямполь на р. Днестр — Зол., Кес. 1860, 241, Саб. 726, р. Днестр — Берг 757: «русская быстрянка A. bipunctatus rossicus Berg»);

русск. *писарка* 'южная быстрянка A. bipunctatus fasciatus Nord.' (р. Кума — Зол.); укр. *пи́сарка* (Жел., Ш. и Т. 78: «обыкновенная и южная быстрянка»), *писарка* (Могилев, Ямполь на р. Днестр — Зол., Кес. 1860, 241; р. Днестр — Берг 757, М. и К. 117: «русская быстрянка A. bipunctatus rossicus Berg»);

слвц. *pišorka* (Гуменни — Ferianc 51: «из-за темных параллельных точек вдоль боковой линии»).
pisanka см. pisanac
pisar см. pisanac
pisarka см. pisanac
pis'orka см. pisanac
plaskačka польск. *płaskaczka* (реки Галиции — Now. 1889, 53);

польск. *płaskurka* (реки Галиции — Now. 1889, 53).
plaskurka см. plaskačka
plašica макед. *мала плашица* 'A. bipunctatus ochridanus Kar.' (оз. Охрид — Апостол, и др. 50).
plata польск. *płata* (реки Галиции — Now. 1889, 53);

с.-хорв. *platica* (Ужице, Приеполе на р. Лим, Брод на р. Купа — Hirtz);

с.-хорв. *platičica* (Рашка, Нови-Пазар, р. Ибар — Hirtz);
с.-хорв. *platika* (Заечар — Hirtz).
platica см. plata

platičica см. plata
platika см. plata
pliska с.-хорв. *pliska* (Сараево — Hirtz).
pločan с.-хорв. *pločan* (Вучанска Река, Вране — Hirtz);
польск. *płocionka* (р. Быстрица Надворянская — Wierzb. 1881, 36, Majew. II, 30).
pločonka см. pločan
ploska слвц. *ploska* (Превидза — Ferianc 51: «название объясняется плоским телом рыбки»), ~ *pásavá* (Šimek 1954, 93, Dyk 252: «и. т.»); русск. *плёска* (Червленая на р. Терек — Кузн. ТРП 188: «южная быстрянка A. bipunctatus fasciatus Nord.; по объяснению казаков, от слова *плоский*»); с.-хорв. *pljoska* (Сврлишки Тимок, Княжевац — Hirtz: «Soviel als Plattfisch»);
слвц. *ploskanka* (Пудмерице — Ferianc 51);
с.-хорв. *pljoskavac* (Елашница, Вране — Hirtz);
с.-хорв. *ploskuša* (р. Дрина — Hirtz);
с.-хорв. *plosnać* (Градац, Валево — Hirtz);
с.-хорв. *plosnutak* (Градац, Валево — Hirtz);
русск. *плёсочка* (Червленая на р. Терек — Кузн. ТРП1 88: «южная быстрянка A. bipunctatus fasciatus Nord.; по объяснению казаков, от слова *плоский*»);
укр. *плысканя* (Закарпат. обл. — Влад. 69).
ploskanka см. ploska
ploskuša см. ploska
plosnać см. ploska
plosnutak см. ploska
plotica укр. *плотыця* (Закарпат. обл. — Влад. 69), *płotycia* (р. Быстрица Надворнянская — Wierzb. 1881, 36; р. Прут; Делятин — Wierzb. 1880, 334; р. Прут; Черновцы, Коломыя — Now. 84, 86); слвц. *plotica* (р. Турец, Орава — Ferianc 51); макед. *plotica* (оз. Преспа — Hirtz);
польск. *płotka czarna* (реки Галиции — Now. 1889, 29), *płytka* (Сендзишов — Now. 43);
русск. *плотва* 'кубанская быстрянка A. bipunctatus rossicus natio kubanicus Berg' (р. Кубань — Берг 758: «неправильно»).
plotka см. plotica
plotva см. plotica
plovak с.-хорв. *plovak* (Радальска Река, Мали Зворник, Подринье — Hirtz);
с.-хорв. *plôvka* (Ужице — RJA), *plovka* (Ужице, Градац, Валево — Hirtz).
plovka см. plovak
plyskan'a см. ploska
plytka см. plotica
pl'oska см. ploska
pl'oskavac см. ploska
pl'osočka см. ploska

pl'oštica с.-хорв. *pljoštica* (Гавраница, Вране — Hirtz).
pl'uskavac с.-хорв. *pljuskavac* (Врла Река, Вране — Hirtz).
poplatar с.-хорв. *poplatar*, *potplatar* (р. Чабранка л. п. р. Купа, Плешац, Горски Котар — Hirtz); ср. с.-хорв. *potplatar* 'neka riba' (Чабар в Хорватии — RJA).
potplatar см. poplatar
prutaja с.-хорв. *prutaja* (Заечар, Кривовирски Тимок — Hirtz).
pstšęga польск. *pstrzęga* (SWil, Jar. 65: «употребляется чаще других названий», Leś. 48).
salakuška русск. *салакушка* (Псков.-Чуд. оз. — РЧП 14).
sara укр. *са́ра* 'южная быстрянка A. bipunctatus fasciatus Nord.' (р. Синюха л. п. р. Юж. Буг — Ш. и Т. 78).
sekerka польск. *siekierka* (р. Дунаец, Новы-Тарг — Now. 36).
sil'avka русск. *силявка* (Грац. 142), *сялявка* (А. Ник. 698).
sinčik укр. *си́нчик* (р. Буг — Ш. и Т. 78), *синчик* (р. Буг — Берг 757; М. и К. 117: «русская быстрянка A. bipunctatus rossicus Berg»);
блр. *синявка* (Жуков РБ 248: «м. н.»).
sin'avka см. sinčik
smužka укр. *смужка* 'русская быстрянка A. bipunctatus rossicus Berg' (р. Юж. Буг — Берг 757: «от укр. *смуга* 'полоса'», М. и К. 117).
soroga русск. *стрежевая сорога*, *стреговая* ∽ (р. Чепца — Дрягин РБВ 125);
русск. *стрежевая сорожка*, *стреговая* ∽ (рр. Кама, Чусовая — Ревн. 217).
sorožka см. soroga
suxorebrica укр. *сухоре́бриця* (р. Днестр — Ш. и Т. 78), *сухоребриця* (Жванка на р. Днестр — Majew. II, 30; Закарпат. обл. — Влад. 69, М. и К. 117), *сухоребрица* (р. Днестр — Зол., Кес. 1860, 243), *suchorebryca* (р. Днестр — Wał. BW 557), *suchorebrycia* (рр. Серет, Ломница, Прут, Днестр; Тернополь, Галич, Коломыя — Now. 63, 77, 78).
suxov'atka польск. *suchowiatka* (Wał. BW 557: «название, употребляемое варшавскими рыбаками»).
surov'atka польск. *surowiatka* (Majew. II, 30; Варшава — Wał. BW 536, 557: «виды рыб, которые не имеют хозяйственного значения для человека, не имеют единого общепринятого названия»).
ščekleja русск. *серая щеклея* (р. Летка — Дрягин РЛ 5, Дрягин РБВ 125; рр. Кама, Чусовая — Ревн. 217).
šl'un с.-хорв. *šljun* (оз. Охрид — Hirtz 170: под *kolašica*).
šnajdar с.-хорв. *šnajdar* (Вуковар — Hirtz: «Wörtlich Schneider»), *šnajder* (Вуковар, Шаренград на р. Дунай, Раево Село на р. Сава — Hirtz); ср. нем. *Schneiderfisch*, *Schneider*.
šoštar с.-хорв. *šoštar* (Карловац — Hirtz: «Wörtlich Schuster»), *šuster* (Бабска-Новак — Hirtz).
šuster см. šoštar

švaja см. šveja
švajka см. šveja
šveja укр. *szwaja* (р. Лукев п. р. Днестр — Barta 7; р. Прут — Majew. II, 30), *швійá* (в. т. р. Серет — АУМ), *szwieja* (Матвеевцы, Коломыя — Majew. II, 30; в. т. р. Днестр; рр. Серет Сивка, Кропивник, Болоховка, Чечва, Быстрицы Надворнянская и Солотвинская, Прут; Галич, Нижнев, Розвадов, Калуш, Небывалово, Ровня Топольска, Пасечна, Волчинец, Солотвин, Надворна — Now. 60, 63, 76, 78, 80, 81, 82, 85; р. Прут; Черновцы — Jawor. 41; р. Прут; Делятин — Wierzb. 1880, 334; Солотвин, Станислав, Галич — Łom. 53); *szwija* (Majew. II, 30), *szwyja* (Коломыя, р. Прут — Now. 86); польск. *szweja* (SW, Sek. 23: «и. т.», Klucze 119, Staff 177, Wał. BW 557: «названа так потому, что вдоль боковой линии идут стежки, напоминающие машинную строчку»);

укр. *oszwiejka* (русин. — Plater 1852, 141), *швáйка* (Ш. и Т. 78; бойков. — Онишк.; Белявинцы Молдав. ССР — АУМ), *szwajka* (бывш. Стрыйск. округ. — Majew. II, 30); блр. *ушвейка* (р. Зап. Двина — Жуков РБ 248), *ушвійка* (Зол., Кес. 1877, 268, Саб. 726), *uszwiejka* (р. Зап. Двина — Plater 1861, 41); польск. *szwajka* (р. Прут — Majew. II, 30), *uszwiejka* (Majew. II, 30: «lud.»), *szwejka* (SW, р. Сан; Перемышль — Now. 44); с.-хорв. *švȇlka* (Самобор в Хорватии — Lang 48);

с.-хорв. *švȇlica* (Самобор в Хорватии — Lang 48).

švejka см. šveja
švelica см. šveja
švelka см. šveja
švydivka укр. *швидíвка* (р. Тетерев — Ш. и Т. 78).
terzić с.-хорв. *terzić* (Елашница, Вране — Hirtz: «Wörtlich Schneider; bočna pruga sa svake strane kao crnim šavom igle zarubljena»).
tintar с.-хорв. *tintar* (Опатовац — Hirtz).
tl'apica слвц. *tl'apica* (Брезно — Ferianc 52);

слвц. *tl'apka* (р. Орава — Ferianc 52).

tl'apka см. tl'apica
trijnek укр. *trijnek* (р. Прут; Черновцы — Now. 84).
uklej польск. *uklej stebnowany*, ∾ *czarny* (SW: и. т.»); чеш. *ouklej pruhovaná* (PSJČ, Frič 26, Dyk 1946, 239: «и. т.»), ∾ *se štráfkem* (Голешовице — Frič 27);

укр. *okleja* (в. т. р. Днестр, Чайковичи, Гордыня, Самбор, р. Збруч л. п. р. Днестр — Now. 60, 62), *oklija* (Тернополь — Now. 64), *ukleja* (р. Днестр; Езополь — Barta 1877, 448; в. т. р. Стрый; Синевидское — Now. 73); польск. *ukleja bełkowa* (Галиция — Now. 1889, 53), *ukleja czarna* (р. Висла; Краков, р. Рудава л. п. р. Висла, горный ручей Вильга, впадающий в Вислу под Краковом — Now. 22, 25, 33); чеш. *oukleje* (Ческе-Будеёвице — Heckel u. Kner 135);

чеш. *ouklejka* (PSJČ: «zdrob. k ouklej»), ∽ *pruhovaná* (SSJČ, Šimek 1959, 94, Dyk 252: «и. т.»); слвц. *oklajka* (Dyk 1946, 239, NR 184);

с.-хорв. *ukljevica* 'A. bipunctatus ochridanus' (оз. Шкодер — EJ II, 411).

ukleja см. uklej

uklevica см. uklej

vardarka макед. *вардарка* (р. Вардар — PMJ; Апостол. и др. 50).

verxovka польск. *wierzchówka* (Jar. 65, Leś. 49, SWil: «lud.», Majew. II, 30).

verxovodka русск. *широкая верховодка* (Кес. 1877, 268, Саб. 726); укр. *широ́ка верхово́дка* 'обыкновенная и южная быстрянка' (Ш. и Т. 78); блр. *верховодка* (Демб. I, 463); польск. *wierzchołódka* (SWil: «lud.», Majew. II, 845), *wiérzchowódka* (Jar. 65, Leś. 49).

visl'anka польск. *wiślanka* (Sek. 23, Chiciak 21).

vzdręg польск. *wzdręg*, *wzdręk* (SWil, Majew. II, 845);

польск. *wzdręka* (SWil, Jar. 65, Majew. II, 845), *wzdrętka* (Majew. II, 845: «впервые у Жончинского в 1723 г.».

vzdręka см. vzdręg

židovka слвц. *židovka* (Зволен — Ferianc 52).

Шемая Chalcalburnus chalcoides Güld.

belica слвц. *belica vel'ká hornodunajská* 'баварская шемая Ch. chalcoides mento Agas.' (Ferianc 49: «и. т.»).

brijanka болг. *брянка* (РБР), *мандренска* ∼ 'Ch. chalcoides mandrensis Drensky' (Мандренское оз. близ Бургаса — Дрен. 93, 94), *резовска* ∼ 'Ch. chalcoides chichkovi Drensky' (рр. Резовска, Велека на юго-востоке Болгарии — Дрен. 93, 94).

bucov с.-хорв. *бу́цов* 'баварская шемая' (PCXKHJ).

bujundruk болг. *буюндру́к* 'дунайская шемая Ch. chalcoides danubicus Antipa' (Тутракан — Вакар. 52).

čiškov с.-хорв. *čiškov* 'баварская шемая' (р. Дунай близ Текии, Дони Джердап — Hirtz), *цишков* то же (PCXKHJ II, стр. 328: под *бу́цов*).

delibalък болг. *турски делибалък* (Геров 5, стр. 276: под *стрѣле́ц*).

grenkela словен. *grenkela* (Ferianc 49).

kleać с.-хорв. *клеаћ* (PCXKHJ II, 328: под *бу́цов*).

letkač болг. *леткáч* (Геров), *леткач* (Христ. 426).

oblec русск. *облец* (низовья р. Дунай — Гриценко 40: «мелкая шемая»); болг. *о́блец* 'дунайская шемая' (Тутракан — Вакар. 52), *облез* то же (РБР, р. Дунай, Мандренское оз. — Моров 55), *облес* 'баварская шемая' (Геров).

Ср. рум. *obleţi mari* 'дунайская шемая' (Берг 737).

obles(z) см. oblec

ouklej см. uklej

oukleica см. uklej

pegunca словен. *pegunca* 'баварская шемая' (Ferianc 49).

pedl'ašica с.-хорв. *pedljašica* 'баварская шемая' (Hirtz: «je kao pedalj, zato se i zove *pedljašica*»), *педљашица* (РСХКНЈ II, стр. 328: под *бу̏цов*).

pliska с.-хорв. *velika pliska* 'Ch. chalcoides danubicus Agas'. (Vuković 81).

rebčik русск. *ребчик* (Грац. 144).

ryba žyrnaja русск. *жирна́я ры́ба* (рр. Терек, Кура — Кес. 1870, 263; р. Терек — А. Ник. 696), *shirnaja ryba* (р. Терек — Pall. ZRA 333); укр. *жи́рна ри́ба* (Галиция — Ш. и Т. 78).

salpa русск. *салпа́* (СРНГ), *салпа* (Новочеркасск — Саб. 728).

sel'ava русск. *села́ва* (Даль[2]), *селя́ва* (черномор. — Даль[2]; Майкоп — СРНГ; р. Терек — Кузн. ТРП 190: «соленая шемая»; Черное и Азов. моря — Клыков), *селява* (берега Черного и Азов. морей — Саб. 728, Берг 738: «днепровско-азовская шемая Ch. chalcoides schischkovi Drensky»; Азов. море — Кес. 1877, 266, А. Ник, 698), *selа́wa* (Азов. море — Pall. ZRA 333); укр. *се-ля́ва* (УРС, Ш. и Т. 78), *селява* (Трет. 40: «и. т.»), ∽ *шемая* 'батумская шемая Ch. chalcoides derjugini Berg' (Трет. 40: «и. т.»);

русск. *селя́вка* (донск. — Сол.; Кочетовская в н. т. р. Дон — Макаров РЛК 241: «общеупотребительный термин»; Майкоп — СРНГ, Миртов), *селявка* (низовья р. Дунай — Гриценко 40: «крупная шемая», Днепровско-Буг. лиман — Кес. 1860, 72, 242); укр. *селявка* (Станислав — Majew. II, 94).

sel'avka см. sel'ava

sel'd'avka русск. *сельдя́вка* (Цимлянская в н. т. р. Дон — Миртов);

русск. *кизлярская селедка* (р. Терек — Кес. 1870, 263, Кес. 1877, 266, Варп. ОПРЕР 134).

sel'odka см. sel'd'avka

sinec русск. *синец подкрыжный* (устье р. Днепр — Кес. 1877, 266, Саб. 728; Никополь — Кес. 1860, 242); укр. *сине́ць* (Ш. и Т. 78), *синец* (р. Днепр — Вен. 93), *сине́ць підкри́жний* (Ш. и Т. 78).

skabrija русск. *ска́брия* (берега Черного и Азов. морей — Вен. 93; устье р. Днепр — Кес. 1877, 266), *skabria* (Черное море и устье р. Дунай — Pall. ZRA 333), *скубрия* (Даль[2] IV, стр. 202: под *скомбрія́*, стр. 620: под *шамая́*); укр. *скубрія́* (р. Юж. Буг — Ш. и Т. 78); русск., укр. *скумбрия* (низовья р. Юж. Буг — Берг 738: «днепровско-азовская шемая; неправильно, из болгарского»; Вознесенск Николаев. обл. — Majew. II, 94); с.-хорв. *skȕmrija* 'баварская шемая' (RJA), *skumrija* то же (Земун — Hirtz).

strelec болг. *стреле́ц* (Геров), *стрелец* (Христ. 426: «рыба выскакивает из воды, отсюда ее название»).

suvača с.-хорв. *suvača* (RJA, Костайница — Hirtz: «meso je njeno suvo, a to joj dade ime»), *сувача* (РСХКНJ II, стр. 328: под *бу́цов*).
šamaja русск. *шамая́* (Сл. Акад. 1847; юж.-касп., черномор. — Даль²; н. т. р. Дон — Миртов), *шамая* (берега Черного и Азов. морей — Саб. 728; Кочетовская в н. т. р. Дон. — Макаров РЛК 241: «лексема известна членам рыболовецких бригад, но и в их обыденной речи не употребляется»; Николаев — Кес. 1860, 244), *шемая́* (Сл. Акад. 1847, Даль², ССРЛЯ: «от перс. *šāhmāhi*», Клыков), *шемая* (Варп. ОПРЕР 134: «м. н.»); укр. *шамая́* (Черное море — Ш. и Т. 78), *шамая* (русин. — *Majew*. II, 94; р. Днепр — Емел. 29), *шемая́* (УРС: «и. т.»; Черное море — Ш. и Т. 78), *шемая* (р. Днепр — Емел. 29); польск. *szamaja* 'баварская шемая' (Wał. PFiz. 290: «и. т.»; SW);

русск. *шама́йка* (ССРЛЯ: «устар.»), *шамайка* (кубан., терск. — СРНГ; Николаев — Кес. 1860, 244; берега Черного и Азов. морей — Саб. 728; Днепровско-Буг. лиман — Кес. 1860, 242), *шемайка* (Кес. 1877, 266), *шимайка* (берега Черного и Азов. морей — Вен. 93); укр. *шама́йка* (Черное и Азов. моря — Ш. и Т. 78; Николаев — Majew. II, 94).

Ср. русск. *шама́йки* 'копченые донские сельди' (Миртов), перс. *шахмаге* (Саб. 728).
šamajka см. šamaja
šemaja см. šamaja
še(i)majka см. šamaja
uklej польск. *uklej drobnołuski* 'баварская шемая' (SW: «и. т.»), ∽ *duży* то же (Wał. PFiz. 290: «и. т.»); чеш. *ouklej bradatá* то же (Mahen 1931, 11: «и. т.»), ∽ *bradatá* или ∽ *jezerní* то же (р. Дунай с притоками и карпатские реки — Dyk 1946, 238); болг. *уклей* (РБР, р. Дунай от Видина до Силистры — Дрен. 93; р. Дунай — Берг 737);

чеш. *ouklejice lesklá dunajská* 'дунайская шемая' (Hrabě i Oliva 64: новый и. т., предлагаемый авторами взамен *ouklej bradatá*, который, по их мнению, вносит лишь путаницу).
verxovod русск. *верховоды* (Симферополь — Вен. 96); укр. *верховод мелкочешуйный* (Херсон — Вен. 93).
žyrnaja ryba см. ryba žyrnaja

Горчак Rhodeus sericeus amarus (Bloch.)

bakica с.-хорв. *bakica* (Мали Пек, Пожаревац — Hirtz), *ба̀кица* (РСХКНJ).
baryšn'a русск. *барышня* (р. Свапа с притоками в пределах Курск. обл. — Гладк. 50: «населению не известен; рыболовы знают горчака под именем *барышня*»).
bebek укр. *бе́бек, бе́бик* (Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД).

belak слвц. *belák* (Ferianc 58, 59: «название указывает на цвет рыбки»).
blyska укр. *błyska* (Галиция — Now. 1889, 53, Dzied. 81).
bobče болг. *бобче* (Христ. 426, Моров 51).
bobla русск. *бóбла* (пенз. — СРНГ), *бобла* (р. Сура — Зол., Варп. PC; 12; бывш. Пенз. губ. — Саб. 553).
cepa укр. *цéпа* (Деревляны — Врх. НЗн. 27; Ш. и Т. 95);
укр. *цéпуха* (Соколе — Врх. НЗн. 27; Ш. и Т. 95).
cepuxa см. cepa
crevara см. čerevan'
crlenoguzica с.-хорв. *crljenoguzica* (Струг — Hirtz: «Wörtlich Rotafter; jer joj je dorepna plovka i okoliš crljeno obojena»).
crvendoveka с.-хорв. *crvendoveka* (р. Ресава близ Свилайнца — Hirtz: «Wörtlich ewig rot»);
с.-хорв. *crvendovka* (р. Ресава; Чуприя — Hirtz).
crvendovka см. crvendoveka
čerevan' укр. *черевáнь* (Гринченко), *черевань* (Ново-Сандецкое — Majew. II, 664);
укр. *черевáнька* (лемк. — Гринченко; Галиция — Ш. и Т. 95), *череванька* (лемк. — Врх. НЗн. 28);
с.-хорв. *crevara* (Брзан на р. Морава; Рогот, Крагуевац — Hirtz); укр. *черевýга*, *черевýха* (лемк. — Гринченко; Ш. и Т. 95), *черевуга* (лемк. — Врх. НЗн. 28), *черевуха* (лемк. — Врх. НЗн. 28; Сянка — Majew. II, 664);
укр. *черевýшка* (Угорщина — Гринченко: «уменьш.»; Ш. и Т. 95), *черевушка* (лемк. — Врх. НЗн. 28).
čerevug(x)a см. čerevan'
čerevuška см. čerevan'
červenka болг. *червенка* (Моров 51).
čkeka с.-хорв. čkeka (Крушевац, р. Зап. Морава — Hirtz).
čortan болг. *чортан* (Моров 51).
doktorka слвц. *doktorka* (р. Черный Ваг — Ferianc 58, 59: «возникло как перевод с немецкого»).
dorica с.-хорв. *dorica* (р. Плитвица — Hirtz).
doštenička слвц. *doštenička* (Превидза — Ferianc 58).
duhovec слвц. *dúhovec* (Подунайская низменность — Ferianc 58).
gaovica с.-хорв. *гȁовица* (РСХКНJ), *gavica* (Плашки, Лика, Огулинско-Слатинская краина — Hirtz), *гâвица* (РСХКНJ: «покр.»), *гȍвица* (РСХКНJ); ср. с.-хорв. *гȁовица* 'общее название разных видов мелких пресноводных рыб' (Сербия, Пешивцы в Черногории — РСХКНJ);
с.-хорв. *gavačica* (Hirtz);
с.-хорв. *gavčica* (Мрежница, Оштарие, Огулинско-Слатинская краина — Hirtz; оз. Шкодер — EJ II, 411), *гâвчица* (Оштарие, Лика — РСХКНJ: «покр.»), *ogavčica* (Мрежница, Оштарие — Hirtz);

с.-хорв. *gavičica* (Огулинско-Слатинская краина — Hirtz; «od ogavan=amarus, gavi mi se, gadi mi se»), *гâвичица* (Лика — РСХКНЈ: «покр.»).

gar'va русск. *гарьвá* (псков. — СРНГ), *гарьва* (Псков — Зол.: «мелкий горчак», Саб. 553).

gavačica см. gaovica

gavčica см. gaovica

gavica см. gaovica

gavičica см. gaovica

goravka см. gorčak

gorčak чеш. *hořavka* (PSJČ, SSJČ, Frič 18: «и. т.», Machek[2]: «от hořký: имеет горькое мясо»), ∽ *duhová evropská* (RP 111, Šimek 1954, 86: «и. т.»), ∽ ∽ *západní* (Dyk 1946, 225: «и. т.; мясо горчака очень горькое, о чем свидетельствует и название этой рыбы»); слвц. *horavka* (Тренчин — Ferianc 58, 59: «словакизированное чеш. *hořavka*»);

русск. *горчáк* (ССРЛЯ III, стр. 316: под *гóрький*; Черное море — СРНГ), *горчак* (Даль[2] I, стр. 384: под *гóрькiй*; Берг 814: «и. т.»; в. т. р. Днепр — Домр. 148; басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОПРЕР 116: «м. н.»; бывш. Пенз. губ. — Магн. 20; юж. Россия — Кес. 1860, 237); укр. *гірчáк* (Жел., УРС, Ш. и Т. 95), *г'ірчáк* (Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД), *гірчак* (М. и К. 130: «и. т.»; н. т. р. Припять — Ляш. 57), *горчак* (бывш. Киев., Волын., Подольск. губ. — Саб. 553, Вен. 64); блр. *гарчак* (Слуцк. обл. — Салян. 20); ср. укр. *гірчáк* 'порода рыбы' (бывш. Харьков. у. — Гринченко), *горчáк* 'маленькая несъедобная рыбка' (н. т. р. Днестр — Берлізов 38);

русск. *горчáнка* (черномор. — Даль[2] I, стр. 384: под *гóрькiй*; СРНГ), *горчанка* (р. Псел в пределах бывш. Курск. губ. — Плетенев 17; юж. Россия — Кес. 1860, 237); укр. *гірчáнка* (Ш. и Т. 95), *горчанка* (русин. — Majew. II, 665; бывш. Киев., Волын., Подольск. губ. — Зол., Саб. 553);

укр. *гирчáвка* (Ш. и Т. 95; Вильгивок — Врх. НЗн. 27); ср. русск. *горьчáвка* 'небольшая рыбка, из-за своего горького вкуса используется только на корм скоту' (дельта р. Дунай — Гриценко 1969);

русск. *горчица* (Кес. 1877, 260; бывш. Пенз. губ. — Магн. 20); укр. *горчúця* (Ш. и Т. 95, Нік. 16), *горчица* (бывш. Киев., Волын., Подольск. губ. — Зол., Саб. 553); блр. *горчица* (Жуков РБ 300: «м. н.»); н.-луж. *górčica* (Leder 106); с.-хорв. *grčica* (Hirtz: «Wörtlich die Bittere; потому что ее мясо горького вкуса»);

русск. *горчичка* (бывш. Пенз. губ. — Магн. 20);

с.-хорв. *gorčika* (Hirtz), *гòрчика* (РСХКНЈ: «покр.»);

с.-хорв. *gorčivca* (Пирот, Яньска Река, р. Мурговица — Hirtz: «Soviel als Bitterfisch»), *горчивца* (Пирот — РСХКНЈ);

болг. *горчивка* (Моров 51, Дрен. 110);

укр. *гірчýха* (Антоновка Н.-Бугск. р-на Николаев. обл. — МБ 49);

ст.-чеш. *hořènka* (Machek[2] 177: под *hořavka*); ср. ст.-польск. *gorzenka* 'jakiś gatunek ryby' (SStp; Machek 177: под *hořavka*);

ст.-чеш. *hořěvka* (Machek[2] 177: под *hořavka*);

слвц. *horič* (NR 66, Dyk 1946, 224, Ferianc 58, 59);

с.-хорв. *gorkaja* (Заечар, Кривовирски Тимок — Hirtz), *гòркаја* (РСХКНЈ: «покр.»);

укр. *гірковáня* (Ш. и Т. 95; юго-вост. Угорщина — Врх. НЗн. 28);

польск. *gorzkówka* (Слесин — Pracki); чеш. *hořkovka* (Šimek 1959, 102: «иногда»);

русск. *горькýша* (черномор. — Даль[2] I, стр. 304: под *гóрький*), *горькуша* (в. т. р. Днепр — Воронцов 1930, 145: «известен лишь немногим рыбакам»); укр. *гіркуша* (М. и К. 130: «м. н., из-за горьковатого мяса»), *горкуша* (русин. — Majew. II, 665); ср. укр. *гіркýша* 'маленькая рыбка 2—2,5 см., на вкус горькая' (Стрельцовка Старобельск. р-на Луган. обл. — МБ 49);

русск. *горькушка* (басс. р. Волга в пределах бывш. Нижегород. губ. — Варп. ОРБВ 69: «м. н.»; юж. Россия — Кес. 1860, 237), ∽ *пестробрюхая* (Кес. 1870, 304: «и. т.»); укр. *гіркýшка* (Ш. и Т. 95), *гіркушка* (Нік. 16), *горькушка* (бывш. Киев., Волын., Подольск. губ. — Зол., Саб. 553); блр. *горькушка* (Жуков РБ 300: «м. н.»); ср. русск. *горьчýшка* 'небольшая рыбка, из-за горького вкуса используется только на корм скоту' (Васильевка, Подковка в дельте р. Дунай — Гриценко 1969).

Ср. лат. *amarus* 'горький'; англ., нем. *Bitterling* 'горчак' лит. *kartēnė* то же.

gorčanka см. gorčak
gorčavka см. gorčak
gorčica см. gorčak
gorčička см. gorčak
gorčika см. gorčak
gorčivca см. gorčak
gorčivka см. gorčak
gorčuxa см. gorčak
gorenka см. gorčak
gorevka см. gorčak
gorič см. gorčak
gorka pl'ucavica см. pl'ucavica
gorka rybička см. ryba
gorkaja см. gorčak
gor'kaja ryba см. ryba
gorkovan'a см. gorčak
gorkovka см. gorčak
gor'kuša см. gorčak
gor'kuška см. gorčak

goruľa укр. *горýля* (Ш. и Т. 95; Замочек — Врх. НЗн. 27), *горуля* (бывш. Жовков. округ — Majew. II, 664), *ґорулы* (Замочек — Врх. ГБ 261).
govica см. gaovica
grenčak с.-хорв. *grenčak* (Hirtz), *грѐнчак* (РСХКНЈ: «покр.»); с.-хорв. *grenkljač* (Hirtz).
grenkľač см. grenčak
gupguš болг. *гупгуш* (Моров 51).
jasenka с.-хорв. *jasenka* (Hirtz).
!karas' русск. *карась* (р. Сура — Зол., Варп. РС 12: «часто смешивается с молодыми карасиками»; бывш. Пенз. губ. — Саб. 553: «по форме тела горчак напоминает небольшого карасика или крошечного подлещика»); укр. *карась* (Закарпат. обл. — Влад. 75); польск. *karaś* (р. Прондник л. п. р. Висла — Now. 24); чеш. *karas* (Šimek 1954, 86: «lid.»).
укр. *карасик* (М. и К. 130: «м. н.»); польск. *karasik* (Wał. BW 543);
укр., польск. *karaśka* (Галиция — Now. 1889, 53, Dzied. 81).
karasik см. karas'
karas'ka см. karas'
kľuspida болг. *клюспида*, *люспида* (Моров 51).
kotašle чеш. *kotašle* (Dyk 261: «иногда»).
!krasnoperka русск. *краснoперка* (Грац. 155: «неправильно»).
krasnopuzka русск. *краснопýзка* (Боров. р-н Калуж. обл. — СРНГ).
kremače болг. *кремаче* (Дрен. 110), krèmъče (Wak. 49).
krъglica см. okruglica
leščik русск. *лéщик* 'амурский горчак Rh. sericeus Pall.' (р. Селемджа л. п. р. Зея — Герд ДД), *лещик* (р. Амур — Зол.).
lopatka чеш. *lopatka dúhová* (RP 111, Dyk 261: «и. т.»); слвц. *lopatka* (Крупина — Ferianc 58), ∽ *dúhová* (Ferianc 58: «и. т.»).
ľuspida см. kľuspida
maľavka русск. *малявка* (Саб. 553, Грац. 115); укр. *маля́вка* (Ш. и Т. 95), *малявка* (Нік. 16, Берислав — Кес. 1860, 104: «впрочем, это название дается разной мелкой рыбе»); блр. *малявка* (Жуков РБ 300).
modrasa польск. *modrasa* (Шиба Элцкого пов. — М.-К. 17: «спорадически»).
muľka укр. *мýлка* (Борщевичи — Врх. НЗн. 27; Ш. и Т. 95), *мýлька* (Грабова — Врх. НЗн. 27; Ш. и Т. 95).
nerast с.-хорв. *nerast* (р. Ужица — Hirtz).
ogavčica см. gaovica
oklajka см. uklej
okruglica с.-хорв. *okruglica* (Тргове в Хорватии — Hirtz), *okrugljica* (Hirtz); болг. *кръглица* (Моров 51).
oľxovka см. oľšanka
oľšanka русск. *ольшанка* (Кес. 1877, 260); укр. *ольшáнка* (Ш. и Т. 95); блр. *ольшанка* (Жуков РБ 300: «м. н.»), польск. *olszanka* (SW: «gwar.»; Яблонка Нидз. пов., Хеленово Оструд.

пов., Вондзынь Дзялдов. пов. — М.-К. 17; Варшава; Мазовше — Wał. BW 543; Радом. пов. — Majew. II, 664);

польск. *ольшавка* (Вен. 64);

блр. *ольховка* (р. Неман — Жуков 1958, 124); польск. *olszówka* (SW: «od *olszowy*»; Добжинская земля — Majew. II, 665: «lud.»; Мазовше; Варшава — Wał. BW 543; Вармия, Мазуры — М.-К. 17: «наиболее употребительное название, известное во всех обследованных поветах»), *olszowka* (мазур. — Benecke 116);

польск. *olszóweczka* (Варшава; Мазовше — Wał. BW 543).

ol'šavka см. ol'šanka

ol'šovka см. ol'šanka

ol'šovečka см. ol'šanka

otravka чеш. *otravka* (Dyk 261: «иногда»).

pac'uk укр. *пацю́к* (Жел., Полтав. обл. и местами на юге — Ш. и Т. 95), *пацюк* (бывш. Полтав. губ. — Нік. 16, Зол., Кес. 1860, 240);

укр. *пацючо́к* (Жел.: «уменьш.»).

pac'učok см. pac'uk

paraska см. paraška

paras'a см. paraška

paraška укр. *пара́ска*, *пара́ся* (Жел.);

укр. *пара́шка* (Жел., Гринченко, Ш. и Т. 95), *парашка* (Самбор — Majew. II, 664), *paraszka* (в. т. р. Днестр; рр. Збруч, Серет, Золотая Липа, Стрыпа; Гусятин, Пеньковцы, Микулинцы, Струссов, Мышковичи, Чарторый, Подгайцы, Богатковцы, Гайворонка, Бережаны — Now. 60, 62, 63, 65; р. Серет — Majew. II, 665); польск. *paraszka* (SW: «gwar.»; р. Любачовка п. п. р. Сан — Now. 47), *парашка* (притоки р. Висла — Зол., Саб. 553).

parynka укр. *пари́нка* (р. Днестр — Ш. и Т. 95), *парынка* (притоки р. Днестр — Зол., Саб. 553), *parynka* (р. Сивка — Barta 8, Now. 76).

pezdirk с.-хорв. *pezdirk* (Hirtz); словен. *pezdirk* (Ferianc 59).

pičovaga укр. *пічова́ґа* (юго-вост. Угорщина, Лишаки — Врх. НЗн. 28), *пічова́га* (Ш. и Т. 95).

pitruša чеш. *pitruše*, *bílá* ∾ (Jungmann), *černá* ∾ (Точник на р. Бероунка — Jungmann);

чеш. *pitruška* (Jungmann: «dem.»).

pitruška см. pitruša

plačika см. plotica

plaskun с.-хорв. *pljoskun* (Сврлишки Тимок, Княжевац — Hirtz); макед. *пласкун* 'Rh. amarus v. meridionalis Kar.' (оз. Дойран — Апостол. и др. 52), *plaskun*, *ploskun* (оз. Дойран — Hirtz);

укр., польск. *płaskurka* (Галиция — Now. 1889, 53, Dzied. 81);

с.-хорв. *pločajka* (Топлица, Житораджа, Прокупле, Накриванска Бара, Враня — Hirtz: «Soviel als Plattfisch, Plättel»);

болг. *плоскаче* (Моров. 51);

болг. *плоскал* (Моров 51);

с.-хорв. *ploščica* (Hirtz), *pljoščica* (Горни Милановац — (Hirtz);

болг. *площак* (Моров 51, Дрен. 110), *ploštàk* (Wak. 49);

с.-хорв. *pljoska* (Колубаре, Валево, Сврлишки Тимок — Hirtz: «Soviel als Plattfisch, Plättel»);

с.-хорв. *pljoskaja* (Валево — Hirtz);

с.-хорв. *pljoskavica* (Горни Милановац — Hirtz).

plaskurka см. plaskun

plastîvka укр. *пластiвка* (Ш. и Т. 95), *плостiвка* (Русская Молдавица — Врх. НЗн. 27).

platica см. plotica

platiče см. plotica

platičica см. plotica

platika см. plotica

pl'askačka см. pleskač

pl'askanka см. pleskač

pl'aska(o)n'a см. pleskač

pleskač укр. *плескáч* (Жел.);

укр. *плескáчка* (Жел.), *пляскáчка* (Врх. НЗн. 27, Ш. и Т. 95);

укр. *пляскáнка* (Ш. и Т. 95; Коростенька — Врх. НЗн. 28);

укр. *пляскáня* (Врх. НЗн. 28), *плясќоня* (Ш. и Т. 95);

укр. *плескóнька* (Врх. НЗн. 28);

болг. *плескуда* (Моров 51).

pleskačka см. pleskač

pleskon'ka см. pleskač

pleskuda см. pleskač

pločajka см. plaskun

plojka см. plovka

ploskače см. plaskun

ploskal см. plaskun

pl(l')oskun см. plaskun

pl(l')oščica см. plaskun

ploštak см. plaskun

plotica с.-хорв. *plačika* (Грабовска Река, Майдан Пек — Hirtz: «Soviel als Plattfisch, Plättel»), *platika* (Пожаревац, Заечар, Неготин; Кривовирски Тимок, Иванковачка Река — Hirtz), *plotika* (Горни Милановац — Hirtz); болг. *платика* (Моров 51); макед. *platika* (оз. Дойран — Hirtz);

с.-хорв. *platica* (Горни Милановац — Hirtz), *plotica* (Горни Милановац, Винковцы — Hirtz); польск. *płocica* (Галиция — Now. 1889, 53, Dzied. 81);

макед. *платиче* 'Rh. amarus v. meridionalis Kar.' (Поварларье — Апостол. и др. 52);

с.-хорв. *platičica* (RJA, Чуприя; Топчидерска Река, Велика Дичина, Мали Тимок — Hirtz), *платичица* (РСХКНЈ III, стр. 188: под *га̏овица*);

польск. *płociczka* (Wał. BW 543), ∽ *górska* (Радом. пов. — Majew. II, 664; Галиция — Dzied. 81);

русск. *plotwa* (Даурия — Pall. ZRA 320).

Ср. рум. диал. *lătană*, *lătancă*, *latiță*, *pluticӑ* (Vasiliu 241).

plotička см. plotica

plotika см. plotica

plotva см. plotica

plovka с.-хорв. *plojka* (р. Морава близ Чачака — Hirtz), *plovka* (Горни Милановац — Hirtz).

pl'oskavica см. plaskun

pl'ucavica с.-хорв. *gorka pljucavica* (Hirtz: «Wörtlich Bitterer Grätenfisch»).

popačka см. popad'a

popad'a укр. *попа́чка* (Ш. и Т. 95; юго-вост. Угорщина — Врх. НЗн. 28);

укр. *попадя́* (Гринченко, Ш. и Т. 95), *попадя* (юго-вост. Угорщина — Врх. НЗн. 28; Калуш — Majew. II, 664: «lud.»), *попадья* (р. Быстрица п. п. р. Днестр — Зол., Саб. 553) *popadia* (р. Лукев п. р. Днестр, Сапогово, Беднарово — Barta 7, Now. 79); польск. *popadia* (ср. т. р. Днестр — Majew. II, 665), *popadja* (SW: «gwar.»);

укр. *попади́ця* (Ш. и Т. 95; юго-вост. Угорщина — Врх. НЗн. 28), *попадыця* (Закарпат. обл. — Влад. 75);

с.-хорв. *popadići* (Hirtz);

укр. *popadija* (р. Быстрица п. п. р. Днестр; Пасечна, Солотвин — Now. 80; Солотвин, Яблонька — Łom. 51);

болг. *попадийка* (Христ. 426, Моров 51);

с.-хорв. *popadika* (р. Мали Пек; Пожаревац — Hirtz);

укр. *попа́дька* (Станиславщина — Врх. НЗн. 27; Гринченко: «уменьш.»), *попадька* (Закарпат. обл. — Влад. 75, Кол. 26);

с.-хорв. *popica* (оз. Шкодер — EJ II, 441).

popadica см. popad'a

popadići см. popad'a

popadija см. popad'a

popadijka см. popad'a

popad'ka см. popad'a

popica см. popad'a

praničok укр. *праничо́к* (Уличне — Врх. НЗн. 27; Ш. и Т. 95).

pražma чеш. *pražma* (Jungmann)

prudnička слвц. *prúdnička* (Зволен — Ferianc 58);

слвц. *prúdovka* (р. Черный Ваг — Ferianc 58).

prudovka см. prudnička

pugasik см. pukas

pukas укр. *пука́с* (Жел., Гринченко, Ш. и Т. 95; Станишевка на сев. Житомир. обл. — Никончук КД; бывш. Полтав. губ. —

Кес. 1877, 260; Вознесенск на р. Юж. Буг, Берислав, бывш. Херсон. губ. — Кес. 1860, 104), *пукасй* мн. ч. (р. Ломница п. п. р. Днестр — АУМ), *пукас* (р. Днепр — Зол., Саб. 553, н. т. р. Припять — Ляш. 57; Матвеевцы на р. Прут — Majew, II, 664; н. т. р. Днепр — Амброз 199; М. и К. 130: «м. н.»; Белінг 1928, 85: «и. т.»), *pukas* (р. Стырь — Małacz. 60, Now. 57; в. т. р. Днестр, рр. Збруч, Серет; Галич, Нижнев, Розвадов, Тернополь; рр. Сивка, Кропивник, Болоховка в бывш. Калуш. пов.; рр. Быстрицы Солотвинская и Надворнянская, Прут; Делятин, Коломыя, Черновцы — Now. 60, 62, 63, 76, 80, 81, 85, 86; р. Ломница п. п. р. Днестр; Галич — Barta 9, Łom. 51, Now. 77); блр. *пукас* (Жуков РБ 300: «редко»); польск. *pukas* (SW: «gwar.»; р. Любачовка п. п. р. Сан — ZR 26, Now. 47. Солотвин, Галич — Majew. II, 665: «lud».; Staff 178);

русск. *пугáсик* (донск. — Миртов); укр. *пукáсик* (р. Днепр — Кес. 1860, 241; юж. Побужье, Кривозер. р-н Николаев. обл. — Терешко КД, Ш. и Т. 95), *пукасик* (р. Днепр — Зол., Саб. 553; бывш. Полтав. губ. — Кес. 1877, 260), *pukasyk* (р. Ломница в пределах бывш. Калуш. пов. — Now. 77);

укр. *пýкавець* (Жел.);

укр. *pukawka* (р. Днепр — ER V, 336); польск. *pukawka* (SW: «od pukać»; Majew. II, 665: «lud.»; Wał. BW 543; Холмская Русь — Wał. 44).

pukasik см. pukas

pukavec см. pukas

pukavka см. pukas

pъska болг. *пъска* (Моров 51).

rdest польск. *rdest pieprzny* (мазур. — Benecke 116).

rožanka польск. *różanka* (SW: «od *różany*», SDor, Staff 178; р. Серет — Majew. II, 665; Wał. BW 550: «и. т.»).

Ср. лат. *rhodeus* 'розовый'; лит. *rūdė* 'горчак'.

ryba русск. *горькая рыба* (р. Сура — Зол., Варп. РС 11; бывш. Пенз. губ. — Саб. 553); с.-хорв. *gorka riba* (Колубаре, Валево — Hirtz: «потому что ее мясо горькое»); укр. *стáра рúба* (р. Днепр — Ш. и Т. 95), *стара риба* (ср. т. р. Днепр — Белінг 1928, 85).

слвц. *horká rybička* (Ferianc 58: «из-за горького мяса»).

rydovka кашуб. *rëdôvka* (Халупы — Sychta).

sekač польск. *siekacz* (SW: «od *siekać*», р. Сола п. п. р. Висла, Хшанов — Now. 27);

укр. *сокúрка* (Ш. и Т. 95; Ливцы — Врх. НЗн. 27), *sykirka* (в. т. р. Сан — Now. 44); польск. *siekierka* (SW, Staff 178; Краков. воеводство — ER V, 336, Wał. BW 543; Majew. II, 665; р. Висла от Освенцима до устья р. Сан; р. Рудава л. п. р. Висла, правые притоки р. Висла Бялка, Сола, Раба, Ушвица, Дунаец; Закличин, Тарнов; притоки р. Сан Шкло, Вишня, Рада — Now. 22, 25, 26, 27, 33, 36, 48, 49).

sekerka см. sekač

sikavka укр. *sikawka* (Тернополь — Now. 64); польск. *sikawka* (Галиция — Now. 1889, 53).
skozoba русск. *скозобá* (р. Сура — Варп. РС 12), *скозоба* (р. Сура — Зол.; бывш. Пенз. губ. — Саб. 553).
slunička чеш. *sluníčko* (Колин — Šimek 1959, 102).
smarkul'a укр. *смаркýля* (Врх. НЗн. 27, Ш. и Т. 95).
smerd'uxa блр. *смердюха* (р. Неман — Жуков 1958, 124).
so(y)kirka см. sekač
sorokivčak см. sorokivec
sorokivec укр. *сорокiвець'*, *сорокiвчак* (бойков. — Онишк.).
sorožka русск. *сорожка* (р. Амур — Берг РА 96: «м. н.»).
stanka-balъ болг. *станка-балъ* (Моров 51).
stara ryba см. ryba
stoletka блр. *столетка* (Жуков РБ 300: «м. н.»).
střevle см. ščebl'a
ščebl'a польск. *szczebla* (Majew. II, 664); чеш. *střevle* (Machek: от střevo; первоначальное название этой рыбы); ср. чеш. *štěble* 'malá rybka' (Kott 1910).
širovčica с.-хорв. širovčica (р. Млава; Пожаревац — Hirtz: «So-viel als Breitling, Breitfisch»).
todorka болг. *тодорка* (Моров 51).
toporek польск. *toporek* (Rostaf. 398); ср. польск. *toporki* 'ryba' (SWil).
trboserka с.-хорв. *trboserka* (Чуприя — Hirtz: «Imena trboserka i crevara obeležavaju njenu osobinu za vreme mrešćenja. Ona unosi svoja jaja (mrest) u školjke među škrge, pa kad se izlegu onda mlađ izađe.»).
trepka чеш. *trepka* (Dyk 261, Šimek 1959, 102: «иногда»); слвц. *trepka* (Ferianc 58).
tunguš болг. *тунгуш*, *тумбуш* (Моров 51).
uklej польск. *uklej* (Галиция — Now. 1889, 53);
слвц. *uklịa* (р. Турец; Зволен — Ferianc 58);
слвц. *oklajka* (Ferianc 58: «м. н.»).
Ср. венг. *szivárvanyos ökle* (Vasiliu 241).
ukl'a см. uklej
vertuška русск. *вертушка* (бывш. Пенз. губ. — Саб. 553), *вертушкй* мн. ч. (р. Сура — Варп. РС 12).
vrbniček слвц. *vrbníček* (Крупина — Ferianc 58).
vypl'ovka польск. *wyplówka* (Гавлик Гижиц. пов. — М.-К. 17: «спорадически»).
zel'ar с.-хорв. *зѐљар* (Дичина — РСХКНJ).
Ср. рум. диал. *verdeáţă* 'горчак' (Vasiliu 241).

Г. Ф. Одинцов

РУССКИЕ *ЗАЗНОБА, ЗАЛЁТКА, ЛАПУШКА*

Лишь о первом из этих названий сообщается в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера; они совершенно не представлены в других этимологических словарях и до сих пор нигде не описаны. Рассмотрение их в пределах одной статьи обусловлено тем, что они сходны по своему характеру и сфере употребления, будучи словами народно-разговорными с заметным народно-поэтическим оттенком.

Зазноба

Современное русское *зазнóба* — 1) простореч. 'возлюбленная, любимая', реже — 'возлюбленный'; 2) устар. 'страсть, любовное влечение'; 3) устар. 'досада, огорчение' [1], — как отмечает М. Фасмер [2], у И. Желтова производится от сущ. *зной*, «потому что говорится также *зазной* или *зазноя* о предмете любви» [3]. Это толкование с некоторым сомнением воспроизводится М. Фасмером, добавляющим: «Трудное слово. Возможно, скорее это табуистическое название от *знобить*» [4].

Наличие слов *зазнóй*, м., *зазнóя*, ж., пск. 'зазноба, зазнобушка, кого люблю без памяти' подтверждается [5], но обращение к толкованию И. Желтова, пожалуй, излишне, и притом не только по фонетическим соображениям (исчезновение звука *j*), но и ввиду наличия до сих пор не привлекавшихся в этой связи диалектизмов *знóйкий* 'очень холодный, морозный (говорят: зима знойкая — лето жаркое будет)', Моск., 1968 (материалы А. Ф. Ивановой); 'резкий (о морозе, ветре)', «Новое время» (без указ. места), 1898; Островский (без указ. места); *знóйный* 1. 'холодный'. Лебед. Тамб., Архив АН. 2. 'сильный, резкий (о зимнем ветре)'. Брон. Моск. 1897 г.; Ряз. *знóйно*, нареч., безл. сказ. 'холодно'. Брон.

---

[1] Словарь современного русского литературного языка. Изд. АН СССР, Т. 4. М., 1950, стб. 465—466; материалы картотек Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР.

[2] Фасмер II, стр. 74.

[3] И. Желтов. Этимологические афоризмы. — «Филологические записки». Воронеж, 1876, № 1, пагинация III, стр. 21.

[4] Фасмер II, стр. 74.

[5] Даль³ I, стб. 1447; Дополнение к Опыту, стр. 56.

Моск., 1897 г.[6] Эти диалектизмы ясно указывают на наличие в прошлом существительного (также, по-видимому, диалектного) *зной* * 'мороз, сильный холод', от которого скорее всего и образовался диалектизм *markзнóй* при помощи приставки *за-* на фоне общерусского *за-знóба*.

В связи с этим приобретает актуальность оставшаяся, по всей вероятности, неизвестной М. Фасмеру ещё одна, близкая его собственной этимология слова *зазноба*: «Мороз, явление противоположное жару, сближается, однако, в языке с огнем. . ., а потому в влр. песнях он *палящетой*. . . Оттого мороз, подобно огню, — символ любви: влр. *зазноба*, любовь, любовница, *зазнобчивый*, влюбчивый» [7].

Любопытно, что А. А. Потебня, располагавший значительным сравнительным славянским народно-поэтическим материалом, приводит слово *зазнóба* 'любовь, любимая' только как великорусское семантическое образование. Это вполне соответствует лексикографическим данным: *зазнóба* именно в значении 'любовь, любимая' нигде в других славянских языках не отмечено, что может служить доводом в пользу его позднего семантического оформления в собственно русских условиях. В самом деле, общевосточнославянская семантика этого слова иная: 'огорчение'; ср. укр. *зáзнобка*, *-ки*, ж. 'огорчение' [8]; блр. *зазнóба*, *-ы*, ж. 'печаль, огорчение', 'предмет печали, огорчения' [9], — в этом втором значении слово сравнимо с польск. *zaznoba*, *-y*, 'деревянный колышек у конца дышла' [10] (по-видимому, то, что может причинять рабочему скоту боль; ср. укр. диал. *зáзнобка* 'шрам, ожог', 'позор' [11]); общерусский семантический архаизм *зазнóба* 'досада, огорчение', 'обмороженное место на теле', далее — смоленск. *зазнóбушка* 'печаль, огорчение, предмет грусти' [12], ср. выражение «Только на сердце великая зазнобушка» (Плач матери по умершем сыне. — Северновеликорусск., В. Н. П. II 27, 41. — Картотека МДРС), *зазнóба* 'забота, тоска' (шуйск. влад., 1854. — Картотека СРНГ), ср. выражение «Зазноба ль моя, зазноба /Не маленькая, / Эх, не маленькая, / Зазнобила мое сердце» (куйбышевск.) [13]. Возможно, в связи с этим возникают выражения

[6] Ф и л и н, 11 (в печати). Эти сведения любезно сообщила автору настоящей статьи сотрудница Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР Н. А. Романова.

[7] А. А. П о т е б н я. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1860, стр. 33—34.

[8] Г р и н ч е н к о I, стр. 41. Таково же *зáзнобка* и в укр. народной песне: (сыновья) «Не велику зазнобку счинили, | Матку стареньку з двора вигонили» (А. А. П о т е б н я. Там же).

[9] Н о с о в и ч, стр. 168.

[10] Варшавский словарь VIII, стр. 365.

[11] Е. Ж е л е х о в с ь к и й. Малорусько-нiмецький словар. Т. I. Львiв, 1886, стр. 245.

[12] Д о б р о в о л ь с к и й, стр. 237.

[13] Русские народные песни Поволжья. Вып. I. Песни, записанные в Куйбышевской области. Изд. АН СССР. М.—Л., 1959, стр. 94.

зазнобить чьё-либо сердце 'пробудить страсть, любовное влечение'[14] [например: «Молодой детинушка. . . / Зазнобил сердечушко, / Иссушил ретивое» (олонецк., 1868 г.)][15] и — в значении 'возлюбленная' — *зазноба сердца* (*и сердцу*) (например: «Долг платежом красен, — сказал он (Пугачёв. — Г. О.), мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? а?» — Пушкин. «Капитанская дочка», гл. 11; еще: Н. Цыганов. «Что это за сердце»; А. К. Толстой. «Князь Серебряный», гл. XVII и XXVI; Н. Г. Помяловский. «Поречане», IV), *зазноба сердечная* (Н. А. Некрасов. «Похороны»), *зазноба ретивая* (П. А. Вяземский. «Памяти живописца Орлова»). Постепенно во второй половине XIX в. такое традиционное (в исторических романах и т. п.) употребление в литературном языке устаревает окончательно, вытесняемое абсолютивным употреблением слова *зазнóба* (без сущ. в род. п. или определения-прилагательного), засвидетельствованным отчасти в XVIII в.: «. . ты меня поцелуй, моя зазнобушка». — Веревк. «Именинники». — «Росс. феатр, или полное собрание всех российских феатральных сочинений». Ч. XXI, 1788, стр. 256. (Картотека XVIII в.).

Процесс утверждения абсолютивного употребления *зазноба* 'любовь, любимая' (из сочетания *зазноба сердца* в том же значении) отражается в литературном языке несколько позднее, чем в народном обиходе, что понятно ввиду консервативной природы литературного языка. Но и народные русские песни, как видно из представленного здесь материала, подчас сохранили общевосточнославянскую семантику этого слова.

Таким образом, история народного поэтизма *зазноба*, пусть и очень кратко описанная здесь, дает возможность предполагать, что перед нами довольно позднее семантическое образование (*зазноба* 'обмороженное место': *зазноба сердца (сердечная)* → *зазноба* 'любовь, любимая'). Во всяком случае, завершение этого процесса можно наблюдать в текстах (разного рода) лишь начиная с последней четверти XVIII в.

Рассмотрение бессуффиксального образования *зазноба* (например, в сочетаниях типа *сердечная зазноба*) от глагола *зазнобить* не может быть совершенно оторвано от этимологии глагола *знобить*, но возникновение последнего относится к значительно более глубокому прошлому. Этот глагол возводится к **ĝ(e)nŏbh-* из и.-е. **ĝen-* 'рождать(ся)', сравнивается со слав. **zębati*, **zębnǫti* *'рождаться, быть рожденным' → 'прорастать, давать ростки' → 'мёрзнуть' и сближается со слав. *zǫbъ* 'зуб' (из *ĝen-* 'рождаться': **ĝon-bho-s* 'выросшее' → 'выступ')[16]. О значительно менее древнем

[14] Словарь современного русского литературного языка. . . Т. 4, стб. 466.
[15] Великорусские народные песни. Изданы А. И. Соболевским. Т. II. СПб., 1896, стр. 14.
[16] О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959, стр. 153.

характере глагола *празнобить* (и *ознобить*) 'подвергнуть сильному холоду' по сравнению с *знобить* можно судить по чрезвычайно широкому, преимущественному употреблению личных форм от *празнобить* и *ознобить* при исключительном употреблении глагола *знобить* в безличной форме[17].

Залётка

В значении 'милый, ухажёр' это слово не приводится ни в одном из толковых академических русских словарей, а у В. И. Даля представлено с иной семантикой: 'рыба из рода семги, лосося, но меньше его', арх. [18] Между тем в народном обиходе оно бытует (обычно в частушках и без территориальных ограничений):

Мне залетка говорит:
«Что не весела на вид?» —
— «Твоя любовь, не думай, дролечка,
Меня не веселит» [19].

Закрепленность слова за жанром частушки очевидна. Частушка же как определенная разновидность русского фольклора возникла сравнительно недавно — в 60—70 годы XIX века, и можно ожидать, что начиная приблизительно с этого времени постепенно всё больше и больше приобретает известность и слово *залётка* в указанном выше значении. На сравнительно недавнее появление (или активизацию употребления) слова в русском языке указывает широкое употребление формы *залёточка* при полном отсутствии диминутива **залётушка*, несомненно более древнего по своему суффиксальному оформлению — с помощью безударного традиционного народно-поэтического *-ушк-*. (По данным картотек Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР и по текстам 21 тысячи частушек, представленных в важнейших дореволюционных и советских сборниках[20]). Ср. обычное уменьшительно-ласкательное *камешек* и народно-поэтическое *камушек* (как в народной песне из собрания Н. А. Римского-Корсакова

---

[17] См. более подробно о глаголе *знобить* в указанной работе О. Н. Трубачева, стр. 153.

[18] Даль[3] I, стб. 1488.

[19] Сказки и песни Вологодской области. Составители: С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, 1955, стр. 196.

[20] Сборник великорусских частушек. Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914; В. И. Симаков. Сборник деревенских частушек. Ярославль, 1913; Частушка. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. С. Бахтина. М.—Л., 1966; Частушки в записях советского времени. Издание подготовили З. И. Власова и А. А. Горелов. М.—Л., 1965; Воронежские частушки. Составитель С. Г. Лазутин. Воронеж, 1958; Русская частушка. Подготовка текста и примечания В. Бокова. Редакторы А. Прокофьев и Л. Шептаев. Л., 1950; Сибирские частушки. Составитель И. С. Коровкин. Омск, 1959.

«Я на камушке сижу»), аналогично *уточка* и *утушка* (как в народной песне «На море утушка купалася») и т. п.

Историю слова *залётка* помогают проследить диалектные материалы и диалектологические наблюдения.

По данным картотеки СРНГ, слово известно в разных местностях страны, и больше ни о чем, казалось бы, материалы не говорят. Однако если иметь в виду признаки недавно начавшейся активизации слова и классифицировать весь касающийся его диалектный материал по хронологическому принципу, то оказывается, что существительное *залётка* стало практически едва ли не повсеместно обнаруживаемым л и ш ь в последние 3—4 десятилетия; приблизительно же до 1934 г. оно фиксировалось как явно диалектное западнорусское! Приводим эти сведения.

Диалектные данные, относящиеся ко времени до 1934 г.

Залётка 'ухажёр, милый; *редк.* любимая': Пск. и Опочецк. уу. Пск. губ. (1902—1904 гг.); Тверск. губ. (1906 и 1914 гг.); Борович. у. Новг. губ. (1923—1928 гг.).

Залётинка 'любимый': Пск. губ. (1904—1918 гг.).

Диалектные данные, относящиеся ко времени начиная с 1934 г.

Залётка 'ухажёр, милый; любимая': Шацк. Тамб. обл., 1934—50 гг.; Алекс. Куйб. обл., 1945—64 гг.; Вельск. Арх. обл., 1946—59 гг.; Волог. обл., середина 1940-х — середина 1950-х годов [21]; д. Торчилова Кад. р. Волог. обл.; д. Деулино Ряз. р. Ряз. обл., 1960—1963 гг.; Зауралье, 1962 г.; Средн. Урал, 1964 г.; с. Ладва Прионеж. р. Карел. АССР, 1966 г.; г. Абаза Хакасской АО Красноярск. кр., 1967 г.; Моск., 1968 г.; Южн. Урал, 1968 г.; с. Яс. Ташла Тереньг. р. Ульян. обл., 1969 г.

Залёта 'любимый, любимая': Пенз. обл., 1960 г.; бассейн ср. течения р. Оби, 1964 г.; Ср. Прииртышье, 1967 г.

Залётник 'волокита, ухажёр': Курск. Орл., 1947—1960 гг.

Эти факты соответствуют характеру употребления слова *залёт(оч)ка*, обнаруживаемого в классическом дореволюционном сборнике частушек под ред. Е. Елеонской, самом значительном по объему и единственном дореволюционном сборнике, в котором тексты представлены в соответствии с их записью по губерниям (выходные данные об этом издании см. в сноске 20). Из 6020 текстов, относящихся к разным губерниям России, можно выделить только 46 частушек, в которых встречается *залёт(оч)ка* 'милый' и — редко — 'милая'; из них 45 текстов (№ 1574, стр. 135; № 1580, стр. 136; № 2446, стр. 199 и т. д.) относятся к Тверской губернии и одна частушка (№ 742) — к Новгородской.

Диалектологи подтверждают представленную здесь картину. Один из них, отмечая курско-орловский диалектизм *залётник*

[21] Сказки и песни Вологодской области. . ., стр. 185, 187, 192, 196.

'волокита, ухажёр', пишет: «Слово «залётник» и близкие с ним по значению (ср. «залётка») получили распространение в сравнительно последнее время; они не составляют принадлежность собственно местных, территориальных говоров русского языка». (Кардашевский. 1947—1960 гг. — Картотека СРНГ).

Такое изменение в употреблении этого названия в частушках без территориальных ограничений совпадает с внедрением в быт (городской и сельский) радио, сыгравшего несомненно большую роль в распространении тех или иных местных частушек по всей стране. И если такие существительные, как *вотоля*, *матаня*, *дроля*, всё же остались диалектными, то слово *залётка* приобрело широкую популярность. Причина здесь кроется в более понятной для представителей разных говоров мотивированности значения слова *залётка*, чем названий *вотоля*, *матаня*. *Залётка* могло неэтимологически сближаться через прилаг. *залётный* с причастием *залетевший*: «*Залётный*. 1. 'Залетевший случайно'. 2. 'Милый, желанный»'. (Яросл., 1961. — Картотека СРНГ). Кроме того, в традиционных лирических жанрах фольклора хорошо известно фразеологизованное сочетание *залётный сокол* как символ жениха: «Ты, дитя ли мое, дитятко, / Ты приветь-ка ясна сокола, / Ясна сокола залетного, / Да добра молодца приезжего». (Саратовск. обл., Карсавск. р-н., дер. Святославка. Ф. А. Коренникова, 86 л., 1949 г.) [22]. Тот же фразеологизм имеется в чердынской свадебной песне «Накануне было девишника» [23]. Далее, в русском быту было достаточно активным словосочетание *залётна(я) птица*, употреблявшееся в роли обращения с положительной эмоциональной окраской: «Г-жа Простакова. Пойти за ним, однако ж. . (за Митрофаном. — Г. О.). Вральман. Поти, моя матушка! *Салётна птиса*! С ним тфои гласа натопно». (Д. И. Фонвизин. «Недоросль», д. III, явл. 8).

Наконец, широко употреблялось и прилагательное *залётный* 'лихой': «Есаулушку мы выберем залётного» (Песни оренбургских казаков. Собр. Мякутиным. Ч. I, ст. 9. — Картотека БАС).

Приведенные примеры объясняют лишь быстроту распространения первоначально диалектного *залётка*, но отнюдь не его происхождение. Псковско-новгородско-тверское *залётка*, *залётинка* следует сближать с блр. *залётнік*, м., 'волокита, ухажёр' [24], *залетáць* 'предварительно заискивать расположение чье', *залёты* 'заискивание расположения девицы, искательство' [25], укр. *зальотник* и редк. *зальотчик* 'волокита, поклонник'; разг. 'ухажёр', 'ухаживатель, обожатель'; разг. устар. 'любезник' [26];

---

[22] Лирика русской свадьбы. Издание подготовила Н. П. Колпакова. Л., 1973, стр. 65.
[23] Чердынская свадьба. Пермское книжное издательство, 1970, стр. 109.
[24] Белорусско-русский словарь. М., 1962, стр. 292.
[25] Носович, стр. 172.
[26] Украинско-русский словарь. Гл. ред. И. Н. Кириченко. Т. II. Киев, 1958, стр. 73.

‘человек, любящий волочиться за женщинами’, *зальоти* ‘ухаживания, волокитство, амуры’, *зальотний* ‘тот, кто любит волокитство’ [27], *залицяльник* ‘ухажёр’, *залицятися* ‘ухаживать’ [28]; польск. *zalotnik* и устар. *zaletnik* ‘большой охотник до девушек’ [29], ‘жених’, *устар.* ‘волокита’, *zalotnica* и *устар. zaletnica* ‘форма ж. рода от zaletnik’, ‘кокетка, ветреница’, *zaloty* ‘ухаживание, заигрывание’, *zalotny* ‘кокетливый, игривый; ветреный’ [30], чеш. *záletný* ‘милый, любимый’, *záletník* ‘ухаживатель, ловелас’, *záletnice* ’кокетка’, *zálety* ‘волокитство’ [31]; слвц. *záletnica* ‘ветреная женщина, любительница любовных приключений’, *záletník* ‘бабник’, ∽ *chodit’ na zálety* ‘таскаться за девчатами’ [32]; болг. *залàтим се* ‘ухаживать за кем-либо’ [33], *залàтим* то же [34], *залùтам* народное ‘увлечься кем-либо’ [35].

Словообразовательная изолированность в русском языке сущ. *залётка* и его первоначально диалектный характер при активности словообразовательной и узуальной (повсеместное, а не региональное употребление) его параллелей в украинском, белорусском и западнославянских языках свидетельствуют о том, что это русское слово возникло в условиях тесных контактов западнорусского населения с белорусами, поляками, украинцами, судя по переходу в их языковых образованиях, как и в русском *залётка*, *е* > *’о*, естественно, не возникшему в приведенных чешских и словацких соответствиях. Ввиду отсутствия формы *залётка* (с суффиксом *-к-*) в других славянских языках, русск. *залётка* не может считаться прямым заимствованием, в отличие от южнорусского *залётник*, заимствованного из украинского. Само *е* здесь из звука *ě*, как это видно из этимологизации приведенных западнославянских слов [36], возводимых к ст.-слав. лѣть (ѥсть) ‘можно, licet’, причем глагол **za-lět-jati* > слвц. *zaliečat’ sa*, *zalécat’ sa* ‘хотеться понравиться’ возник, как считают, из выражения «jíti *za lětь*» к девушке, т. е. ради ее приязни, в поисках ее благосклонности [37]. Ср. еще др.-русск. ц.-слав. лѣтьба ‘возможность’ [38].

---

[27] Словник української мови. Т. III. Київ, 1972, стр. 199.
[28] Там же, стр. 186.
[29] Варшавский словарь VI, стр. 154.
[30] Д. Гессен и Р. Стыпула. Большой польско-русский словарь. Москва—Варшава, 1967, стр. 1252.
[31] Kott V, стр. 134.
[32] Исаченко II, стр. 694.
[33] Лука Гълъбов. Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II, 1965, стр. 80.
[34] З. Божкова. Принос към речника на софийския говор. — БД I, стр. 248.
[35] РБЕ I, стр. 396.
[36] Все вышеприведенные восточнославянские и болгарские сближения при такой этимологизации даются в настоящей статье впервые.
[37] Machek¹ (1957), стр. 581; Machek³ (1971), стр. 709; Brückner, стр. 644; Holub — Kopečný, стр. 431.
[38] Срезневский II, стб. 80.

Соотносить русск. *залётка* непосредственно с *лѣть* невозможно, т. к. вопреки М. Фасмеру, приводящему наречие *леть* как народно-разговорное диалектное со ссылкой на Даля, такого диалектизма нет ни в Словаре В. И. Даля, ни в Картотеке СРНГ. *Леть*, правда, обнаружено в русском литературном языке первой трети XVIII в., но все эти употребления, судя по материалам Картотеки XVIII в. Ленинградского отделения Института русского языка, являются несомненно книжными, книжно-церковными, например, в слове оберменромонаха Гавриила Бужинского «О полученной победе над Каролом вторымнадесять. . . и войски его под Полтавою» (СПб., 1720, л. .и҃).

Лапушка

По Я. Автамонову, *лáпушка* как ласкательное обращение (чаще всего, но не исключительно применительно к женщине) возникло на основе символики от названия *лапушка* 'дятлина, трилистник, клевер', приводимого в Словаре В. И. Даля и в Ботаническом словаре Н. Анненкова. При этом подчеркивалось, что «цветы у нее (лапушки. — Г. О.), редко бывают белые, большею частью — или бледно-красные, или пурпуровые; цветет с апреля до октября» [39].

В известной мере такая точка зрения оправдана, если учесть, например, что красный цвет ассоциируется в представлении народа, как известно, с образом женщины, с которым прежде всего связано рассматриваемое обращение (наиболее близкие аналогии: *лапýшка* 'вкусная, нежная ягода, темно-красная, по виду похожая на малину (ежевика)' (Белозер. Новг.) [40] и *лапýшечкя* 'ласковое слово' (с. Колобово Нолин. у. Вятск. губ., 1897 г. — Картотека СРНГ), а также не отмеченное знаком ударения *лапушка* 'прозвище (краснощекая, толстая)' (Кадник. у. Волог. г.) [41]. Кроме того, поскольку, как подчеркивал Я. Автамонов, время цветения лапушки-клевера захватывает собой раннюю весну и осень, то народ должен был обратить на нее внимание. [Что касается названия самого клевера, то он «мог быть назван лапушкой, разумеется, и от «лапы» (стр. 254)]. Автор привел в качестве аналогии слово *репушка* (от *репа*) как ласковую «кличку круглой девки» (по В. И. Далю).

Тем не менее такая точка зрения не вполне обоснована.

Во-первых, вызывает некоторое сомнение достоверность приводимой В. И. Далем формы *лáпушка* 'клевер' с ударением, падающим на *а*. В «Ботаническом словаре» Н. Анненкова *лапушка* 'Trifolium pratenze L.' представлено без ударения [42]. В «Словаре

[39] Я. Автамонов. Символика растений в великорусских песнях. Растения травянистые. — ЖМНП, 1902, № XII, стр. 253.

[40] Труды Московской Диалектолог. комиссии, вып. XII. М., 1926, стр. 43.

[41] Ж. Ст., 1899, IV, стр. 526.

[42] Н. Анненков. Простонародные названия русских растений. М., 1858, стр. 95; Он же. Ботанический словарь. Изд. 1. М., 1859, стр. 160; изд. 2. М., 1878, стр. 359.

русского языка, составленного II Отделением Академии наук» (Л., 1932, т. 5, в. 2), сказано: «*Ла́пушка*. 1. Уменьш. и ласк. от сл. *лапа*. 2. Ласкательное обращение. 3. Дятлина, трилистник, клевер. (Д.). Ошибочно — вм.(есто) *лопушка*».

В самом деле диалектное *лапу́шка* с ударением на *у* как название травянистого растения обнаружено в нескольких народных русских говорах. Ср.: *ла́пушка* 'милочка, милая', но *лапу́шка* 'лист лапушника; вообще круглый большой лист' (вятск.)[43]: «Надо ту траву косить, | Которая лапушка; | Надо тех робят любить, | Которыё с игрушкам» (Яранск. у. Вятск. г., 1903. — Картотека СРНГ), 'лист растения, круглый': «Лапу́шки кра́сны рву, а н'е йа́годы» (Вожгальск. р-н Кировск. обл., 1950. — Там же), 'лопушник и мать-и-мачеха' (Пермск. обл., пос. Ильинский, 1969. — Там же). При этом форма *лапу́шка* более распространена, чем *лапушка* 'клевер', представленная в «Ботаническом словаре» Н. Анненкова как лишь московское местное название.

Во-вторых, если обращение *ла́пушка* действительно символ, то должны быть тексты, из которых было бы видно, что название клевера *лапушка* используется и как обращение в переносном смысле. Но таких текстов как раз нет, что признавал и Я. Автамонов: «Правда, в песнях мы не имеем прямых доказательств того, что *лапушка* растение»[44]. Автор, впрочем, пишет, что, например, и «голубчик, голубка, голубушка и ластушка очень часто употребляются без всякой мысли о голубях и ласточках». Однако эти слова, даже будучи употребленными в роли обращения, ещё сохранили как символы следы с е м а н т и ч е с к о г о п а р а л л е л и з м а (двузначности): «Мой платочек тонкий рубчик, | Помяни, сизый голубчик» (Архивные материалы Омского пединститута им. Горького). Этой особенностью обладают все отмечавшиеся исследователями языка русского фольклора символы, и возникает вопрос, было ли вообще слово *лапушка* когда-нибудь символом?

И, наконец, не вполне ясно, почему нужно сравнивать обращение *ла́пушка* исключительно с названием клевера. Существуют наряду с этим названия *ла́пушк'и* 'кувшинки болотные' (с. Ямышево Павлодарск. кр., 1961. — Картотека СРНГ), *лапушка* 1) 'глушинная береза, негодная для веников (старое)'; 2) ласкательное слово (осташк. Калининск., 1946. — Там же), *ла́пушки* 'ботва (огуречная)' (Арх. обл., Вилегодск. р-н, с. Никольское, 1957. — Картотека СРНГ), далее — без знака ударения *лапушка* 'Euphorbia procera' (Пенз., без даты. — Картотека БАС) и др.

Допуская образование обращения *ла́пушка* из *ла́па*, сло́ва, звучащего применительно к людям с оттенком неприязни, следует иметь в виду, что рассматриваемое ласкательное обращение всегда употребляется с тем или иным диминутивным суффиксом.

---

[43] В а с н е ц о в, стр. 120.
[44] Я. А в т а м о н о в. Указ. соч., стр. 253.

Кроме *лапушка* известны формы *ла́понька* 'обращение взрослого к ребенку' (с. Кузькино Куйбыш. обл. 1957. — Картотека СРНГ), 'ласковое обращение к ребенку, иногда к любимому человеку' (Пенз., 1960. — Там же), *ла́пинька* в песне: «Светик милый — лапинька Алешенька» (без указания места и даты, но не позднее 1918 г. — Картотека БАС), *ла́почка* 'распространенное повсеместно ласковое обращение, обнаруженное как в народных говорах (напр., в Малмыж. у. в Пошех. у. Яросл. г., 1890 г.), так и в литературном языке': «Прощай, лапочка» (Пушк. Письмо Мансурову 27.X.1819) [45], и более редкое, обнаруженное нами и не встречаемое в словарях и картотеках *лапка*: «Дядя Никон (сбрасывая с плеча кису). . . Девки и бабы. . . значит. . . иди сюда, *лапки*! всем будут подарки. . .» (А. Ф. Писемский. «Горькая судьбина». Драма в 4 действиях. Д. I, явл. 2. 1859 г.). Эти диминутивные образования употребляются параллельно для обозначения руки: «Дай *лапочку* поцелую» (Смол. г. — Картотека СРНГ), — но далеко не все из них встречаются как названия растений. (Известны лишь формы *ла́пки*, *ла́почки* 'клевер Trifolium arvense'. — Донск., 1929).

В связи с этим нет оснований не считать *ла́пушка* и другие приведенные уменьшительные формы производными от *ла́па*. Перенос названия при этом происходит метонимически, от части к целому ('рука' → 'милая, милый'). Во внешнем проявлении человеческого доброжелательства и ласки рука занимает едва ли не ведущее место, и такое толкование вполне естественно.

Менее вероятным было бы сближение русск. *ла́пушка*, *ла́почка*, укр. *ла́почка*=русск. *лапушка* [46] с чеш. устар. *lapák*, *lapač*, *lapka* 'разбойник, палач' [47]. Ср. семантическую модель русского *дроля* (по этимологии, предложенной Ж. Ж. Варбот [48]). Что касается отдельных употреблений некоторых уменьшительных образований от *ла́па* или *лопу́х*, этимологически сближаемого с лит. *lãpas* 'лист' и с *лапа* [49], то они действительно, как показывает материал, могут в качестве ласкательных обращений ассоциироваться в сознании говорящих в первую очередь с названиями растений, особенно в пределах одного и того же говора (к приведенным *лапу́шка*, *лапу́шечкя*, может быть, следовало бы добавить обл. *лапу́щецкая* в знач. сущ. 'ласкат. слово (обращение к женщине, девушке?)'. — Нолин. у.; прогр. № 52) [50].

---

[45] Словарь русского языка, составленный II Отделением АН. Пг., 1915, т. 5, вып. I, стб. 207—208.

[46] Украинско-русский словарь. Ред. И. Н. Кириченко, т. II. Киев, 1958, стр. 430.

[47] Jungmann II, стр. 263—264; Berneker, стр. 690.

[48] Ж. Ж. Варбот. Заметки по славянской этимологии (слав. **koristь*, слав. **(s)kręga*, русск. диал. *намо́кнуть* 'приучиться', русск. *дро́ля*, русск. *-на́чить*). «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 78—81.

[49] Фасмер II, стр. 520.

[50] Словарь русского языка. Т. 5, в. I. Пг., 1915, стб. 210.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ РУССК. ДИАЛ. *СУВЁЛИ*

Слово *сувéли* мн. ч. 'сугробы' было записано во время одной из экспедиций Московского Диалектологического Атласа в 1955 г. в деревне Великое Село Шольского района Вологодской области[1].

Лексема *сувéли* еще не привлекала внимания этимологов, она не зафиксирована в диалектных словарях русского языка и не имеет соответствий в других славянских языках.

Слово *сувéли* пополнило собой группу терминов с приставкой **sǫ-*, обозначающих в русском языке сугробы: *субóй*, *субóина* (< **sǫ-boj*), тульск. 'сувой, сугроб снежный'[2], 'большая груда снега, сугроб'[3], донск. 'сугроб снега'[4], *сýверть* ж. (< **sǫ-vьrtь*) 'снежный сувой, сугроб'[5], *сувóй* (< **sǫ-vojь*) вост. 'снежный сугроб с задулинами и застругами, нанос, который по дороге, обращается в кочки, в ухабы, нырки, шибли и раскаты'[6], влад. 'небольшой сугроб снега'[7], яросл. 'сугроб'[8], *сугрóб* литер. (< **sǫ-grobъ*), *сумёт* (< **sǫ-metъ*) 'сугроб, сувой, снежный занос, нанесенный ветром бугор снега'[9], 'сугроб, куча снега'[10], арханг. 'сугроб'[11], костр., кинеш., новг., тихв. 'сугроб снега'[12], подмоск. 'сугроб'[13], *сумкú* (< **sǫ-mъky*) 'сугробы' (Записано Л. П. Комягиной в 1968 г. в дер. Тарасово Плесецкого района Архангельской области).

Сувéль 'сугроб', вероятно, можно реконструировать как **sǫ-vělь*; *-vělь* в данном случае может восходить как к **vějati*, так и к **viti*, поскольку в названиях сугробов есть и та, и другая семантические модели: ср. *увéя* 'сугроб'[14], *посвéек* новг., ст.-русск. 'занос, снежный сугроб'[15], 'занос, сувой, снежный сугроб'[16] и —

---

[1] Картотека МДА, Большой Северный Том, тетрадь 115.
[2] Даль[3] IV, стб. 611.
[3] Опыт, стр. 219.
[4] Миртов, стр. 314.
[5] Даль[3] IV, стб. 613.
[6] Там же.
[7] Дополнение к Опыту, стр. 258.
[8] Мельниченко, стр. 195.
[9] Даль[3] IV, стб. 634.
[10] Бурнашев II, стр. 304.
[11] Подвысоцкий, стр. 168.
[12] Опыт, стр. 220.
[13] Иванова. Подмоск., стр. 499.
[14] Даль[3] IV, стб. 930, Бурнашев II, стр. 301.
[15] Дополнение к Опыту, стр. 202.
[16] Даль[3] III, стб. 860.

сувой 'сугроб' (см. выше). Если *сувéль* к **vějati*, то тогда мы имеем в слове чистый корень глагола (без тематического гласного).

Однако в пользу второго этимологического решения свидетельствует, как нам кажется, наличие тождественной по форме лексемы *сýвель* томск. 'свилеватость' [17]. Значение этого слова и синонимы типа *свиль* 'сувой, вить слоев и жилок или волокон в дереве' [18] характеризуют его как производное от **viti*. Можно думать, что того же происхождения и тождественное по форме *сувéль* 'сугроб'. В таком случае оба слова являются рефлексами праслав. **sǫvělь*, где корневое *ě* восходит к **oi* и находится в таком же чередовании с корневым *i* в производящем глаголе **viti*, как корневое *ě* имен **věnъ*, **věnъkъ*, **větvь*.

Следует обратить внимание на разницу в месте ударения имен *сýвель* и *сувéль*. Анализ имен с префиксом **sǫ-* свидетельствует о том, что в праславянский период имена этого типа имели ударение на префиксе. Некоторые имена претерпели позднее передвижку ударения [19]. Следовательно, из двух рефлексов праславянского **sǫvělь* древнейшим является *сýвель* 'свилеватость', а *сувéль* отражает передвижку ударения.

---

[17] Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. «Этнографический сборник РГО», вып. VI, СПб., 1864 г.

[18] Даль[3] IV, стб. 61.

[19] Р. М. Цейтлин. Материалы для изучения значений приименной приставки *sǫ-* в славянских языках. «Ученые записки Института славяноведения», том XVII. 1959, стр. 238.

В. А. Никонов

ОПЫТ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ. IV

Публикуемая здесь часть Словаря заканчивает букву А. На этом завершается пробная публикация, которой достаточно для выполнения поставленных задач — показать и проверить объем и состав словника, содержание и построение словарной статьи, охват источников и способ использования их, наконец, изложение.

Вместе с частями, опубликованными в предыдущих томах сборника «Этимология», представлено больше 2200 фамилий на букву А. При таком отборе весь Словарь включает 70 000 фамилий (около 350 печатных листов). Составитель располагает материалом на буквы Б и В (более 7000 фамилий), меньше — на последующие; словник Словаря сделан на весь алфавит.

Необходимые объяснения даны в предыдущих публикациях, и нет нужды повторять их. Там названы и имена тех, без чьей помощи работа не могла быть выполнена. Нужно добавить лишь два замечания.

Пусть не покажутся излишне обильными примеры территориальной документации фамилий. Наоборот, к сожалению, их еще слишком мало. Ведь это — география фамилий, их лексических основ и средств словообразования, а за этим — география самого языка и еще больше — миграции населения. Конечно, для этого необходимы материалы, несравнимо превышающие собранное. Понятно, какого адского труда требует сбор данных по многим десяткам центральных и местных архивов. Даже и приведенные справки позволяют исследователям на местах провести наблюдения, какие фамилии сохранились, изменились или переместились, то есть получить сведения, ценные не только для истории языка, а и для истории народа (например, по генеалогии, которая всегда оставалась достоянием ничтожного слоя привилегированных групп населения и только теперь впервые начинает заниматься народными массами).

Необходимо предостеречь от попыток подсчетов различного рода на опубликованном материале. Подсчеты по фамилиям на букву А совершенно исказят общую картину из-за огромного процента фамилий от личных имен древнегреческого и арабского происхождения, которых гораздо меньше на другие буквы. Еще опасней, что считающий принимает за равные единицы фамилии

Андреев (Андреевых сотни тысяч) и *Апелляционин* (может быть, единственная семья), — ясно, что получаемые показатели совершенно ложны при мнимой цифровой точности. Для решения большинства задач словари — совершенно недопустимый объект подсчета (конечно, кроме частотных, но они как раз результат подсчетов и, к сожалению, пока очень редко — материал для них).

* * *

Арсю́ткин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Арсютка от канонического м. л. и. Арсений (см. *Арсеньев*) через форму Арсюта. У народов Поволжья в русск. документах XVIII—XIX вв. записаны м. л. и.: Арсутка, Арсютка (Магницкий, 29); ф. документирована: 1884 г. — с. Лемдяй, Краснослободского уезда (Республик. архив Морд. АССР, ф. 57, оп. 1, № 233).

Арсю́хин — отчество с суффиксом *-ин* из формы Арсюха от канонического м. л. и. Арсений (см. *Арсеньев*).

Артама́сов — вместе с ф. ф. Ардемасов, Артомасов побуждает предположить, что существовало морд. м. л. и. Артамас (Ортомас, Ардамас или подобн.), хотя и не обнаруженное в документах, но вполне возможное, т. к. оба его компонента представлены в старинных морд. л. и.; ф. А. — первоначально отчество из этого м. л. и., образованное русск. суффиксом *-ов*; фонетические варианты, ставшие несколькими самостоятельными ф. ф., могли возникнуть еще на стадии л. и. или позже уж из общей ф.

Артаме́нтов — метатеза из *Атраментов*?

Арта́мкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Артамка, из канонических м. л. и. Артемон (в обиходной форме Артамон), Артемий.

Артамонов — образованное суффиксом *-ов* отчество из обиходной формы Артамон от канонического м. л. и. Артемон (др.-греч. 'невредимый'). Из различных форм, производных от того же имени (а также в контаминации с производными от м. л. и. Артемий) образованы ф. ф. Артамкин, Артамонцев, Артамонычев, Артамохин, Артамошин, Артамошкин, Артюнин, Артюхин, Артюшин, Тюнин и др.

Артамо́новский — ф. могла быть дана в духовной семинарии сыну священника церкви в честь «святого» Артамона; другие возможные источники: обозначение крепостных боярина Артамонова или обозначение приезжего из с. Артамоново.

Артамо́нцев — образованное суффиксом *-ев* отчество из уменьшительной формы Артамонец (подобно ф. ф. Иванцев, Антонцев) из м. л. и. Артамон.

Артамо́нычев — образованное суффиксом *-ев* отчество, образованное из отчества же, образованного суффиксом -ич из канонического м. л. и. Артамон (см. *Артамонов*), — *артамонычев* (сын) первоначально означало сын Артамоныча, Артамоныч — 'сын Артамона'.

Артамо́хин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Артамоха от канонического м. л. и. Артамон (см. *Артамонов*).

Артамо́шин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Артамоша от канонического м. л. и. Артамон (см. *Артамонов*).

Артамо́шкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Артамошка от уменьшительной формы Артамоша, в свою очередь производной от канонического м. л. и. Артамон (см. *Артамонов*).

Артанзе́ев — ф. хант. происхождения. В середине XVIII в. известна в правобережье Нижней Оби, в левобережье (на р. Сыня) сохранилась и теперь (см. З. П. Соколова — ЛИ, 274—276); образована русск. суффиксом *-ев* из м. л. и. родоначальника.

Арташев — происхождение ф. спорно, анализ затруднен и неизвестностью произношения (на каком слоге ударение, каков последний гласный). М. б. отчество из прозвища Арташ от диалектного нарицательного *арташ* ʻупрямый, несговорчивый'. Наличие нескольких с. с. в Татарской АССР Арташ, Арташка, Арташево допускают 2 предположения: могло существовать м. л. и. Арташ, от которого образованы эти названия и ф. А., или наоборот — ф. А. возникла из названия с. Арташ.

Арте́ев — отчество с суффиксом *-ев* из м. л. и. Артей, Арти, записанного в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 29).

Артеменко(в) — образованное укр. и блр. суффиксом *-енко* отчество (или непосредственно ф.) от одного из канонических м. л. и. — Артемий, Артема, Артемон; дополнительно могло оформляться суффиксом *-ов*, как преобладающим в русск. ф. ф.

Артёмин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Артёма от канонического м. л. и. Артемий, реже — Артема, Артемидор, Артемон.

Арте́мичев, Артёмичев — образованное суффиксом *-ев* отчество также из отчества — Артемич, образованного суффиксом *-ич* от канонического м. л. и. Артемий (см. *Артемьев*).

Артёмкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Артёмка, производной от канонического м. л. и. Артемий (см. *Артемьев*).

Артёмов — образованное суффиксом *-ов* отчество от обиходной формы Артем от канонического м. л. и. Артемий (см. *Артемьев*), менее вероятно — от других канонических м. л. и. — Артемидор, Артема редки, а Артемон преимущественно произносилось Артамон.

Артёмцев — отчество из уменьшительной формы Артемец от канонического м. л. и. Артемий и, возможно, от некоторых других (см. предыдущ.)

Арте́мьев — образованное суффиксом *-ев* отчество из канонического м. л. и. Артемий (др.-греч. «здоровый, невредимый»). Многие производные формы от этого имени смешались с производными от других канонических м. л. и., например, Арсений, Артема, Артемидор, Артемон, поэтому о ряде ф. ф. нельзя решить, которое

из этих м. л. и. отразилось. В XVII в. нередко написание Ортемьев (Там. кн. I, см. по указателю).

Арте́мьичев — см. *Артемичев.*

Артише́вский — восточнославянский вариант ф. польск. происхождения Арцишевский (см.).

Арти́щев — то же, что и Ртищев — отчество из нецерковного имени Ртище, давшее боярскую ф. Ртищев. Инициальное *-а* протетично — возникло, чтобы избежать стечения двух согласных в абсолютном начале слова. Кроме бояр, ф. могла обозначать и принадлежащих им крепостных. Название с. Артищев в Львовской обл. УССР может привести к иному толкованию ф.

Артоболе́вский — по преданиям московской семьи крупных ученых А., их предок, из пензенских крепостных, получил эту ф. в церковно-приходском училище, по-греч. ἀρτοπώλιον 'булочная'.

Артома́сов — см. *Артамасов.*

Артомо́нов — ошибочное написание из *Артамонов* (см.), ф. нередка даже в Москве.

Арту́нькин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Артунька, в основе которой уменьшительная форма Артуня (с формантом *-уня*, как Васюня) от канонических м. л. и. Артемон, Артемий и др. (фонетически ближе Артур, но православная церковь не допускала этого м. л. и.).

Арту́ров — т. к. православная церковь не допускала языческого м. л. и. Артур (кельтское средневековое), ф. А. не могла образоваться у русск. «естественным» путем (из отчества от этого имени), но могла появиться у иностранца, поселившегося в России, или возникнуть как псевдоним.

Артыков — возможно отчество с русск. суффиксом *-ов*, образованное из тюрк. м. л. и. Артык; в прошлом у народов Поволжья записано м. л. и. Артик (Магницкий, 29, относит к чувашам), в Удмуртск. АССР есть с. Артык. Тюрк. нарицательное *артык* (например, тат.) 'лишний', в этом значении называнье ребенка у тюркоязычных народов нередко, если он нежелателен или в целях обмана «злых духов»; ф. более часта в Узбекистане, Туркмении, Казахстане.

Артю́гин — отчество из формы Артюга, м. б. от одного из канонических м. л. и. — Артемий, Артемон, Арт и др., или фонетический вариант от ф. Артюхин.

Артюко́в — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Артюк от одного из канонических м. л. и. — Артемий, Артемон, Арт и др.

Артю́нин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Артюня, м. б. от одного из канонических м. л. и. — Артемий, Артемон и др.

Артю́нов — м. б. образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Артюн от одного из канонических м. л. и. — Артемий, Артемон и др.

Артюхин — образованное суффиксом *-ин* отчество из 1) очень употребительной формы Артюха от канонических м. л. и. Артемий и Артемон 2) прозвища от диалектного (смоленского) *артю́ха* 'разухабистый, головорез' (Филин I, 279); ф. документирована в с. Алферьево (ныне Сеченовский р-н Горьковской обл.) — 1900 г.

Артюхо́в — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Артюх от канонических м. л. и. Артемий, Артемон и др.

Артюхо́вский — ф. возникла под польск. влиянием («шляхетские» ф. ф., образованные формантом *-ski*, на укр. или блр. почве, из топонима (Артюхово, Артюховка в Харьковской и Сумской областях УССР) или из ф. Артюхов.

Артюше́нко(в) — образованное укр. и блр. суффиксом *-енко* отчество (или непосредственно ф.) из форм Артюш, Артюша (см. *Артюшин*) с возможным дооформлением суффиксом *-ов* по господствующей модели русск. ф.

Артю́шин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Артюша от канонических м. л. и. Артемий, Артемон и др.; ф. документирована: 1861 г. в Троицке, Краснослободского уезда (Республик. архив Морд. АССР, ф. 26, оп. 2, № 11)

Артю́шкин — отчество, образованное суффиксом *-ин* : 1) или из уничижительной формы Артюшка от Артюша (см. предыдущ.), для народов Поволжья продолжавшей употребляться и в XVIII—XIX вв. (отсюда назв. с. Артюшкино в Ульяновской обл.), 2) или из прозвища Артюшка по диалектному (донскому) нарицательному *артю́шка* 'оборванец' (Филин I, 279).

Артюшко́в — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Артюшко (см. следующ.)

Артюшов — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Артюш от канонических м. л. и. Артемий, Артемон и др.

Артя́ков — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Артяк, записанного в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 29).

Ару́ев, Аруќанов, Ару́нов — происхождение ф. ф. неизвестно.

Аруста́мов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из принесенного исламом к народам Кавказа и Средней Азии м. л. и. Рустам (др.-иран. 'сильный телом') с протетическим *а-*, вероятно, на почве тюрк. языков, где инициальное *р-* исконно отсутствовало.

Арутю́нов — арм. ф. Арутюнян из арм. *арутюн* 'возрождение, воскресение', переоформленная господствующим суффиксом русск. ф. ф. *-ов.*

А́рфин — ф. книжного происхождения, образованная из нарицательного *арфа* (музыкальный инструмент в античной Греции) по частой модели русск. ф. ф. суффиксом *-ин*, вероятно, в духовной семинарии (или литературный псевдоним).

Арха́нгелов — неясна связь ф. со словом *архангел* (высший разряд ангелов), которое несомненно в ней отразилось. М. б. отчество от насмешливого прозвища Архангел? Тем же словом

в дореволюционной России иронически называли полицейских и жандармов.

Арха́нгельский — 1) наиболее часто — ф. воспитанника духовной семинарии, отец которого служил в церкви, посвященной одному из архангелов; 2) реже — из обозначения прибывшего из г. Архангельска; 3) литературный псевдоним — А. Архангельский, под которым был известен выдающийся советский поэт — пародист (подлинное имя: А. А. Амосов — см. И. Ямпольский. Кто такой А. Архангельский? — «Вопросы литературы», 1968, № 3, 253—255).

Архангоро́дский — первоначально обозначение прибывшего из г. Архангельска (его прежнее название — Архангелогородск, обиходное упрощение — Архангородск).

Архandéев — образованное суффиксом *-ев* отчество, возможное из различных основ: 1) из м. л. и. Архандей в прошлом записано у народов Поволжья, предположительно у чуваш (Магницкий, 29); 2) м. б. из прозвища от диалектного слова *архандей*, которое не попало в диалектные словари, но еще существовало в начале нашего столетия, например, на Средней Волге, в значении 'озорник, безобразник'. Т. к. эта ф. документирована в чуваш. среде — Тимерсянская волость Симбирского уезда, 1908 г. (Ульяновский обл. архив, ф. 234, оп. 1, № 28), скорей можно допустить тюрк. источник, чем принять мнение Ст. Илчева, который производит ту же ф. в Болгарии из др.-греч. ὀρφανός (Илчев, 53).

Арха́ров — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из тюрк. м. л. и. Архар, от нарицательного *архар* 'горный баран'. По фамильному преданию дворянского рода А., родоначальник их якобы приехал на Русь в XIV в. из Литвы; но тюрк. происхождение ф. опровергает эту фальшивую версию, обычную для генеалогических стараний знати ложно утверждать свое происхождение с Запада. Ранняя документация (еще отчество): 1498 г. — холоп Иванец Кузмин сын А. (Тупиков, 466).

Архиере́ев — ф. несомненно связана с нарицательным *архиерей* (массовым было произношение *архирей* — епископ, высшая церковная должность в епархии), но архиерей принадлежал к монашеству, он не мог иметь ни детей, ни крепостных. Поэтому отпадает возможность отчества *архиерев* (сын). Однако, архиерейский дом имел крупные владенья, хотя и не на правах личной собственности, поэтому притяжательное прилагательное *архиереев* могло быть и со значением принадлежности. Возможно, отчество от насмешливого прозвища Архирей. Та же ф. была и в Белоруссии (Бірила-БА, 192). Чаще ф. встречается в форме *Архиреев*.

Архиме́дов — ф. книжного происхождения, образована русск. суффиксом *-ов* из имени крупнейшего античного физика и изобретателя — Архимед (III в. до н. э.); ее могли дать в духовной семинарии или избрать литературным псевдонимом.

Архи́пе́нко(в) — образованное укр. и блр. суффиксом *-енко* отчество (или непосредственно ф.) из канонического м. л. и.

Архипп (см. *Архипов*); ф. могла дополнительно оформляться суффиксом *-ов* по господствующей модели русск. ф.

Архи́пкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Архипка от канонического м. л. и. Архипп (см. *Архипов*).

Архи́пков — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Архипко от канонического м. л. и. Архипп (см. Архипов).

Архиплу́тов — сатирический литературный псевдоним (1866 г.), образованный по господствующей модели русск. ф. ф. суффиксом *-ов* из др.-греч. *архи-* 'главный' и русск. *плут* 'мошенник, жулик'.

Архи́пов — образованное суффиксом *-ов* из канонического м. л. и. Архипп (др.-греч. 'начальник всадников'). Из производных форм от того же имени образованы ф. ф. Архипенко(в), Архипкин, Архипович, Архипочкин, Архипцев, Архипцов, в контаминации с производными от других имен Арин, Аркин и др.

Архи́почкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной формы Архипочка от канонического м. л. и. Архипп (см. *Архипов*).

Архи́пцев, Архипцов — отчества, образованные из уменьшительной формы Архипец от канонического м. л. и. Архипп (см. *Архипов*); различие обоих вариантов — фонетическое.

Архире́ев — см. *Архиереев*.

Архо́нтов — ф. книжного происхождения, образованная по господствующей модели русск. ф. ф. с суффиксом *-ов* из др.-греч. *архонт* — высшее должностное лицо; в какой связи возникла ф. — неизвестно.

А́рцев — притяжательное прилагательное с возможным значением 'сын арца', т. е. прибывшего из г. Арск (ныне в Татарской АССР).

Арциба́сов, Арциба́шев, Арцибе́сов, Арцибу́шев, Арци́бышев — этимологии неизвестны. Ранние документации: 1550 г. — несколько Арцибашевых в опричнине (ТК, 252—253); 1584 — московский дьяк Андрей Арцыбашов (АИ I, 166); 1672 г. — во Владимире посадский Ондрей Павлов сын Арцибесов (Тупиков, 466); 1677 г. — помещик Арцибушев в Алексинском у. (ТКТК I, 234—235). Вероятно, польск. происхожд. (ти→ци).

Арцимо́вич — ф. блр. происхождения, образованная суффиксом *-ович* из м. л. и. Артим (от той же др.-греч. основы, как и Артемий — см. Артемьев), многократно документированного в Польше XV в. (SSNO I, 68—69). Характерна польск. черта: перед гласными переднего ряда $t \rightarrow \acute{c}$ (мягкая аффриката *ц'*), этот процесс датируют XIII—XV вв.

Арцихо́вский — ф. польск. происхождения, первоначально — обозначение по названию населенного пункта Арцихов; ф. документирована в Силезии в XIX в. (Rospond—SNŚ I, 9).

Арцише́вский — ф. польск. происхождения, первоначально обозначение по названию населенного пункта Арцишево — их в Польше несколько; ф. документирована в Силезии XX в. (Ros-

pond SNŚ I, 9); м. л. и. Arcisz документировано в Польше 1470 г. (SSNO I, 64).

Арча́ков — м. б. отчество из диалектного *арча́к* 1) тамбовское 'шея, хребет', 2) архангельское 'погонщик оленей' (Филин I, 281), ф. записана в с. Синие Липяги, Нижнедевицкого у. Воронежской губ. — 1858 г. (Воронеж, обл. архив, ф. 18, оп. I, № 360) и в с. Гасти Конецпольской волости Мещовского у. Калужской губ. 1924 г. (Калуж. обл. архив, ф. Р—79, оп. I, № 98).

Арчиба́сов — происхождение ф. неизвестно, см. Арцибасов.

Аршеневский — происхождение ф. неизвестно.

Арши́нников — отчество из прозвища *аршинник*: аршинников (сын); аршинниками в прошлом называли торговцев тканями — за аршин, который служил мерой; ф. в дошедших документах — с 1683 г.: в г. Дедилов кружечный голова А. (ДАИ X, 403).

Арши́нов — ф. связана с нарицательным *аршин* — мера длины и линейка этого размера для измерения тканей и др., слово могло стать прозвищем торговца тканями или человека небольшого роста; в диалектах слово имело и вторичные значения, которые могли породить прозвище ('сажень', 'мерка вина' — Филин I, 282).

Арыста́нов — отчество, образованное русск. суффиксом *-ов* из формы Арыстан, употребляемой в некоторых тюрк. языках, например, в казах., из иран. Рустам (др.-ир. 'могучий'), — см. также Арустамов.

Арья́нов — отчество с суффиксом *-ов*, возможно, из канонического м. л. и. Ариан (в речи Арьян), крайне редкого; ф. записана в Иркутске М. Б. Серебренниковой в 1969 г.

Арю́тов, Аря́бкин, Аря́ев, Аря́мкин, Аря́мнов, Аря́мов, Аря́нин — этимологии ф. ф. неизвестны, хотя непосредственные основы (например, отчество из уничижительной формы Арябка) видны, но их основы не найдены.

Аря́сов — м. б. отчество из прозвища Аряс от русск. диалектного *аряс* 'долговязый (высокий и худощавый)', если не от м. л. и. у других народов страны.

Аса́дов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Асад (араб. 'лев', переносно 'богатырь, могучий'), распространенного исламом у народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Сибири. Из фонетического варианта того же имени (с оглушеньем финального согласного) образована ф. Асатов.

Асадула́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из мусульманского м. л. и. Асадулла (араб. 'лев Аллаха').

Аса́дчих — происхождение ф. неизвестно. Очевидна связь с прилагательным *осадчий*, от которого в 1693 г. на Украине мещанин Иван Осадчий (Тупиков, 292). Но этимологическое значение неясно. Нарицательное *осадчик* 'тот, кто осаживает (коня, неуместную выходку и т. п.)', не исключена основа осада. Суффикс ф. *-их* и акающее произношение указывают на территорию возникновения в границах Орел—Курск—Воронеж—Тамбов.

Аршанинов — по-видимому, из *оршанинов*, означавшего 'сын оршанина', т. е. приезжего из гор. Орша.

Аса́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из м. л. и. Асай, в прошлом записанного у тюрк. народов Поволжья в форме Осай (Магницкий, 63); 1692 г. в Керенской десятне — мурзы Асай Уразов, Асай Нагаев, Асайка Делеев (ДПК, 453, 454, 460).

Аса́мов — этимология неясна.

Асанов — образованное русск. суффиксом *-ов* из м. л. и. Хасан (Асан, Гасан) — араб. 'хороший'; ф. возникла в Среднем Поволжье, в XVI в. известны крупнейшие тат. феодалы А.; в Среднем Поволжье и Башкирской АССР много селений Асаново.

Аса́ткин — отчество, образованное русск. суффиксом *-ин*, из уничижительной формы Асатка от м. л. и. Асад (см. следующ.)

Аса́тов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из формы Асат от м. л. и. Асад (см. *Асадов*) с оглушением согласного в финальной позиции; не исключена возможность формы Асат от канонических м. л. и. Азат и Иоасаф.

Асату́ров — отчество или непосредственно ф. с русск. суффиксом *-ов* из арм. м. л. и. в обиходной форме Асатур от канонического Аствацатур.

Асаулов — притяжательное прилагательное *есаулов* в значении отчества 'сын есаула' или принадлежности 'принадлежащий есаулу'; есаул — офицерский чин в дореволюционных казачьих войсках, в укр. языке *осавул* означало и офицера, и приказчика в помещичьем имении.

Аса́фов — образованное суффиксом *-ов* отчество из просторечной формы Асаф от канонического м. л. и. Иоасаф.

Аса́фьев — образованное суффиксом *-ев* отчество из основы Асафий, которая могла возникнуть как гиперкоррекция из формы Асаф (из канонического м. л. и. Иоасаф), ошибочно принятой за сокращенную от несуществующего м. л. и. Асафий, т. е. неправильно перенесенной в ряд Антон, Артем, Егор, которые действительно от Антоний, Артемий, Георгий.

Асе́ев — отчество из формы Асей (Осей — документировано в Новгородских кабальных книгах XVI—XVII вв.) от канонического м. л. и. Евсевий через повседневное Евсей; существовало и каноническое м. л. и. Осия. В прошлом у народов Поволжья записано м. л. и. Осей (Магницкий, 63, относит к чуваш.). Менее вероятно, но не вполне исключено, происхождение ф. из нарицательного *асей* в русск. северных говорах, обозначавшее англичанина (за частое англ. *I say* 'я говорю'); по смежности — вообще иноземца (Даль, I, 26) или тех, кто в Архангельском порту обслуживал иностранные корабли (Подвысоцкий).

Асе́нин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной формы Асеня от канонических м. л. и. Арсений, Евсевий и др. (Петровский, 251, привел 9 м. л. и., образующих эту форму); однако у народов Поволжья в прошлом записано м. л. и. Асен

(Магницкий, 30), допускающее иное происхождение, на тюрк. источник указывает частое у болгар м. л. и. Асен (БЕР I, 17—18).

Асенков — отчество с суффиксом *-ов* из производных форм Асенко, Асенок (о возможной основе — см. предыдущ.).

Асенов — отчество, возможная основа которого спорна (см. *Асенин*).

Асике́ев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество, основой которого могли быть: 1) просторечная форма Асикей от канонических м. л. и. Езекия и Иезикииль, 2) записанное в прошлом у народов Поволжья м. л. и. Осикей (Магницкий, 63, как предполагает, у чуваш).

Асикри́тов — упрощение из *Асинкритов* (см.).

Аси́лов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Асил (араб. 'благородный'), принесенного исламом; в форме Осил имя зарегистрировано в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 63).

А́син — образованное суффиксом *-ин* отчество из многих канонических м. л. и. (Петровский, 251, приводит 12 мужских и 12 женских имен, образующих эту форму); имя матери несравнимо реже служило основой для именования детей, чем имя отца, вероятней Александр, Анастасий, Арсений, Евсевий и др.; с середины XIX в. возможен литературный псевдоним из формы Ася от ж. л. и.

Аси́нин — образованное суффиксом *-ин* отчество из нецерковного м. л. и. Осина (от нарицательного *осина*) или из формы Асиня от одного из канонических м. л. и; возможна связь с *Асенин*; 1495 г. крестьянин Игнатко Осина, 1527 г. московский посол Иван Ляпун Осинин (Тупиков, 292 и 680), 1816 г. — купец А. в Кадашевской слободе Москвы (Архив Москвы, ф. 51, оп. 8, № 149).

Аси́нкри́тов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонического м. л. и. Асинкрит (др.-греч. 'несравненный'); та же ф. документирована и в таких написаниях, как Асикритов, Ассекритов.

Аскале́пов — образованное суффиксом *-ов* отчество от производной формы Аскалеп от одного из канонических м. л. и. Асклепий или Асклипиад.

Аскало́нов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонического м. л. и. Аскалон (др.-греч. 'нераскрытый, невозделанный'), впрочем, очень редкого в России.

Аска́ров — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из распространенного мусульманством м. л. и. Аскар (араб. *асгар* 'младший', м. л. и. — из составного Алиасгар, по сравнению с Алиакбар 'старший Али'). В тюрк. языках произошло смешение этого м. л. и. с другим, также араб., Аскар (араб. 'воин', первоначально 'войско' — см. *Аскеров*). Нет оснований привлекать герм. м. л. и. Оскар.

Аскарха́нов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из мусульманского составного м. л. и. Аскархан от м. л. и. Аскар (см. предыдущ.) и тюрк. титула *хан* 'правитель'.

Аске́ров — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из распространенного исламом м. л. и. Аскер (араб. 'воин', первоначально 'войско', в тюрк. языках стало нарицательным 'солдат').

А́скин — возможны различные источники ф.: отчество из формы Аска, возможной от многих канонических м. л. и. (Акалон, Асклепий и др.), м. л. и. Аска записано в прошлом у чуваш (Магницкий, 30), м. л. и. Аско есть у финнов (СЛИ, 197).

Аско́льдов — происхождение ф. неизвестно. Несомненна связь со скандинавским м. л. и. Аскольд, но на Руси оно было лишь дохристианским варяжским именем, в «святцы» не допущено и, следовательно, не могло употребляться русск. населением.

Аскоченский — этимология неизвестна.

Аслама́зов — этимология ф. неизвестна.

Асла́мов — образованное русск. суффиксом *-ов* из распространенного мусульманством м. л. и. Аслам (араб. 'здоровейший, невредимый').

Асланбе́гов, Асланбе́ков — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из тюрк. составного м. л. и. Асланбек (*аслан* из *арслан* 'лев', *бек*, *бег* — 'князь'), пришедшего в Россию с Сев. Кавказа в XVI в.

Асла́нов — 1) отчество с русск. суффиксом *-ов* из тюрк. м. л. и. Аслан 'лев' из *арслан* (выпадение *р* произошло еще в самих тюрк. языках, например, азерб.) в этой форме м. л. и. распространено мусульманством у многих не-тюрк. народов Кавказа (осетины, народы Дагестана и др.); 2) русск. адаптация арм. ф. Асланян.

Асля́ев — м. б. отчество от прозвища Асляй (например, из укр. *асля* 'осленок'), но это еще требует доказательств; ф. документирована в с. Жирное, Камышинского у. Саратовской губ. — 1858 г. (ЦГАДА, ф. 1262, д. 4402).

Асми́нин — образованное суффиксом *-ин* отчество из нецерковного м. л. и. Осмина (в акающих говорах — Асмина), от старинного русск. нарицательного *осьмина* 'восьмая часть' (доля владения, мера земли, мера веса зерна). У народов Поволжья в XVIII—XIX в. документировано м. л. и. Осминка (Магницкий, 63, по его мнению — у чуваш) — с русск. уничижительным суффиксом *-ка*. Ранняя документация (наверно, еще отчество): 1666 г. — посадский человек Логин А. в Воронежской Напрасной слободе («Воронежский юбилейный сборник» I, 1886, 233). Документировано и написание Асьминин: 1858 г. — купец Асьминин в г. Малоархангельске (Орловск. обл. архив, ф. 780, № 33).

Асмо́лов — этимология неясна; вероятно из Осмолов.

А́смус — ф. нем. происхождения; в Германии она возникла в позднем Средневековье — сокращение м. л. и. в лат. форме Эра́змус.

Асо́кин — очевидно, фонетический вариант ф. Осокин в акающем произношении. В основе нецерковное м. л. и. Осока: 1491 г. — Иван Осока, 1500 г. — Осока Борщов, в документах XVI—XVII вв. не единичны отчества — Олешка Осокин и др. (Тупиков, 292 и 681). Написание с инициальным А. — по московскому произношению.

Асо́нов — образованное суффиксом *-ов* отчество из Асон — краткая форма от канонического м. л. и. Аскалон, как указывает В. И. Васченко по данным у липован в Румынии, сохранивших архаические черты русск. антропонимии (В. И. Васченко. Об антропонимических особенностях одной великорусской микросистемы в иноязычной среде. — «Studia linguistica Slavico-Baltica», Lund, 1966, 319». Однако Б. А. Успенский связывает форму Асон только с каноническим м. л. и. Иасон (Успенский, 324).

Асо́сков — притяжательное прилагательное в функции отчества, из прозвища Ососок (в акающих говорах Асосок) от нарицательного *ососок* 'одинокий, беззащитный, сирота, обобранный соседями' (Даль, II, 640).

Асо́тиков, Асо́тов, Асо́цкий — происхождение ф. ф. не выяснено; м. б., связано с нарицательным *осо́т*.

А́спидов — вероятно, иронический псевдоним из *аспид* — русск. просторечное 'злой, жестокий' (из др.-греч. 'ядовитая змея'), построенный по господствующей модели русск. ф. ф. суффиксом *-ов*.

Асса́нов — см. Асанов.

Ассе́ев — см. Асеев.

Ассекри́тов — см. Асинкритов.

Аста́вин — этимология ф. не выяснена; связь с глаголом *оставить* не исключена, но и не доказана.

Аста́йкин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Астайка от старинного морд. м. л. и. Астай (Мокшин—СМИ, 113).

Аста́нин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Астаня от канонического м. л. и. Евстафий; форма документирована на блр. материале (Бірыла—Ба, 67).

Аста́нков — образованное суффиксом *-ов* отчество из нецерковного м. л. и. Останок (Селищев, 123) или из формы Астанко от канонического м. л. и. Евстафий через форму Астан.

Аста́нов — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Астан от канонического м. л. и. Евстафий (др.-греч. 'устойчивый, постоянный').

Аста́пенко(в) — образованное укр. и блр. суффиксом *-енко* отчество из формы Астап (Остап) от канонического м. л. и. Евстафий (см. *Астапов*); ф. могла дополнительно оформляться суффиксом *-ов* по господствующей модели русск. ф. ф.

Аста́пкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Астапка от канонического м. л. и. Евстафий через обиходную форму Астап (Остап).

Аста́пов — образованное суффиксом *-ов* отчество из обиходной формы Астап (Остап) от канонического м. л. и. Евстафий (др.-греч. 'устойчивый, постоянный'). Из других форм от того же м. л. и. развились ф. ф.: Астапенко(в), Астапкин, Астапович, Астафьев, Астафичев, Астахин, Астахов, Асташев, Асташенков, Асташкин, Асташков, Асташов, Евстафьев, Останин, Останкин, Остапов, Остапушкин, Осташев, Осташков, Стафеев, Стахеев и др. В России XVI—XVII вв. имя и производные от него формы преимущественно писались с начальным О- (так и в современном укр.); написание с А- (так в современном блр.) в России появилось позже. Замена безударного о → а происходила на любой стадии: имени, отчества, ф.

Аста́фичев — отчество, образованное суффиксом *-ев*, также из отчества, образованного суффиксом *-ич*: *астафичев*=сын Астафьича=внук Астафия; Астафий — производная форма от канонического м. л. и. Евстафий.

Аста́фьев — отчество, образованное суффиксом *-ев* из обиходной формы Астафий от канонического м. л. и. Евстафий (см. *Астапов*).

Аста́хин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Астаха от канонического м. л. и. Евстафий.

Аста́хов — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Астах от канонического м. л. и. Евстафий.

Асташев — образованное суффиксом *-ев* отчество из формы Асташ, возникшей в результате смягчения финального *-х* формы Астах (см. *Астахов*).

Асташенко(в) — образованное блр. и укр. суффиксом *-енко* отчество из формы Асташ (см. предыдущ.), ф. могла дооформляться суффиксом *-ов*, преобладающим в русск. ф. ф.

Аста́шин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Асташа от Асташ (см. *Асташов*).

Аста́шкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Асташка из Асташ (см. *Асташов*).

Аста́шков — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Асташко от Асташ (см. следующ.); в окающем произношении Осташко (примеры из документов XV в.: Тупиков, 292; АЮ, 271), соответственно ф. Осташков, того же происхождения название г. Осташков.

Асташо́в — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Асташ от Астах (в свою очередь производная форма из канонического м. л. и. Евстафий). Форма Асташ (в написании также и с инициальным О-) нередка в Польше (SSNO, 69) и в Белоруссии, где примеры в документах с 1528 г. (Бірыла — БА, 67).

Аствацату́ров — образованная русск. суффиксом *-ов* ф. из арм. м. л. и. Аствацатур 'бог дай'; в повседневной речи м. л. и. изменилось в Асатур, от которого возникла ф. *Асатуров*.

Астеми́ров — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из тюрк. м. л. и. Астемир (от тюрк. *темир* 'железо', 1-й компонент

спорен), например, у кумыков, распространилось и у многих нетюрк. народов Кавказа — осетин, чеченцев, кабардинцев.

Астрада́мов — по преданию, ф. началась с молодого дворянина, посланного Петром I на обучение в Голландию, якобы отсюда Амстердамов, переделанное на родине в А.

Астрами́ров — образованное суффиксом *-ов* из др.-русск. дохристианского м. л. и. Остромир (Новгородский посадник Остромир в XI в.), безударное *о* → *а* закономерно в акающих говорах. Но серьезные сомнения вызывает огромный хронологический разрыв между датой документации имени и временем возникновения ф. ф. в России. Если имя не употреблялось в этот промежуток 5—6 столетий, оно не могло стать источником ф., а при позднем книжном происхождении необъяснимо фонетическое написание (с инициальным А вместо орфографического О).

Астра́тов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонических м. л. и. Острат и Евстратий.

Астрау́хов — притяжательное прилагательное из нецерковного м. л. и. Остроух; в документах XVII в. по Белоруссии нередко: Адам Остроух, Пилип Остроух и др. (Бiрыла—БА, 242; Тупиков, 293). Форма с *-ов* могла выражать отчество или принадлежность. 1858 г. — крестьяне А. в с. Гвазды, Павловского у. Воронежской губ. (Воронежский обл. архив, ф. 18, оп. I, № 375), XIX в. — тамбовские помещики А.

Астраха́нкин — образованное суффиксом *-ин* притяжательное прилагательное в функции отчества («чей сын») из основы, закрепившейся как прозвище Астраханка (по месту прежнего жительства), которое могло быть обозначением матери или отца — называние из имени матери несравненно реже; прозвища мужчин в такой форме (Иван Рязанка и т. п.) нередки в старых документах.

Астраха́нский — первоначально означало приезжего с Нижнего Поволжья.

Астраха́нцев — образованное суффиксом *-ев* отчество: 'сын астраханца' из обозначения отца по месту прежнего жительства или из прозвища отца, ведшего торговлю с Астраханью и т. п.

Астре́ев — ф. дворян в бывш. Калужской губ. прослежена в прошлое до предка по имени Острейка в «Дозорной книге Калуги» 1617 г.; в типичной попытке приукрасить свою генеалогию потомки-дворяне анекдотически связали ф. с именем античной богини Астрея («Известия Калужской ученой архивной комиссии», № 1, Калуга, 1891, 30); в действительности м. л. и. Острей слав. происхождения; ф. Ostrejko в Польше 1670 г. (J. S. Bystroń. Nazwiska polskie. Lwów, 1936, 284).

Астре́ин — отчество из нецерковного м. л. и. Острей в форме Острея (в акающих говорах безударное *о* → *а*); в прошлом у русск. обычны окончания м. л. и. на *-а* (орфографически в том числе и на *-я*, это *а* после мягкого согласного).

Астре́инов — вторичная производная форма (Острея — Остреин — Остреинов), могла служить отчеством с суффиксом *-ов* из от-

чества же с суффиксом *-ин*, т. е. быть дедичством; иная возможность — обозначение крепостных, принадлежащих Астреину (см. предыдущ.).

А́стрин — образованное суффиксом *-ин* притяжательное прилагательное, в основе которого возможны: 1) наименование цветка *астра* (такое происхождение м. б. только поздним и книжным, возможно в духовной семинарии или в качестве литературного псевдонима), 2) форма Астра от одного из канонических м. л. и. (см. следующ.)

А́стров — вероятней отчество из краткой формы Астр от канонических м. л. и. Острат, Евстратий, Астерий или от нецерковного м. л. и. Острей. Притяжательное прилагательное от нарицательного *астра* по законам русск. языка требовало суффикса *-ин*.

Астро́жников — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное от нарицательного *острожник*, в акающем произношении; обозначало 'потомок острожника'; если наименование отца возникло в XVII—XVIII вв., оно означало не 'заключенный в остроге' (т. е. в тюрьме), как позже, а 'строитель острогов' (т. е. крепостей).

Астро́мов — этимология неясна; косвенные следы отдаленной основы м. б. сохранило диалектное *остромок* 'охапка, небольшой воз сена, соломы'; ненадежно предполагать и упрощение из *Астрономов*.

Астроно́мов — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное в функции отчества (сын астронома) или принадлежности (крепостной астронома, слуга астронома); профессия астронома в старой России была редкостью, ф. могла быть дана в духовной семинарии за проявленный интерес к звездам.

Астрю́хин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Астрюха, возможной от канонических м. л. и. Евстратий, Острат, Астерий; ф. записана в г. Дорогобуж, Смоленской обл., 1968 г.

Астуков, Астырев, Асфаров — этимологии ф. ф. невыяснены.

Асфендия́ров — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из распространенного исламом др.-иран. м. л. и. Исфандияр, известного, например, у башкир в форме Асфандияр (СЛИ, 71) и ф. Асфандияров; из того же имени — ф. выдающегося арм. композитора А. А. Спендиарова.

Ася́мочкин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной (м. б. иронической) формы Асямочка; неясно, от какого м. л. и. или прозвища возникла эта форма; ф. записана в Астрадамовском районе Ульяновской обл.; из чув.?

Ася́нин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной формы Асяня, источник которой спорен; ф. была частой в с. Пиловальные заводы, Курмышского у. 1900 (ныне с. Пильна в Горьковской обл.); из чув.?

Ася́ткин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Асятка от м. л. и. у народов Поволжья, в основе возможно мусульманское м. л. и. Асад (см. *Асадов*).

Атаба́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из тюрк. м. л. и. Атабай (тюрк. *ата* 'отец', *бай* 'богатый'), употребительного в прошлом у тюркоязычных народов Поволжья (Магницкий, 30) и заимствованного от них мордвой. Из того же м. л. и. — названия селений Атабай, Атабаево в Татарской АССР и Удмуртской АССР.

Атабе́ков — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество, из тюрк. м. л. и. Атабек (тюрк. *ата* 'отец', *бек*, *бег* 'князь', имя — из титула, означавшего опекуна, воспитателя наследников у сельджукских султанов, затем — главу феодального княжества в Азербайджане, позже только как пожелание почета), имя было нередко на Кавказе и в Поволжье.

Ата́вин — этимология неясна; связь с нарицательным *отава* 'трава' не исключена, но требует доказательств.

Ата́ев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество из почтительного обращения к старшему, в основе которого тюрк. *ата* 'отец, господин'. В татар. диалектах (например, в хвалынском) *атай* 'отец' («Диалектологический словарь татарского языка», Казань, 1969, 52), так в мар. языке под влиянием татар.; это могло стать прозвищным м. л. и. на почве русск. языка с последующим возникновением отчества и ф. Имя упоминается в 1584 г. — Атай федоров сын, боярский сын в Торжке (Тупиков, 32).

Атакль́ічев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество (или непосредственно ф.) из туркм. м. л. и. Атаклыч (*ата* 'отец', *клыч* 'меч, сабля').

Ата́ков — см. **Атя́ков.**

Атаку́лов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из тюрк. м. л. и. Атакул (*ата* 'отец', *кул* 'раб', буквально 'отца раб', но оба составных компонента утратили в антропонимии лексические значения, став лишь имяобразующими элементами).

Аталы́ков — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из тюрк. м. л. и. Аталык из *аталык* 'отцовство, отцовский', во вторичном значении 'правда, верное слово' (из первоначального значения 'отцовское'), например, в казах. языке. В прошлом м. л. и. Аталык записано у народов Поволжья, предположительно у чуваш (Магницкий, 30); ранняя документация имени — Аталык Сидоров сын Бокеев, помещик в Муроме 2-й половины XVI в. (ТК, 262); 1610 г. — вотчинник Микита А. в Серпейском у. — вероятно, еще отчество (АЗР IV, 361).

Атама́ненко(в) — образованное укр. суффиксом *-енко* отчество из *атаман* (см. следующ.), ф. могла дополнительно оформляться преобладающим суффиксом русск. ф. ф. *-ов*.

Атама́нов — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное из *атаман* — 'командная должность в казачьих войсках, также — предводитель разбойничьей шайки' из этого — прозвище (Тупиков 32—33), *атаманов* в значении отчества 'сын атамана' или принадлежности.

Атама́нских — прилагательное в форме родит. падежа множ. числа (на вопрос «чьих?») из основы *атаман* (см. *Атаманов*) могло означать или потомков, или зависимых; ф. ф. этой формы распространены на территории Орел—Курск—Воронеж—Тамбов.

Атамура́дов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из мусульманского составного имени Атамурад (араб. м. л. и. Мурад — 'желанный' и тюрк. антропонимический компонент *ата* — первоначально 'отец', позже — формальный элемент, выражающий почтение).

Атана́сов — образованное суффиксом *-ов* отчество из обиходной формы Атанас от канонического м. л. и. Афанасий (см. *Афанасьев*), господствующей для этого имени в болг. языке и одной из главных в укр. (кроме Апанас и Панас).

Атания́зов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из мусульманского составного м. л. и. Атанияз (перс. *нияз* 'нужда, дар', о тюрк. компоненте *ата* см. *Атамурадов*).

Ата́нов — этимология неясна.

Ата́пин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Атапа от канонического м. л. и. Евстафий (см. *Астапов*), — форма Атап от этого м. л. и. документирована в блр. антропонимии (Бірыла—БА, 67).

Ата́ров — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из м. л. и. Атар, в прошлом нередкого у тюрк. народов Поволжья (Магницкий, 30).

Атау́лин — отчество или непосредственно ф. с русск. суффиксом *-ин* из мусульманского м. л. и. Атаулла (араб. 'дар Аллаха'). Т. к. в прошлом ф. зафиксирована у татар, не исключено происхождение из прозвищного м. л. и. от диалектного татар. *атаулы* 'знаменитый, известный' («Диалектологический словарь татарского языка», Казань, 1969, 52).

Атаха́нов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из тюрк. м. л. и. Атахан (первоначально *ата* 'отец', *хан* 'правитель', впоследствии лексические значения этих компонентов стерлись, это лишь антропонимические знаки).

Атема́сов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из старинного м. л. и. Атемас у народов Поволжья: у мордвы (Мокшин—СМИ, 113), у марийцев — 1668 г. «козмодемьянский черемис Адемаска Чюрачков» (ДНУАК XV, в. 6, 1915, 5).

Атишев, Атишин — образованные русск. суффиксами *-ев* и *-ин* отчества из тат. м. л. и. Атиш, записанного в XVIII—XIX вв. у народов Поволжья (Магницкий, 30) и производной от него формы Атиша.

Атка́рский — первоначально означало прибывшего из г. Аткарска (теперь в Саратовской обл.)

Атла́нов — отчество с русск. суффиксом *-ов* из м. л. и. Атлан, записанного в XVII—XVIII вв. у народов Поволжья, предположительно у чуваш (Магницкий, 30).

Атла́сов — образованное суффиксом *-ов* отчество из нецерковного м. л. и. Атлас, неоднократного в документах XVI—XVII вв. (Тупиков, 33); у народов Поволжья записано в XVIII—XIX вв. Атляс — предположительно у чуваш (Магницкий, 30); у некоторых народов, например, у узбеков, употребительно и поныне.

Атлётов — образованное суффиксом *-ов* отчество из прозвища Отлёт (диалектное, в значениях 'отколовшийся, отселившийся, уезжающий из деревни'); обычное написание с *е* вместо *ё* провоцирует на ошибочное чтение и переосмысление по современному нарицательному *атлет*.

Атма́кин — этимология не найдена; ф. документирована 1870 г. в списке рекрутов Лукояновского уезда Нижегородской губ. Горьк. обл. архив, ф. 1606, оп. 1690, № 22.

Атраме́нтов — из польск. *atrament* 'чернила'; м. б., прозвище канцеляриста или литературный псевдоним; ф. встречается и в искаженной форме Артаментов.

Атро́хин — образованное суффиксом *-ин* отчество из блр. формы Атраха от канонического м. л. и. Трофим (Бірыла — БА, 162—163).

Атро́хов — ф. блр. происхождения из краткой формы Атрох от канонического м. л. и. Трофим (Б. А. Успенский, 256).

Атро́щенко(в) — образованное блр. и укр. суффиксом *-енко* отчество из нередкой в Белоруссии XVII—XVIII вв. формы Атрошко от канонического м. л. и. Трофим (Бірыла — БА, 162).

Атрубя́нников — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное в значении отчества: отрубянников (сын), т. е. сын торговца отрубями. В описи Воронежской Напрасной слободы 1666 г. посадский человек Сафон А. («Воронежский юбилейный сборник», I, Воронеж, 1886, 233).

Атрыга́ньев — при возможной этимологической связи с глаголом *рыгать* (сравн. *отрыжка*), возможно, в диалектном значении — рязанск. *отрыгнуться* 'ожить' (Оссовецкий, 381), м. б. не лишне — рассмотреть и другую возможность, привлекая чеш. этимологическое гнездо *otrhaný* 'оборванный', *otrhanec* 'оборванец'.

Атта́ров — см. *Атаров*.

Аттиков — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонического м. л. и. Аттик.

А́ттин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уменьшительной формы Аття, возможной от канонических м. л. и. Атт, Аттал, Аттика, Аттик, Аттон и др.

Атутов — происхождение ф. неизвестно, как и место ударения. Не связано ли с морд. л. и. Атют (Мокшин—МДА, 64)? Или м. б. существовало личное прозвище Атут (сравн. польск. *atut* 'козырь')? — но это только предположение, не подкрепленное ничем.

Атьков — образованное суффиксом *-ов* отчество из прозвищного имени Атёк от диалектного *атёк* 'отец' — рязанск., пензенск. (Филин I, 289).

Атю́кин — отчество с русск. суффиксом *-ин* из м. л. и. Отюка, записанного в XVII—XVIII вв. у народов Поволжья (Магницкий, 63); ф. записана в Казани 1970 г.

Атя́ев — образованное русск. суффиксом *-ев* притяжательное прилагательное в функции отчества от *атяй*, возникшего как фонетический вариант от татар. (и мар.) *атай* 'отец' (см. Атаев), морд. *атя* 'муж, пожилой мужчина, старик'. Ранние документации (очевидно, еще отчества): 1495 г. — помещик Семен Федоров сын Отяев, 1547 г. — суздальский писец Стефан Тимофеевич Отяев (Тупиков, 682), 1669 г. — морд. мурза Девайко А. (ДПК, 215).

Атя́кин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Атяка, от записанного в прошлом у народов Поволжья м. л. и. Атяк (Магницкий, 30); в русских говорах *атяка* от диалектной основы *атя* 'отец' — тамбовск.; рязанск., тульск. — Филин I,292), эрз. *атя* 'муж, пожилой мужчина', мокш. *атя* 'старик, дед'; заимствования из тюрк. *ата* 'отец'. (См. также *Атьков*, *Атюкин*).

Атя́кшев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество из морд. м. л. и. Атякш 'петух'; ф. записана в с. Мусорка, Ставропольского у., Самарской губ., 1911 г.

Атя́нин — отчество с русск. суффиксом *-ин* из мокш. атяня 'старичок' (Евсевьев, 28).

Атя́скин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Атяска от Атяс (см. следующ.)

Атя́сов — отчество с русск. суффиксом *-ов* в основе которого вероятно м. л. и. Атяс из нарицательного со значением 'петух': удм. *атас*, башк. *этэс* (произносится близко к *атяс*). Из того же имени — название с. Атясево в Татарской АССР (см. также следующ.).

Атя́шев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество из м. л. и. Атяш у народов Поволжья в прошлом, например, у мордвы (Мокшин—СМИ, 113). На то же имя указывают названия селений Атяшево в Мордовской АССР и Башкирской АССР. Возможна связь м. л. и. Атяш, Атясь, Атяс (см. предыдущ.) в языках народов Поволжья.

Ауно́вский — этимология неизвестна.

Ауслéндер — ф. нем. происхождения, нем. *Ausländer* 'иноземец'.

Афаки́ров — отчество, по-видимому, из канонического м. л. и. Аввакир, очень редкого в прошлом и давно забытого.

Афана́сенко(в) — образованное укр. и блр. суффиксом *-енко* отчество из канонического м. л. и. Афанасий (см. *Афанасьев*).

Афана́сов — отчество, образованное суффиксом *-ов* от речевой формы Афанас из канонического м. л. и. Афанасий (см. следующ.)

Афана́сьев — образованное суффиксом *-ев* отчество из канонического м. л. и. Афанасий (др.-греч. 'бессмертный'). Из производных форм от того же имени произошли ф. ф. Апанасевич, Апанасенко(в), Апанасов, Апанин, Атанасов, Афанасенко(в),

Афанасов, Афонаскин, Афонасьев, Афоников, Афонин, Афоничев, Афонченко(в), Афончиков, Афонькин, Афоньшин, Афонюшкин, Афонякин, Афоняшин, Афошин, Афтонасьев, Офанасьев, Панасенко(в), Панасюженков, Панасюк, Танасиенко, Фонин, Фоничкин, Фоняков и др. (в некоторых возможны контаминации с производными от других канонических м. л. и. — Агафон, Агафоник, Аффоний и пр.). В XVII в. часто написание Офанасьев (Там. кн. I, см. по указателю).

Афендýлов — происхождение ф. неизвестно.

Афéрин, Афéров, Афéрьев — происхождение ф. ф. неизвестно.

Афиногéнов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонического м. л. и. Афиноген (др.-греч. 'потомок Афины'). Другие ф. ф. из вариантов того же имени: Анфиногенов, Анфиногентов, Апфиногенов, Афиногентов, Финогенов, Финогентов, Хенков, м. б. из этого же Фиников, возможно и Генин (но вероятней из производной формы от Геннадий).

Афиногéнтов — отчество из Афиногент (испорченная форма м. л. и. Афиноген — см. предыдущ.)

Афицинский — этимология неясна.

Афонáский — отчество с суффиксом *-ин* из уничижительной формы Афонаска от канонического м. л. и. Афанасий (см. *Афанасьев*).

Афонáсьев — см. правильное *Афанасьев*.

Афóников — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Афоник, возможной от канонических м. л. и. Афанасий, Агафон, Агафоник, Аффоний.

Афóнин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Афоня от канонического м. л. и. Афанасий (см. Афанасьев), возможно от других канонических м. л. и., но по сравнению с ним они у русских были очень редкими (Агафон, Агафоник, Арфоний). Форма Афоня обычна в документах XVI в., например, в «Дворцовой тетради»: Афоня Семенов сын Телятева в Суздале, Офоня Давыдов сын Борисова, Офоня Федоров сын Семенова, Афоня Петров сын Голостенов в Старице, Афоня Васильев сын Зегзелин в Можайске, Афоня Васильев сын Козминского, Афоня Ильин сын Изъединов в Твери и мн. др. (ТК, 154, 157, 185, 196, 197).

Афóничев — образованное суффиксом *-ев* отчество также из отчества Афонич, образованного суффиксом *-ич* от формы Афоня (см. предыдущ.); *афоничев* 'сын Афонича, внук Афони'.

Афóнников — ошибочно из *Афоников* (см.)

Афóнский — ф. связана с топонимом Афон — название горы в Греции с монастырем, который усиленно рекламировали в дореволюционной России. Но характер связи ф. А. с этим топонимом неясен.

Афóнченко(в) — образованное укр. и блр. суффиксом *-енко* отчество из формы Афонка от канонических м. л. и. Афанасий, Агафон или др. (см. *Афонин*); ф. могла получать дополнительное оформление по господствующей модели русск. ф. ф. — суффикс *-ов*.

Афо́нчиков — образованное суффиксом *-ов* отчество из уменьшительной формы Афончик от форм Афон, Афоня, возможных из канонических м. л. и. Афанасий, Агафон, Агафоник, Аффоний.

Афо́нькин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Афонька от канонического м. л. и. Афанасий (менее вероятно от Агафон, Агафоник, Аффоний).

Афо́ньков — образованное суффиксом *-ов* отчество из формы Афонько (Афонко) от канонических м. л. и. Афанасий, м. б. Агафон, Агафоник, Аффоний; ф. документирована в д. Виял, Мещовского у. Калужской губ., 1924 г. (Калуж. обл. архив, ф. Р—79, оп. I, № 98).

Афо́ньшин — отчество с суффиксом *-ин* из формы Афоньша от тех же канонических имен, как и Афоня (см. *Афонин*).

Афо́нюшкин — отчество с суффиксом *-ин* из уменьшительной формы Афонюшка от тех же канонических м. л. и., как и Афоня (см. *Афонин*).

Афонякин — отчество с суффиксом *-ин* из формы Афоняка от тех же канонических м. л. и., как и Афоня (см. *Афонин*): ф. записана в Хвастовичском р-не Калужской обл., 1961 г.

Афоня́шин — отчество с суффиксом *-ин* из формы Афоняша от тех же канонических м. л. и., как и Афоня (см. *Афонин*).

Афошин — отчество с суффиксом *-ин* из формы Афоша от тех же канонических м. л. и., как и в *Афонин*.

Афраме́ев — см. *Афромеев*.

Афре́мов — ф. связана с каноническим м. л. и. Ефрем (др.-евр. название одного израильского племени), но связь эта не одноступенчата и не однолинейна, во-первых, через ступень отчества, во-вторых, через фонетические изменения: *е* (*елень*, *един*, *Елена*) → *о* (*олень*, *один*, *Олёна*), в акающем произношении в *а*. Поэтому пути могли быть различными:

ф. *Афремов* ←	ф. *Офремов* ←	ф. *Ефремов*
↑	↑	↑
отч. *афремов* ←	отч. *офремов* ←	отч. *ефремов*
↑	↑	↑
м. л. и. *Афрем* ←	м.л.и. *Офрем* ←	м.л.и. *Ефрем*

Африка́нов — образованное суффиксом *-ов* отчество из канонического м. л. и. Африкан (лат. ‘происходящий из провинции Африка’, в первые века христианства).

Африка́нтов — фонетическое изменение из *Африканов* (см. предыдущ.) по ложной аналогии с многочисленными nomina agentis, содержащими *-ant-* (фабрикант, музыкант и пр.).

Афрои́мов — ф. образована из евр. м. л. и. Эфроим по господствующей модели русск. ф. ф. с суффиксом *-ов*.

Афроме́ев — образованное суффиксом *-ев* отчество из просторечной формы Афромей, производной от канонического м. л. и.

Варфоломей, не исключена контаминация с производной формой от м. л. и. Ефрем. С дальнейшими фонетическими изменениями появлялись другие формы, так возникли ф. ф. Афрамеев, Ахромеев. Ранняя документация (вероятно, еще отчество): 1666 г. — стрелецкий десятник А. в Воронеже («Воронежский юбилейный сборник», I Воронеж, 1886, 230).

Афро́симов — фонетическое изменение из *Абросимов*? Отчество от канонического м. л. и. Ефросин (см. следующ.) требовало бы *Афроси́мов*.

Афро́син — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Афрося, возможной от различных канонических м. л. и.: Амвросий (см. *Амвросиев*), Евфросин и Ефросий. Привлекать каноническое ж. л. и. Евфросиния менее надежно, т. к. несравнимо реже обозначали по имени матери, чем отца.

Афроси́ньин — образованное суффиксом *-ин* притяжательное прилагательное, означавшее сына по имени матери (из формы Афросинья из канонического ж. л. и. Евфросиния) или отца (из формы Афросиня, от канонических м. л. и. Амвросий, Евфросим, Ефросий, с последующим переосмыслением по частой форме ж. л. и.); обозначение несравнимо реже из имени матери, чем отца.

Афро́ськин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Афроська, в свою очередь образованной из формы Афрося (см. *Афросин*).

Афру́ткин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Афрутка, возможной от канонического м. л. и. Афродисий (православная церковь канонизовала 9 «святых» с этим именем).

Афте́ньев — образованное суффиксом *-ев* отчество из формы Афтень или Афтений. Явна параллель с молд. ф. Афтене (Н. д. п., 78) — уменьшительная форма от м. л. и. Ефтимине (в России — Евфимий, обиходное Ефим). Только специальное исследование м. б. установило бы время и место и условия возникновения этой параллели.

Афтона́сьев — отчество из диалектной формы Афтонасий от канонического м. л. и. Афанасий (см. *Афанасьев*); форма Афтанас, например, зафиксирована в Закарпатье (В. Г. Николаенко. Прізвіща, утворені від власних особових імен — в сб. «Територіальні діалекти і власні назви», Київ, 1965, 268).

Аха́дов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из мусульманского м. л. и. Ахад (араб. ‘один, единственный’); в ряде языков оно подверглось фонетическим изменениям, которые в результате привели к появлению ф. ф. Ахатов, Акатов.

Аха́лин — если ф. притяжательное прилагательное («чей?»), то его основой можно предположить прозвище Охала из диалектного *охала* ‘охальник, ругатель, озорник’ (Даль, II, 799) с *о* → *а* в акающих говорах.

Аха́нов — образованное русск. с суффиксом *-ов* отчество, основой которого могли быть: 1) тюрк. м. л. и. Ахан, записанное

в русск. документах XVII—XVIII вв. у народов Поволжья в виде Охан (Магницкий, 63); 2) прозвище Ахан из диалектного сибирского *ахан* 'плут, пройдоха'; 3) прозвище Охан из диалектного глагола *оханить* 'прикидываясь больным, хилым, при людях стонать, охать, отвиливая от работы' (Даль II, 802, с пометой — вологодск.) 1683 г. — Василий А., донской казачий атаман (ДАИ X, 170).

Аха́пкин — ф. как будто побуждает предположить основу Ахапка (Охабка, Охапка), это могло быть уничижительной формой от м. л. и., но ни в одном именнике народов нашей страны не найдено м. л. и., от которого вероятна эта форма. М. б. допустить происхождение из глагола *охапить* 'обнять, охватить', также 'обобрать, ограбить' (Даль II, 651), в акающих говорах безударное *о* → *а*. 1690 г. — Оска Охапкин в Нижнем Новгороде (Тупиков, 683).

Аха́тин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество из формы Ахата, возникшей от мусульманского м. л. и. Ахад (см. Ахадов) после оглушения финального согласного; ф. документирована в с. Можаров Майдан (ныне Пильнинский р-н Горьковской обл.), 1900 г.

Аха́ткин — образованное суффиксом *-ин* отчество из уничижительной формы Ахатка у народов Поволжья из мусульманского м. л. и. Ахад (см. следующ.).

Аха́тов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество от Ахат из мусульманского м. л. и. Ахад (см. *Ахадов*) с оглушением финального гласного. В XVIII—XIX вв. у народов Поволжья записано м. л. и. Охат (Магницкий, 63); есть казах. м. л. и. Акат (см. также *Акатов*, *Ахаткин*).

Ахвердиев, Ахве́рдов — русск. переоформление арм. ф. Ахвердян; по этимологическому значению тождественно ф. *Аллавердов*.

Ахлёстышев — отчество с суффиксом *-ев* из прозвища от *ахлёстыш* 'обитый кнут, голый прут', которое могло означать худого, сухощавого человека или доведенного до крайности нуждой.

Ахлы́нов — этимология неясна; м. б. связано с диалектным глаголом *охлынуть* 'обмануть' (тверск. — Даль, II, 800).

Ахлю́стин — отчество из прозвищного м. л. и. Охлюста (Селищев, 121), вероятна связь с глаголом *охлюстать* 'очень измарать одежду' (Даль II, 651), в акающем произношении.

Ахаде́ев, Ахмади́ев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество из форм Ахмадей, Ахмадий у тюркоязычных народов Поволжья из мусульманского м. л. и. Ахмад (см. *Ахматов*).

Ахаду́л(л)ин — образованное русским суффиксом *-ин* отчество из мусульманского составного м. л. и. Ахмадулла (м. б. из Ахмадоглы 'сын Ахмада'), которое теперь почти полностью вышло из употребления. В повседневной речи *лл* упрощалось в *л*.

Ахмана́ев — образованное русск. суффиксом *-ев* отчество из м. л. и. Ахманай у народов Поволжья (например, у татар, удмур-

тов), в котором спорна и основа Ахман (см. Ахманов), и элемент *-ай*.

Ахма́нов — происхождение ф. неясно. Видная лингвистка О. С. Ахманова сообщает, что ее предки носили ф. Ахматовы, позже ф. подверглась искажению. Но случайное искажение исключено многочисленными фактами. В документах XVII в. А. неоднократны: Ахмаметко А. в числе морд. и татар. мурз в Саранске 1669 г. (ДПК, 233), казанский ясашный татарин А. и др. (вероятно, еще отчества). Несомненно, что существовало м. л. и. Ахман (Акман?). На него указывают также: наличие ф. Ахманаев (см.) и названия населенных пунктов: Ахман — северней Тюмени, Ахманец в Чуваш. АССР, Ахманова, Ахмановка в бывш. Мамадышском и Арском у. Казанской губ. 1781 г. В русск. документах XVIII—XIX вв. записано у народов Поволжья м. л. и. Акман (Магницкий, 26), которое указывает на более вероятное происхождение. Нет никаких оснований привлекать другое мусульманское м. л. и. Рахман.

Ахма́ров — ф. или сначала отчество с русск. суффиксом *-ов* из мусульманского м. л. и. Ахмар у татар (араб. 'красный').

Ахма́тов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из очень частого мусульманского м. л. и. Ахмад (араб. 'славнейший, наипохвальный'), но с оглушением финального согласного в ряде языков (например, башк., татар., карачаев.). Ранние документации: 1677 г. — помещик Юрий А., московский подьячий Ивашко А. (Тупиков, 466).

Ахмату́ллин — см. *Ахмадуллин.*

Ахмеджа́нов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из мусульманского составного м. л. и. Ахмеджан — араб. м. л. и. Ахмад (см. *Ахматов*) и перс. *джан* 'душа', превратившееся в формальный антропонимический элемент для выражения почтительности, со стершимся лексическим значением. Фонетическим вариантам имени соответствуют ф. ф. Ахмаджанов, Ахматзянов, Ахмедзянов, Ахметжанов.

Ахмедзя́нов — аналогично ф. *Ахмеджанов* (см.), но на почве башк. языка, в котором элемент *джан* произносится *дзян.*

Ахме́дов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из очень частого мусульманского м. л. и. Ахмад (см. *Ахматов*), с изменением гласного в перс., некоторых тюрк. и др. языках (лезг.).

Ахметзя́нов — см. *Ахмедзянов.*

Ахме́тов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество, из очень частого мусульманского м. л. и. Ахмад (см. *Ахматов*) с заменой гласного и оглушением финального согласного (напр., в казах.)

Ахме́тшин — основанное русск. суффиксом *-ин* отчество из мусульманского составного м. л. и. Ахметшах : Ахмет (см. предыдущ.) + иран. *шах* (титул перс. царей, в антропонимии стал украшающим элементом без к.-л. лексического значения), в не-

которых языках, например, в башк., татар., финальный согласный отпал, так образовалась форма м. л. и. Ахметша.

Ахмин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество из краткой формы из мусульманского м. л. и. Ахмед (см. *Ахмедов*): форма Ахмо от этого имени зафиксирована у тюркоязычных народов (см. B. N. S e h s u v a r o g l u. «Proceedings of the Eighth International Congress of onomastic sciences». The Hague—Paris, 1966, 486); в русск. документах XVIII—XIX вв. у народов Поволжья записано м. л. и. Ахми (Магницкий, 64), у татар оно бытовало и в 30-х гг. нашего столетия.

Ахмы́лов — образованное суффиксом *-ов* отчество из нецерковного м. л. и. Ахмыл неизвестного происхождения, но зафиксированного очень рано: 1332 г. — в Новгородской летописи упомянут новгородский посадник Федор Ахмыл (Тупиков, 33); в XVII в. — рязанский помещик Васька Михайлов А. (Тупиков, 466), м. б. это не отчество, а ф., потому что в Алфавите рязанских помещиков 1722 г. есть А.; 1781 г. — с. Ахмылово в Козьмодемьянском уезде Казанской губ.

Ахраме́ев — см. *Ахромеев.*

Ахра́мочкин — отчество из уменьшительной формы Ахрамочка от Ахромей (см. Ахромеев); ф. документирована в Хвастовичском р-не Калужской обл. — территория наибольшего скопления ф. ф. с *-очкин.*

Ахра́ров — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из мусульманского м. л. и. Ахрар от перс. Ходжа ахрар 'властелин тайн' (Гафуров, 167), на мусульманском Востоке; носители родового имени Ахрари претендовали на происхождение от известного суфия XV в. Ходжи Ахрара. В тадж. языке — Ахрор, соответственно ф. *Ахроров.*

Ахроме́ев — образованное суффиксом *-ев* отчество из формы Ахромей от канонического м. л. и. Варфоломей через промежуточную форму Вахромей; не исключено, что эти фонетические изменения отчасти связаны и с переосмыслением по созвучию с *охрометь* 'стать хромым', но достаточны и историко-фонетические основания (отсутствие звука *ф* в др.-русск. и статистически-огромная предпочтительность в русск. яз. позиции *р* после согласных, а не перед ними, поэтому *рф* → *хр*). Б. А. Успенский склонен видеть в Офремей гиперкорректную форму от Ефрем, но приведенные им же промежуточные формы Вахрамей и т. п. подтверждают основу Варфоломей (Успенский, 238 и 175). Блр. антропонимисты категорически связывают Ахрамей с Ефрем (Судник, 20; Бірыла—БА, 74); вероятна контаминация производных форм от обоих имен.

Ахро́ров — см. *Ахраров.*

Ахрю́шин — образованное суффиксом *-ин* отчество из формы Ахрюша от одного из канонических м. л. и. — Афр и т. п. или из искаженной формы Ахромей (см. *Ахромеев*).

Ахта́мов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из принесенного исламом м. л. и. Ахтам

(араб. 'беззубый'); в Среднем Поволжье татар. и чуваш. в результате фонетических изменений — Ахтямов; м. л. и. Ахтям и сейчас нередко у башкир и татар.

Ахты́рский — первоначально означало прибывшего из г. Ахтырка (ныне в Сумской обл. Укр. ССР).

Ахты́рцев — образованное суффиксом *-ев* притяжательное прилагательное в функции отчества 'сын ахтырца', т. е. прибывшего из Ахтырки (см. предыдущ.)

Ахтя́мов — см. *Ахтамов.*

Аху́лков — этимология неясна. Возможно отчество, образованное суффиксом *-ов*, но от какой основы? М. б. из формы Ахулко, производной от канонического м. л. и. Аккул (есть и ф. Окулов) или из прозвища Охулка от глагола *охулить* 'осудить, охаять'.

Аху́ндов, Аху́нов — образованное русск. суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное из мусульманского м. л. и. Ахунд от тюрк. *ага* 'господин' и перс. *худаванд* с тем же значением (Гафуров, 167) стало обозначать старшего муллу; во многих тюрк. языках (азерб., башк., татар., туркм., узб.) финальное *-д* утрачено — Ахун; *ахундов*, *ахунов* — значило 'сын, потомок ахуна' или 'принадлежащий ахуну'.

Аху́тин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество из формы Ахута от м. л. и. Ахут, записанного в прошлом у народов Поволжья (Магницкий, 31, по его данным — у чуваш); не исключена иная основа отчества — возможное прозвище Охута от глагола *охутить* 'спрятать, убрать, приберечь' (Даль II, 802).

Ахшару́мов — в 1-й половине XVIII в. в Россию переехал один из груз. князей Георгий Ахшаруми, его дети с 1752 г. именуются А., по модели русск. ф. (РГ I, 87—93). В Грузию ф. могла попасть из Армении, но и армянский язык не объясняет ее этимологию.

Аца́ркин — этимология неясна. Вероятно отчество из уничижительной формы Ацарка, но ее основа не найдена.

Ача́сов, Ача́тов, Ачи́лов — происхождение ф. ф. неизвестно.

Ачка́сов — этимология неясна; ф. очень давняя: 1423 г. — московский дьяк Тимофей Очкасов (Тупиков, 683) — еще отчество; в середине XVI в. двое Очкасовых внесены в «Тысячную книгу» (ТК, 37); в конце XVI в. Салтан Ачкасов в Новгороде (НЗКК), 1666 г. — стрелецкий десятник А. в Воронеже (ВЮС I, 229); XVIII в. — казанские помещики А., 1971 г. — ф. А. в Москве.

Аша́ев — отчество с русск. суффиксом *-ев* из старинного морд. м. л. и. Ашай, в документах — Ошай (Мокшин—СМИ, 113).

Аша́нин — этимология неизвестна. Форма ф. позволяет предположить образованное суффиксом *-ин* притяжательное прилагательное, вероятно, из Ошаня (есть и ф. Ошанин), оно могло быть прозвищем от диалектного глагола *ошануть* 'едва дотронуться, слегка прикоснуться' (Даль II, 806, с пометой «владимирское»), но это еще нуждается в доказательствах. Из ранних документаций (еще отчества: 1490 г. — Аврамий Ошанин, келарь в Ярославле,

1564 г. — Василий Ошанин сын, московский дворянин (Тупиков, 683).

Ашаренков, Аша́рин, Аша́ринов — происхождение ф. ф. неизвестно. Слабую нить, м. б., указывает диалектное *ошара* — 'воришка, пьянюга'; 'кабак на окраине'; в Нижнем часть города звалась ошарой — это глушь и притон мошенников (Даль II, 652—653); *о* → *а* закономерно, но этого слишком мало для обоснования такой этимологии.

Ашáстин — возможно отчество от прозвища по диалектному глаголу *ошастать*, значения которого различны, например, 'ходить ощупью, как слепой', 'обтолочь, оббить', *ошастаться* 'обиться, обтолкаться в свете' (Даль II, 806).

А́шешев — этимология неизвестна; звукового сходства с эрз. *ашижа* 'беловатый' совершенно недостаточно — она м. б. случайным совпадением.

А́шин, А́шинов — происхождение ф. ф. не выяснено.

Аши́ров — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из мусульманского м. л. и. Ашир (араб. 'десятый', первоначально это имя давали рожденному в 10-й день месяца мукаррам, затем рожденному в любой день того же месяца, позже и это значение стерлось, имя продолжали употреблять независимо от этимологического значения).

Ашитков — м. б. образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из формы *Ашитко от возможного м. л. и. Ашит (в Башк. и Тат. АССР есть также топонимы Ашит). Старинное чеш. м. л. и. Ошитка (Ošitka) приводит Я. Свобода, связывая (хотя и под вопросом) с ošiditi 'обмануть' (Svoboda, 204).

Ашкена́зи — из нарицательного ашкенази — наименование восточноевропейских евреев; (есть и в различных других написаниях — Ашкенадзе, Аскеназ(и) и т. д.); от А. — средневекового евр. условного назв. Германии от искаженного библейск. *скиф*.

Аши́хмин — происхождение ф. неизвестно. Документирована: 1893 г. — Кривчиково, Кромского у. Орловской губ., 1904 г. — с. Лютое, Ливенского у. той же губ.

Ашма́рин — удовлетворительного объяснения нет. Словообразовательно и фонетически оправдано образование ф. из притяжательного прилагательного *ашмарин* от диалектных основ *ошмара* 'род палицы' или 'большой кистень' — вологодское, *шмарить* 'хлестнуть, больно ударить' — новгородское, владимирское, симбирское, южное (Даль II, 807), однако, возможность — еще не доказательство. М. б. связано с Ахмар (см. Ахмаров) или с *шмар-* (ср. Шмаринов)? Из документаций: 1534 г. — Ивашко Ошмарин, боярский сын в Новгороде (Тупиков, 684); 1635 г. — Сава Ошмара в Тотьме (Там. кн. I, 502).

Ашмя́нский — первоначально обозначение прибывшего из г. Ошмяны (сев.-зап. Белоруссии, зона лит. топонимов с *-яны*).

Ашни́н — по мнению лингвиста-тюрколога Ф. Д. Ашнина его ф. — из ир. *ашнэ* 'друг, товарищ', возможное место возникнове-

ния ф. — Нижняя Волга, где работали многочисленные грузчики персы. Но м. б. связано с этнонимом *аши* 'кабардинец' у абхазов? Записана ф. в Тиинском р-не Ульяновской обл., 1933 г. среди тат. населения.

Ашра́тов, Ашра́фов, Ашря́тов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество (или непосредственно ф.) из мусульманского м. л. и. Ашраф (араб. 'почитаемый, уважаемый'), которое в тюрк. языках Поволжья могло произноситься также Ашрат, Ашрят.

Ашу́кин — для возникновения ф. пока не найдено другого источника, кроме диалектного *ашука* 'обман, надувательство', из которого (через прозвище?) могло образоваться притяжательное прилагательное ашукин, как обозначение потомков, уж без всякой связи с исходным лексическим значением. Неясна возможность фонетического изменения из Ашухин или обратно, но и та ф. остается нераскрытой.

Ашу́рков — связано с диалектным *ошурок* 'остаток пищи, объедок, выварки сала, подонки масла и т. п.' (Даль II, 807) или 'рваная одежда, лохмотья' (смоленское). Из этого могло возникнуть прозвище Ошурок, отчество от которого закрепилось как ф.; другой путь, возможный после установления массы ф. ф., — прилагательное от к.-л. из тех же основ — *ошурков*, ставшее затем ф. (минуя стадии прозвища Ошурок и отчества от него). В безударной позиции переход *о* → *а* в акающих говорах обязателен. 1495 г. — крестьянин Ошурок, 1539 г. — холоп Ошурок, отчества — 1546 — белозерский крестьянин Степан Ошурков, 1652 г. — Карпушка Ошурков, стрелецкий пятидесятник в Тюмени (Тупиков, 294 и 684).

Ашу́ров — отчество с русск. суффиксом *-ов* из мусульманского м. л. и. Ашур или Ашир (см. *Аширов*).

Ашу́тов — отчество с русск. суффиксом *-ов* из м. л. и. Ашут, существовавшего в прошлом у народов Поволжья, судя по производной от него уничижительной формой Ашутка в русск. документах XIX в. (Магницкий, 31).

Ашу́хин — см. *Ашукин*.

Ащегу́лов — очевидно, фонетический вариант из *Ащеулов* (см.).

Аще́пков — отчество с суффиксом *-ов* из нецерковного м. л. и. Ощепок (в акающем произношении — Ащепок). 1501 г. — Ощепок Сумаков сын (Тупиков, 294); ф. записана в с. Каменка Чембар. у. 1917 г. (Пенз. обл. арх., ф. 158, оп. 3, № 4646).

Аще́рин — отчество из нецерковного м. л. и. Ощера (в акающем произношении — Ащера). 1446 г. — боярин Иван Ощера в Москве (Тупиков, 294), 1476 г. — окольничий Иван Васильевич Ощера (РК, 17), 1495 г. — крестьянин Осташ Ощера, 1556 г. — новгородский подьячий Ощера Юрьев сын Скобельцина (Тупиков, 294). Имя, вероятно, из прозвища по диалектному *ощера* 'сердитый, зубоскал' (Даль, II, 807).

Ащеу́лин — отчество с суффиксом *-ин* из прозвища Ащеула от диалектного *ащеула* (см. *Ащеулов*).

Ащеу́лов — образованное суффиксом *-ов* притяжательное прилагательное в значении отчества от нецерковного м. л. и. Ащеул из прозвища, в основе которого диалектное нарицательное *ащеул* 'зубоскал, насмешник' (Филин I, 300, с пометой: новгородское, тверское, тульское, рязанское). 1635 г. — Иван Ощеул в Тотьме (Там. кн. I, 526), 1677 г. — несколько А. в пензенских десятнях, м. б. еще отчества (ДПК, 54—55), 1681 г. — Микита Васильев сын А. (ДАИ, IX, 172). Документировано и Ащегулов — крестьяне в с. Покровское, Звенигородского у. Московской губ. 1840 г. (ЦГАДА ф. 1291, № 217). В рязанских и тульских говорах бытовало также нарицательное *ащеула* с тем же значением, производное от него притяжательное прилагательное требовало суффикса *-ин* и соответственно ф. Ащеулин. В 1917 г. ф. А. записана в с. Ртищево, Керен. у. Пенз. губ. (Пенз. обл. арх., ф. 158, оп. 3, № 3794).

Аю́бов — образованное русск. суффиксом *-ов* отчество из мусульманского м. л. и. Аюб (фонетическая адаптация библейского м. л. и. Иов), в ряде языков (например, в татар.) финальный согласный оглушен, отсюда ф. Аюпов.

Аю́гин — отчество с русск. суффиксом *-ин* из м. л. и., записанного в русск. документах XVIII—XIX вв. у народов Поволжья в форме Аюха (Магницкий, 31).

Аю́пов — см. *Аюбов*.

Аюха́нов — отчество с русск. суффиксом *-ов* из м. л. и. Аюхан у тюрк. народов, например, у башкир.

Аю́шин — образованное русск. суффиксом *-ин* отчество из монг. м. л. и. Аюша, существующего и теперь в монг., бурят., калмык. (СЛИ, 134; А. А. Дарбеева. К вопросу о социальной сущности личных имен в монгольских языках. — «Ономастика», М., 1969, 48); этимология имени 'долговечный' (эпитет Будды).

Ая́нов — образованное русск. суффиксом *-ов* прилагательное, вероятно, отчество из м. л. и. Аян у бурят (СЛИ, 93) от эвенк. *айан* 'путник, езда'. Менее вероятно обозначение прибывшего из населенного пункта Аян (этот топоним неоднократен в Сибири и на Дальнем Востоке), — суффикс *-ов* в таком значении необычен.

И. М. Оранский

INDO-IRANICA. 1—4

Наряду с известным фактом генетической общности индоарийских и иранских языков, в обширной зоне, лежащей на стыке этих языковых групп, можно наблюдать ряд ареальных схождений, не вытекающих непосредственно из их генетического родства. Такие явления могут быть отмечены в области фонетики, грамматического строя, лексики и словообразования индоарийских языков центральной и северо-западной части Индийского субконтинента, с одной стороны, и ряда «пограничных» иранских языков (пашто, ормури, парачи, памирские, белуджский, таджикско-персидские диалекты Афганистана и Южного Таджикистана) [1], с другой. Некоторые типологически однородные явления могут, вероятно, объясняться независимым параллельным развитием исходного материала и указывать на общность тенденций историко-типологического развития родственных языков (одним из примеров такого параллельного развития могут служить типологически и семантически единые модели глагольного словообразования в ряде индоарийских и иранских языков — так называемые сложнодеепричастные глаголы типа хинд. *leke jānā*, тадж. *girifta raftan* 'унести'). Другие факты ареальных схождений могут объясняться только длительными контактами «пограничных» индоарийских и иранских языков или же явлениями субстрата. При этом иранские и индоарийские языки могли подвергаться воздействию местного протоарийского субстрата как независимо друг от друга, так и опосредованно. Имеются, например, основания, полагать, что в ряде случаев иранские языки «пограничной» зоны, вытеснившие в некоторых регионах индоарийскую речь, подвергались воздействию этого протоарийского субстрата через

---

[1] Г. Моргенстьерне был, кажется, первым, кто применил по отношению к ряду иранских и индоарийских языков Гиндукуша и Памира (парачи, ормури, памирские, мунджанский-йидга, пашаи) термин «Indo-Iranian Frontier Languages». Именно под этим названием им издана известная серия трудов, посвященная изучению названных языков (IIFL, vol. I—III. Oslo, 1929—1967). В указанных трудах, как и в работе о лингвистической экспедиции в Афганистан (Morgenstierne, Report I), нашла наиболее полное свое выражение мысль о многотысячелетних интенсивных взаимовлияниях между «пограничными» индоарийскими и иранскими языками. Из новейших работ см. также: Д. И. Эдельман. Основные вопросы лингвистической географии. На материале индоиранских языков. М., 1968.

посредство языков индоарийских (к этому кругу проблем относятся, по-видимому, вопросы об индоарийских и восточноиранских церебральных, о некоторых фонетических инновациях в «пограничных» иранских диалектах [2], об общей для ряда «пограничных» языков лексике невыясненного происхождения).

Тесная генетическая общность между индоарийскими и иранскими языками и наличие длительных и устойчивых контактов между индо- и ираноязычными народами по обе стороны лингвистической границы позволяли им, по-видимому, сохранять известный уровень языкового взаимопонимания на протяжении очень длительного времени, может быть, вплоть до ахеменидского периода [3]. В этих условиях, наряду с процессами языковой дифференциации, в области стыка индоарийских и иранских языков развивались и явления ареальной конвергенции, которые, наслаиваясь на исконную генетическую общность, образовали как бы второй этаж этой общности.

Лексическое взаимодействие между иранскими и индоарийскими языками прослеживается на всем протяжении их истории и доподлинно фиксируется иранскими заимствованиями в древнеиндийский, во всяком случае, начиная с периода, когда экспансия Ахеменидской державы достигла бассейна Инда, ср., например, др.-инд. *kṣatrapa-* 'сатрап, наместник', *kūrpāsa-* 'кольчуга, латы', *dipi-* (в надписях Ашоки) / *lipi-* 'письмо, указ, постановление', *gañja-* 'сокровищница', *gañjavara-* 'казначей', *yavana-* 'грек, чужеземец' и др. из др.-перс. *xšaϑrapāvan-*, **kṛp-pāϑra-* ('защита тела'), *dipī*, **ganza-*, **ganzabara-*, *yauna-* [4]. Отмечена иранская

---

[2] См., например, И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 242, 307, прим. 32; Д. И. Эдельман. Проблема церебральных в восточноиранских языках. — ВЯ, 1963, № 5, стр. 74; Она же. Основные вопросы. . ., стр. 5 и др.

[3] Насколько можно судить по краткой информации М. А. Дандамаева (ВДИ, 1973, № 1, стр. 229—230), на этом вопросе останавливался в своем докладе на Международном конгрессе иранистов в Ширазе (октябрь 1971 г.) Г. Моргенстьерне.

[4] Исследования и публикации последнего времени вскрывают историко-культурную обстановку, на фоне которой могли происходить эти заимствования. К давно уже известным фактам доставки материалов из Индии для строительства царских дворцов (см. надпись Дария I о строительстве дворца в Сузах — DSf) и участия индийских военных отрядов в походах Ксеркса (Her. VII, 65, 86; VIII, 113; IX, 31) прибавились, например, сведения об индийских военных поселенцах в Ниппуре и его окрестностях, содержащиеся в вавилонских документах V в. до н. э. из архива торгового дома Мурашу (этой справкой я обязан любезности М. А. Дандамаева. См. теперь также: Г. М. Бонгард-Левин. Индия эпохи Маурьев. М., 1973, стр. 46—47); в опубликованных недавно эламских табличках из Персеполя, относящихся к 509—494 гг. до н. э., нередко упоминаются индийцы (induš), ездившие с разными поручениями из Индии в Сузы и обратно. Упоминаются в этих табличках и соседние с Индией сатрапии (Гандхара, Арахозия), с которыми также поддерживались оживленные сношения (см. R. T. Hallock. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969, N 1318, 1556, 1558, 1397, 1437, 1511, 2057 и т. д.).

лексика и в пракритских, греческих и арамейских версиях надписей Ашоки (III в. до н. э.) [5]. К древнеиранскому восходит, возможно, как это предположил недавно Х. Бэйли [6], и само название древнеиндийского письма кхароштхи (*kharoṣṭhī* < др.-ир. *xšaϑra-pištra-* 'имперское письмо'), представленного на северо-западе (Мансехра, Шахбазгархи) наскальными эдиктами Ашоки на северо-западном (гандхарском) пракрите [7]. Пятью веками позже мы встречаем этот же северо-западный пракрит в оболочке того же письма кхароштхи далеко на Востоке — в документах из Крорайны (Вост. Туркестан). Занесенный из Гандхары (район современного Пешавера), этот пракрит подвергся здесь заметному влиянию иранской речи, что и нашло свое отражение в его лексике. С другой стороны, индийская лексика, многочисленные заимствования из санскрита и пракритов (в т. ч. и из упомянутого пракрита документов из Крорайны) вливались в иранские языки Восточного Туркестана — хотаносакский и тумшукскосакский. Имеются индийские заимствования и в парфянском (зафиксированы начиная с III в. н. э.), и в согдийском, особенно многочисленные, разумеется, в языке согдийско-буддийских текстов.

В последующие эпохи персидские (в т. ч. арабо-персидские) лексические (и словообразовательные) элементы широким потоком хлынули через новоперсидский литературный язык в новые индоарийские языки. Обратный процесс — проникновение индоарийских элементов в новоиранские языки — происходил, вероятно, напротив, преимущественно на путях живого языкового общения. Этот процесс лишь в очень незначительной степени отразился в лексике современного литературного персидского языка [8], но заметно повлиял на лексику тех иранских языков и диалектов, развитие которых протекало на территориях, непосредственно примыкающих к индоарийскому языковому ареалу или на территориях, где индоарийские языки были распространены в прошлом. Наиболее ощутимо присутствие индоарийского элемента,

---

[5] Из последних работ см. D. Schlumberger, L. Robert, A. Dupont-Sommer, É. Benveniste. Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka. — JA, t. CCXLVI, fasc. 1, 1958, стр. 36 ff.; É. Benveniste. Édits d'Asoka en traduction grecque. — JA, t. CCLII, fasc. 2, 1964, стр. 140 ff.; М. Н. Боголюбов. К чтению арамейской версии кандагарской надписи Ашоки. — ИАН СССР, СЛЯ, т. XXVI, вып. 3, 1967, стр. 264—268.

[6] H. W. Bailey. A Half-Century of Irano-Indian Studies. — JRAS, 1972, N 2, стр. 103.

[7] С точки зрения культурно-исторической, такое предположение подкрепляется тем фактом, что в северо-западных областях империи Ашоки сохранялись традиции иранской государственной канцелярии эпохи Ахеменидов, в частности, употребление арамейского языка и письма. Именно к последнему и восходит индийское письмо кхароштхи.

[8] Хотя, разумеется, в персоязычной (особенно прозаической) литературе, создававшейся в позднее средневековье на территории Индии, количество заимствований из хиндустани довольно значительно.

естественно, в лексике пашто [9], ормури и парачи [10], в мунджанском-йидга [11], отчасти также в лексике памирских языков [12]. Однако этот элемент может быть выявлен и в персидско-таджикских говорах Афганистана, и — далее к северу — в таджикских говорах Горного Таджикистана. Некоторые такие слова вошли в употребляемую в Афганистане письменную разновидность персидского языка — афгано-(кабульско-)персидский (современное конституционное название «дари»), и в таджикский литературный язык, образуя ряд лексических дифференций между литературным таджикским и «дари», с одной стороны, и современным литературным персидским, с другой.

Иранская по происхождению лексика составляет весьма значительную часть словаря новых индоарийских языков и давно уже является предметом исследования индологов. Вклад индоарийской лексики в новоиранские языки значительно скромнее и проявляется нередко лишь в лексике диалектной. Однако и этот вклад не следует игнорировать, ибо исследование его способствует уяснению путей формирования иранских языков и диалектов на территории Афганистана, Южного Таджикистана и сопредельных районов.

Открываемая этими предварительными замечаниями серия этимологических заметок под общим названием «Indo-Iranica» не ставит, разумеется, своей целью анализ всего обширного комплекса вопросов, связанных с лексическим взаимодействием иранских и индоарийских языков. Задача ее много скромнее. Эти заметки сосредоточиваются вокруг того общего лексического фонда, который складывался постепенно в зоне стыка «пограничных» языков, и задача их ограничена попыткой рассмотреть происхождение и ареал распространения некоторых элементов этого общего фонда.

И. И. Зарубин, констатируя в работе 1927 г., что «в клубке языков, окружающих восточный Гиндукуш, имеется много словарных элементов, общих двум или нескольким языкам», считал в то время преждевременным «говорить о заимствовании одним языком из другого; осторожнее, — писал он, — пока ограничиться лишь установлением факта большей или меньшей лексической общности рассматриваемых языков. . .» [13] Накопление за последние десятилетия новых обширных материалов особенно по бесписьменным языкам и диалектам этого региона позволяет сегодня

[9] См. Morgenstierne, Report I, стр. 12 и др.; ID., An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927. См. также: Н. А. Дворянков. О взаимоотношении пашто с индийскими языками. «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». М., 1968, стр. 409 сл.

[10] См. IIFL I. Oslo, 1929.

[11] Ibid., vol. II. Oslo, 1938.

[12] Там же.

[13] И. И. Зарубин. Вершикское наречие канджутского языка. Очерк по диалектографии Гиндукуша. — ЗКВ II, 2, 1927, стр. 314. Ср. также IIFL II, стр. XIV.

с большей уверенностью говорить о направлении лексических заимствований.

В двух нижеследующих заметках сделана попытка проследить историю и ареал распространения в иранских языках и диалектах двух слов индоарийского происхождения, обозначающих предметы материальной культуры.

1. Тадж. *kat*[14]

Во многих районах Таджикистана и Узбекистана (возможно, также в других районах Средней Азии и сопредельных стран) под этим словом понимается широкий деревянный помост на четырех ножках, обнесенный с трех сторон деревянными же перильцами (нередко резными). Стоит он обычно в саду, во дворе или на улице перед домом, покрывается паласом или ковром; на таком помосте отдыхают, едят, пьют чай, беседуют, в теплое время года — также спят. Помещается на нем — в зависимости от величины — 5—10 человек. Средневековые персидские фарханги и вслед за ними известный словарь Вуллерса (I. A. Vullers) приводят под вокабулой *kat* (کت) обычно три значения: 1) 'трон'; 2) 'бревно, палка, доска'; 3) 'ров, яма, канава'. Засвидетельствовано это слово и в тюркских языках Средней Азии: чаг. کت 1) 'трон, седалище, скамья вообще'; 2) 'носилки для мертвеца' (во 2-м значении у Бабура) (В. В. Радлов, Л. З. Будагов), узб. обл. *kat* 'широкая деревянная кровать'. В современном персидском это слово неупотребительно или малоупотребительно [15], и некоторые авторы с полным основанием рассматривают, например, наличие слова *kat* 'кровать' в иудейско-персидских текстах из Бухары как черту специфически таджикскую [16]. Впрочем, некоторые современные персидские словари, регистрируют слово *kat* (کت) [17], приводя его обычно в двух значениях: 1) '(подземный) канал, кариз'; 2) 'трон' (во втором значении засвидетельствовано уже у автора X в. Абушукура Балхи) [18].

---

[14] Доклад, читанный на научной сессии Ленинградского отделения И-та востоковедения АН СССР (апрель 1970 г.). См. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткие сообщения и автоаннотации. VI Годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. . .». М., 1970, стр. 160. Печатается с дополнениями.

[15] Ср., впрочем, совр. перс. *nimkät* (*nim-kät*) 'скамья'; ср. также *kätexab-e väršöu̯* 'кровать с мельхиоровыми ножками' в записях ширазских свадебных песен (см. А. М. Шойтов. Ширазские свадебные песни. — НАА, 1968, № 6, стр. 134, стих 11).

[16] См. G. Lazard. La Dialectologie du Judéo-Persan, «Studies in Bibliographie and Booklore», vol. VIII, N 2—4. 1968 (Cincinnati, Ohio), стр. 85.

[17] См., напр., S. Haïm. New Persian-English Dictionary. Tehran, 1936, s. v. (с пометой «Rare» — 'редко'); H. F. J. Junker und Bozorg Alavi. Persisch-Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1965, s. v.

[18] См. «Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX)» . . . Дар зери таҳрири М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Маъсумӣ, т. I. М., 1969, s. v. *кат*.

Как представляется, с точки зрения историко-этимологической здесь перед нами два различных по происхождению слова: первое из них ('канал') продолжает (с сохранением *-t-*) др.-перс. *ka(n)ta-* 'выемка', 'котлован', 'ров' (?), засвидетельствованное надписью Дария I о строительстве дворца в Сузах (DSf, 25) и восходящее к др.-ир. *kan-* 'копать'; второе ('трон') вместе с тадж. *kat* 'помост', 'кровать' казалось бы на первый взгляд возможным связать с др.-ир. (ав.) *kata-* 'камера', 'кладовая', 'погреб'[19], откуда могли развиться значения 'помещение' → 'место для жилья' → 'место для сна, отдыха' и т. п. Однако, если др.-ир. *kata-* действительно восходит к др.-ир. *kan-* 'копать' (В. И. Абаев) [20] и обозначало первоначально нечто окопанное, огороженное, обнесенное рвом, валом или стеной (откуда развились впоследствии значения 'дом', 'жилище', 'квартал', 'деревня', 'укрепленное поселение', 'город' и т. п.), то сближение тадж. *kat* в интересующем нас значении с этой основой представляется с семантической точки зрения не вполне удовлетворительным.

С другой стороны, от тадж. *kat* неотделимы, по-видимому, каб. *čaparkat* 'койка', *nimkat* 'откидное кресло'[21], пар. *kaṭ* 'кровать'[22], афг. (пашто) *kaṭ* 'койка, кровать' с производными *kaṭkā́i̯*, *kaṭgā́i̯* 'табуретка', 'небольшая кровать', *čaparkaṭ* 'кровать, койка', *kaṭṓṭkai̯* 'колыбель, люлька', *kaṭola* 'паланкин невесты', *kaṭpərai̯* 'веревка, которой скрепляют койку', *kaṭbun* 'растительное волокно, идущее на плетение коек', *kaṭbāṇ* 'мастер, плетущий веревочные сетки для кроватей'[23]; ср. еще *takya katkai̯* 'кресло из резного дерева с плетеным сиденьем' (в Свате)[24], ишк. *kaṭ* 'люлька, привязанная между двумя деревьями' (с производным глаголом *kaṭ-*: *kaṭьd-* 'качать, укачивать ребенка в колыбели')[25], сар. *kat* [в со-

---

[19] AiWb., 432. К сохранению поствокального *t* ср., например, тадж. *katak* 'конура, будка, курятник' наряду с *-kada* 'дом' (в *otaš-kada* 'храм огня', *but-kada* 'храм, капище идолопоклонников', *mai̯-kada* 'питейный дом' и т. п.); ср. также тадж. *katbonu / kadbonu* 'хозяйка дома' и т. п. Формы с поствокальным *t* указывают на заимствование из таких восточноиранских языков, которые сохраняли др.-ир. *-t* (ср., напр., согд. *w't*, ягн. *wot* 'ветер' < др.-ир. *vāta-*, ягн. *kat* 'дом' и т. д. В персидском и таджикском др.-ир. *-t* > *-d*).

[20] См. ТИЯЗ VI, 1956, стр. 442 сл. В ностратических построениях В. М. Иллич-Свитыча др.-ир. *kata-* 'камера, кладовая' связывается со слав. **kotъ*, **kotьcь* 'плетеное сооружение' и возводится к и.-е. **ket-* '(плетеное) сооружение', которое в свою очередь сближается с дравид. основами со значением 'связывать, строить' (тамил. *kaṭṭu* и т. д.). Согласно Иллич-Свитычу, все эти группы слов восходят к ностр. *ḳadʌ* 'сплетать (из прутьев)'. См. В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. . . М., 1971, стр. 316—317.

[21] Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь. М., 1950, s. v.

[22] IIFL I. Oslo, 1929, стр. 268.

[23] М. Г. Асланов. Афганско-русский словарь (пушту). М., 1966, s. v.

[24] Великолепные фотовоспроизведения таких кресел из музея в Свате см. в кн.: «Folk Tales of Swāt». Collected and Translated by Inayat-ur-Rahman. Part I. Rome, 1968 (Istituto Italiano per il Medio de Estremo Oriente. Centro Studi e Scavi Archeologici in Asia. . ., vol. XIII, 1), Fig. 88—94.

[25] Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык. М., 1959, стр. 209.

четании *kat δod (aw)* 'укладывать спать'][26], бад. *katak / katək* 'веревочная люлька'[27], вах. *kaṭh, kʌt* 'кровать'[28]. Всю эту группу слов следует, по-видимому, связывать с соответствующим словом в новых индоарийских языках: хинд. *khāṭ* 'кровать', гудж., мар., неп., кум., бенг. *khāṭ*, пандж., ла. *khaṭṭ*, паш. *kaṭ*, *kāᵃṭ*, *xōṭ* и т. д.[29] (к др.-инд. *khā́ṭvā-* 'кровать')[30]. Этимологические связи др.-инд. *khā́ṭvā-* остаются недостаточно ясными. Как справедливо отмечает М. Майрхофер, сопоставление с дравид. *kaṭṭil* 'кровать' ненадежно[31]. Отвергается Майрхофером также сопоставление с др.-инд. *kaṭa-* 'похоронные носилки'[32]. Между тем, представляется весьма соблазнительным связать оба эти слова с др.-инд. *káṭa-* 'плетенка, цыновка, мат'[33], тем более, что основную часть обоих предметов материальной культуры, обозначаемых этими словами, первоначально составляла, по-видимому, плетеная сетка. Плетенка же составляла основную часть трона (кресла) *kat*. Небезынтересно привести в этой связи толкование, содержащееся в известном толковом словаре Burhān-i Qāṭiʿ (XVII в.): kat — ba fatḥ-i avval va sukūn-i s̱ānī taxt-i pādšāhān-rā gōyand ʿumūman va taxt-i pādšāhān-i hīndūstān-rā xuṣūṣan ki miyān-i ān-rā bāfta bāšand... «*kat* — с огласовкой первого знака фатха [= *a*] и второго — сукун [= ноль звука] — [так] называют трон падишахов вообще и трон падишахов Индии в особенности, середину которого плетут»[34].

Г. Моргенстьерне связал пар. *kaṭ* 'кровать' с соответствующим словом в пашаи и лахнда[35]. В настоящей заметке сделана попытка дать этимологию и проследить распространение индоарийского по происхождению слова *kaṭ / kat* (с производными) в иранских языках среднеазиатско-афганского ареала, откуда оно могло распространиться и далее на запад (см. сноску 15).

---

26 Т. Н. Пахалина. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971, s. v.
27 А. З. Розенфельд. Бадахшанские говоры таджикского языка. Л., 1971, стр. 106.
28 D. L. R. Lorimer. The Wakhi Language, II. London, 1958, стр. 110. К соотношению *ṭ — t* ср. афг. *kaṭá*, хаз. *kaṭa* 'большой, огромный, важный, старший' — шугн.-барт.-руш. *katanák*, тадж. обл. (дарв.) *katanā́*, ишк. *katá* с тем же значением.
29 О формах этого слова по различным говорам пашаи см. IIFL III, 3, s. v. (согласно Моргенстьерне, некоторые из этих форм могли проникнуть в пашаи через афганский); сводку различных форм этого слова в дардских и кафирских языках см. G. Fussman. Atlas Linguistique des Parlers Dardes et Kafirs, II. 1972, стр. 211—212 (там же о возможных путях заимствования этого слова в пашаи).
30 См. Turner, N 3781.
31 Mayrhofer, Lief. 5, 1955, стр. 298 (s.v. *khā́ṭvā*). Ср. прим. 20.
32 Ibid., Lief. 3, 1954, стр. 142 (s.v. *kaṭaḥ* 2); Lief. 5, 1955, стр. 298 (s. v. *khā́ṭvā*).
33 К соотношению *kh- — k-* ср. др.-инд. *khaṭa-* и *kaṭa-* 'трава', *khaṇḍanam* и *kaṇḍanam* 'дробление, размалывание', *khū́rdate* и *kurdati* 'прыгает, скачет', *kharpara-* и *karpara-* 'сосуд, горшок, корзина' и т. д.
34 Аналогичные толкования встречаются и в более ранних словарях (XIV в.).
35 См. IIFL I, 1929, стр. 268.

2. Тадж. обл. *manǰa*

В таджикских и таджикско-персидских говорах Южного Таджикистана и Афганистана, в афганском, мунджанском и памирских языках широко распространено — с незначительными фонетическими вариациями — слово *manǰa*, соответствующее по значению тадж. *kat* (см. выше): вандж. *manǰa*[36], бад., мад. *manǰa*[37], ишк. *manǰá*[38], язг. *mənǰá*[39], сангл. *manǰē*[40], вах. *manǰa*[41], мундж. *mānǰo*[42], афг. *manǰ*[43]. В персидском это слово, как кажется, не засвидетельствовано[44], что наводит на мысль о возможных его ареальных связях с соответствующим словом в новых индоарийских языках: хинд. *mā̃čā*, *mā̃ǰa*, пандж., ла. *mañǰā*, синд. *mañǰo*, паш. *mánǰū*, парья (Гиссар) *manǰi*[45] и т. д. (к др.-инд. *mañca-* 'платформа')[46]. Ср. еще *man* (из **manč* или **manc̣*) 'земляная платформа' в бурушаски[47]. На раннем этапе истории индоарийских языков эта же основа (санскр. *mañcaka-* 1. 'ложе, сиденье, место'; 2. 'место, подставка для огня', пали *mañca-*, *mañcaka-* 'кровать') была заимствована в один из древнеиранских языков — именно в хотаносакский, где она засвидетельствована в специализированном значении 'сооружение, подставка для огня' (*maṃkyo*, *maṃco*)[48]. Тэрнер возводит (под вопросом) др.-инд. *mañca-* к $\sqrt{mac}$ 'месить, замешивать' ('*knead*'), 'возрастать, увеличиваться' ('increase'), 'поднимать, воздвигать' ('raise')[49]. На индийское происхождение этого слова в мунджанском, сангличском и ваханском указал в свое время Г. Моргенстьерне[50]; вандж. *manǰa* сопоставлялось также с соответствующим словом в пашто и в хинди[51]. Расширение материала позволяет

---

36 А. З. Розенфельд. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964, стр. 101.

37 D. L. R. Lorimer. Phonology of Bakhtiari, Badakhshani and Madaglashti Dialects of Modern Persian. London, 1922, стр. 188, 203; А. З. Розенфельд. Бадахшанские говоры таджикского языка, стр. 112.

38 Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык, стр. 215.

39 Д. И. Эдельман. Язгулямско-русский словарь. М., 1971, s. v.

40 IIFL II, 1938, стр. 402.

41 Ibid., стр. 529.

42 Ibid., стр. 228.

43 М. Г. Асланов. Афганско-русский словарь (пушту), стр. 854.

44 Приведенное в словаре Джонсона (F. Johnson. A Dictionary, Persian, Arabic and English. London, 1852) *manǰā* 'любое возвышенное место, где можно спастись от наводнения' восходит к араб. *nǰ'* и вряд ли имеет отношение к рассматриваемому слову.

45 Из записей автора.

46 См. Turner, N 9715.

47 Mayrhofer, Lief. 15, 1961, s. v. *mañcaḥ*.

48 H. W. Bailey. Indo-Scythian Studies. Being Khotanese Texts, vol. VI. Prolexis to the Book of Zambasta. Cambridge, 1967, стр. 273.

49 Turner, N 9715.

50 IIFL II, стр. 228, 402, 529.

51 А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка. — ТИЯЗ VI, 1956, стр. 222; В. С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1956, стр. 151 (в последней работе вандж. *manǰa* рассматривается как заимствование из афганского).

теперь раздвинуть рамки этих сопоставлений в пространстве и во времени.

Таким образом, можно считать, что оба рассмотренные здесь слова, обозначающие в таджикском, афганском, мунджанском и памирских языках, отчасти также в тюркских языках Средней Азии, предметы материальной культуры, предназначенные для сидения или лежания, ведут свое происхождение от языков индоарийских. Широкое распространение этих слов в языках среднеазиатского-афганского ареала, с одной стороны, и то обстоятельство, что на территории Ирана эти слова неупотребительны, с другой, может служить еще одним примером ареальных культурных и языковых связей между Индией, Афганистаном и Средней Азией.

3. Тадж. диал. *turūndan / turundan* 'погнать', 'спугнуть', 'шугнуть (о животных)' [52]

В материалах по каратегинским говорам таджикского языка засвидетельствован глагол *turūndan / turundan* 'погнать', 'спугнуть', 'шугнуть (о животных)', не зарегистрированный известными мне словарями таджикского и современного персидского языков. Контексты таковы: *mən va dustóm qati turundəməš* 'Я его (быка) руками погнал (шугнул)'; *góva beturun* 'погони (шугни) быка'; *hamū raftáku turúndəš* 'тот пошел и погнал его (быка)' [53]. Морфологическая структура этого глагола прозрачна: *tur-ūn-dan* (*tur-un-dan*), где *-ūn-* (*-un-*) — каузативный суффикс с обычным для каратегинских говоров отражением тадж. лит. *o* (н.-перс. *ā*) перед носовым (ср. кар. *dandūn* 'зуб', *borūn* 'дождь' и т. д.). Таким образом, рассматриваемый глагол предполагает основу *tur-* с семантикой, которая позволила бы образовать каузативный глагол с указанным значением. В словарях таджикского и современного персидского языков эта основа не засвидетельствована, но она может быть отмечена в говорах Южного Таджикистана и Афганистана. Ср. шаарт. *tůridan* 1) 'бояться, сомневаться' (= тадж. лит. *tarsidan*, *šubha kardan*); 2) (о скотине) 'пугаться, шарахаться в сторону' (= тадж. лит. *ramidan*): *bačoo tůrida naxurd* (= тадж. лит. *bačaho tarsida naxůrdand*) 'Дети, испугавшись, не стали есть'; *a-mun koγaz tůridąį xaraš* 'Его ишак испугался (шарахнулся от) той (?) бумаги' [54]; в таджикской речи гиссарских парья *turidan*: *xar turid, az bolo-š bor γaltid* 'Ишак шарахнулся (в сторону от машины), поклажа с него упала'; *gusfando ham az*

---

[52] Читано в Семинаре ленинградских иранистов (июнь 1970 г.). Печатается с дополнениями.

[53] А. З. Розенфельд. Говоры Каратегина. Душанбе, 1960, стр. 39—40, там же в словаре (стр. 84) *turūndan* (*турӯндан*) 'прогнать'. Русскую транскрипцию оригинала здесь и далее передаю латиницей.

[54] См. Қ. Саидова. Намунаи луғати шеваи тоҷикони Шаҳртуз. — МШТ I, стр. 220.

mošin turidand va har sun gurextand 'Бараны тоже шарахнулись от машины, разбежались в разные стороны'[55]; ср. также кул. *turidan* (долина Ях-су), *tur kardan* (Ховалинг): *odam ai̯ čəšməš metura* 'Человек пугается (шарахается, убегает от) его взгляда'[56]; *dinagina worí musəfedo araq-a binan tur mekənan* '(Если) старики, как вчера, водку увидят, выгонят'[57]; матч. *tūridan*: *dilam tūrid* 'Я испугался'[58], каб. *tur xurdan*: *ami asp tur mexura* 'Эта лошадь пугливая' (букв.: «пугается, шарахается») (сообщено А. Л. Грюнбергом).

В значении 'пугаться, шарахаться (о скотине)' (*ramīdan*) засвидетельствован глагол *turidan* и средневековым персидским словарем (фархангом) Borhān-e Qāteʿ, составленном в XVII в. в Индии.[59] Неотделимы, по-видимому, от этой основы также шугн. *tūr čīdōw* 'шарахнуться (пугаться), отпрянуть (о животных)'[60], вах. *tɯr woc-* 'отпрянуть', 'шарахнуться в сторону' (о животном), *tɯr cār-* 'пугнуть', 'шугнуть' (о животном)[61], ягн. *tūrna* 'пугливый' (о животных)[62] и афг. *tor* 1) 'боязнь, испуг'; 2) 'упрямство'; *tor xwarəl* а) 'бояться, пугаться'; б) 'упрямиться, артачиться'; *toredəl* 1) 'пугаться'; 2) 'убегать, улетать (испугавшись)': *karák rā-cxa wu-turid* 'Перепелка испугалась меня и улетела'; 3) 'артачиться, упрямиться': *dā ās ḍer tureẓi* 'Эта лошадь очень норовистая'; *torawəl* 1) 'отпугивать, спугивать'; 2) перен. 'отталкивать (своим видом, действиями)' и т. д.[63]

Сопоставление афг. *tor(tōr)* с др.-инд. *tarala-* 'дрожащий' (< **ter-*), предложенное под вопросительным знаком Г. Моргенстьерне[64], по-видимому, справедливо отвергается М. Майрхофером.[65] Может быть, было бы предпочтительнее связать основу *tur-*, *tor-* в иранских языках не с др.-инд. *tarala-* (словом, возможно, дравидического происхождения)[66], а с др.-инд. *turáti* 'спешит, торопит, гонит', пандж. *turṇā*, *ṭuṛṇā* 'отправиться, на-

---

[55] Из записей автора (Гиссарская долина). Подробнее о гиссарских парья см. И. М. Оранский. Индийский диалект группы парья. . . Материалы и исследования. Вып. 1. Тексты (фольклор). М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Материалы делегации СССР).

[56] Ч. Раҳматуллоев. Намунаҳо аз лексикаи шеваи Ёхсу. — МШТ I, 1970, стр. 180. Там же указание на употребление этого глагола у Джами: *Мўҷиб чист, ки аз мо битуридӣ* 'Почему ты от нас убегаешь (или: избегаешь нас)?'

[57] «Луғати шеваҳои ҷанубӣ (макети ҳарфи «д»)». Душанбе, 1971, стр. 48.

[58] А. Л. Хромов. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1962, стр. 188.

[59] Borhān-e Qāteʿ, ed. M. Moʿīn, vol. I. Teheran, 1963, стр. 493.

[60] И. И. Зарубин. Шугнанские тексты и словарь. М.—Л., 1960, s. v.

[61] Возможно, что отсюда идет и кирг. *дыргы* 'шарахаться' (о стаде). Указано, как и вах. *tɯr*, И. М. Стеблин-Каменским.

[62] А. Л. Хромов. Ягнобский язык. М., 1972, стр. 83.

[63] Асланов, АРС, s. vv.

[64] Morgenstierne, EVP, стр. 82, s. v. *tōr*³.

[65] Mayrhofer. Lief. 7, 1956, s. v. *taraláḥ*.

[66] См. T. Burrow. Some Dravidian Words in Sanskrit. TPhS 1945 (1946), стр. 106.

чать движение', синд. *ṭuraṇu* 'двигаться', *ṭoraṇu* 'заставить двигаться', ла. *ṭuraṇ* 'начать движение', *ṭoraṇ* 'заставить идти, гнать' (to cause to move along, despatch) и т. д. (к √*tvar* 'спешить')[67]. Вероятнее всего, основа *tur-*, *toṛ-* проникла в иранские языки и диалекты Афганистана и Южного Таджикистана через посредство панджаби, лахнда[68] или какого-либо иного новоиндоарийского языка. Не исключено, впрочем, что интересующее нас гнездо новоиранских слов может продолжать собою и какую-либо древнеиранскую основу, соответствующую др.-инд. √*tur*, √*tvar* и сохранившуюся в какой-то части древнеиранских диалектов. Хр. Бартоломэ (AiWb., 797) видел отражение этого корня в ав. *ϑwāša-* 'быстрый, скорый' (< **ϑuárta-* с компенсаторным удлинением гласного при *rt* > *š*). Не сюда ли и осет. *tärən* (ирон.)/*tärun* (диг.), прич. прош. вр. *tard* 'гнать, подгонять', которое В. Ф. Миллер связывал с др.-ир. *tar-* (др.-перс. *vi-tar-* 'переправляться', др.-инд. *tárati*)[69]?

Независимо от того, какое из этих предположений окажется более близким к истине, мне представляется возможным сопоставить приведенные выше слова из индоиранских языков и диалектов со славянским гнездом, представленным русск. *тури́ть*, *вытурить*, укр. *потури́ти*, *потурля́ти* 'погнать', сербо-хорв. *тȳрити* 'толкать' и т. д. В этимологических словарях русского языка сопоставление этого гнезда славянских слов с др.-инд. *turáti* или отвергается [70], или игнорируется [71], при этом вопрос об этимологии русск. *турить* оставляется как будто открытым. Не учтены славянские параллели к др.-инд. *tvár-*, *tur-* (и.-е. **tuer-* : *tur-*) и в новейших этимологических словарях индоевропейских языков [72]. Между тем, приводимые в указанных словарях греческие, германские и иные соответствия этому древнеиндий-

---

[67] Turner, N 5878 (там же дальнейшие параллели из индоарийских языков).

[68] Из лахнда идет, по-видимому, и другая группа афганских слов, обозначающих 'страх, боязнь', 'испуганный, робкий' и т. д. Г. Моргенстьерне (Morgenstierne, EVP, стр. 82) сопоставлял афг. *tarhedəl* 'пугаться, тревожиться, вздрагивать (о животных)' с ла. *tarahaṇ* 'быть испуганным, обратиться в паническое бегство', афг. *tarah* (*tra*), *tarhara* (*tráha*) 'страх, боязнь', *tarhūr* (*tarur*) 'робкий, застенчивый, растерянный' с ла. *taraha*ṛ 'робкий' (в скобках приведена транскрипция указанных афганских слов по словарю М. Г. Асланова).

[69] См. Вс. Миллер. Язык осетин. Пер. с немецкого. М.-Л., 1962, стр. 32, 55, 99. Ср. в этой связи предположение Майрхофера (Mayrhofer, Lief. 7, 514) о возможном совпадении в др.-инд. *turáti* форм от разных глагольных корней — *tur*: *tvárate* (√*tvar* 'спешить') и *tur-*: *tir-*, *tárati* (√*tṝ* 'переправляться'). Ср. Turner, s. vv. *turáti* и TṜ.

[70] Преображенский, s. v.

[71] Фасмер IV, стр. 123—124. Ср. там же, стр. 83 (s. v. *торкать*). См. также Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971, стр. 455.

[72] См. Pokorny, стр. 1100.

скому корню значительно менее надежны [73], чем сопоставление его с отмеченными славянскими глаголами. Если сопоставление др.-инд. *tvár-*, *tur-* с указанным гнездом славянских глаголов верно и надежные соответствия по другим индоевропейским языкам пока не найдены, то не исключено, что перед нами специфическая славяно-арийская лексическая изоглосса.

4. Тадж. (диал.) *(h)uč/wuč kardan* 'поднимать'

В ряде говоров Южного Таджикистана и в памирских языках засвидетельствовано слово, представленное в диалектных записях и словарях в формах *huč*, *wuč*, *uč* и встречающееся обычно в составе сложноименного глагола *uč (huč, wuč) kardan* 'поднимать': дарв., кар., вандж. *(h)uč kardan* [74], рог. *uč kardan (po-t-a uč kə(n)* 'подними свои ноги') [75], кул. *huč kardan (sar-ətun- a huč kənen* 'приподнимите голову'; *bəyo, huč-ət kənəm* 'давай я подниму тебя на руки') [76], матч. *hüč kardan* [77], ишк. *uč kъnůk* (в записях И. И. Зарубина *wuč kin-*) [78], мундж. *wūč kən-* [79], вах. *wuč cār-* (= тадж. *bolo bardoštan*), ср. еще вах. *wuč* 'верх' (= тадж. *bolo*), *tə wuč* 'наверху' (= тадж. *dar bolo*) [80]. Сюда же, разумеется, *huččí* 'верх, высота', 'холм, пригорок', 'ноша, носимая на спине' и т. д. (= тадж. лит. *bolo*, *teγa*, *teppa*, *puštora*) в таджикском диалекте хардури (верховья Кашка-Дарьи): *be da huččet* 'иди ко мне на спину' (= тадж. лит. *biyo ba puštoraam*) [81] и вандж. *učako* 'стоя' (букв. 'поднявшись') [82]. Ср. также в композитах: тадж. диал. (Джиргитальский район) *dulhəčkənčuv* 'столбы, поддерживающие мельничный ящик' («сутунҳое, ки дар болои он дӯли осиё меистад ва онро нигоҳ медорад») [83].

Сопоставление форм *huč*, *wuč*, *uč* указывает на протетический характер *h-* и *w-* (протеза этих звуков — явление весьма распространенное в говорах южного Таджикистана и в памирских язы-

---

[73] Ср. у М. Майрхофера (M a y r h o f e r, Lief. 8, стр. 539, s. v. *tvárate*): «Die außerarischen Anschlüsse (an gr. ὀτρύνω 'treibe an, beschleunige', ahd. *dweran* 'durcheinander rühren, mischen' u. v. a. . . .) sind sehr unsicher».

[74] А. З. Р о з е н ф е л ь д. Дарвазские говоры, стр. 263, 270; О н а ж е. Говоры Каратегина, стр. 85, 89; О н а ж е. Ванджские говоры, стр. 96, 116.

[75] Ю. И. Б о г о р а д. Рогские говоры таджикского языка. ТИЯЗ, VI, 1956, стр. 193.

[76] Р. Л. Н е м е н о в а. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956, стр. 167.

[77] А. Л. Х р о м о в. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1962, стр. 200.

[78] Т. Н. П а х а л и н а. Ишкашимский язык, стр. 242.

[79] А. Л. Г р ю н б е р г. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Л., 1972, стр. 376.

[80] С. И. К л и м ч и ц к и й. Ваханские тексты. «Труды Таджикистанской базы АН СССР», III, 1936, стр. 103 (s. v. *cār-* : *kərt-*), 114.

[81] М. Э ш н и ё з о в. Шеваи ҳардури. Душанбе, 1967, стр. 106, 217.

[82] А. З. Р о з е н ф е л ь д. Ванджские говоры, стр. 116.

[83] «Луғати шеваҳои ҷанубӣ (Макети ҳарфи „д“)». Душанбе, 1971, стр. 56.

ках) и ведет нас к исходному *uč-* — основе, которую можно видеть и в афг. *učát* (диал. *wučát*, *wičát*) 'высокий', *učatawel* 'поднимать' и т. д.[84] Предложенное И. И. Зарубиным сопоставление ишк. *wuč*, вах. *uč* с мундж. *wušḱ-* 'вставать', ав. *uskat* (следует: *uskāt̰*, — *И. О.*) 'сверху' (abl.)[85], по-видимому, не может быть сегодня принято: ни в ваханском, ни в ишкашимском др.-ир. *sk* не отражается как *č* (см. IIEL II, стр. 314, 468), а мундж. *wušḱ-* восходит к другой основе (ibid., стр. 73, 264). Г. Моргенстьерне возводил ишк. *wuč*, вах. *wuč* (*wūč*) к др.-ир. (ав.) *usča* 'наверху' (ibid., стр. 418, 469, 548), а афг. *učát*, *wičát* — к др.-ир. **usča-šta-*[86]. Однако, как кажется, ни ваханский, ни ишкашимский не дают достаточного количества надежных примеров на отражение др.-ир. *sč*, и, как отмечает сам Моргенстьерне, «судьба (др.-)ир. *sč* [в ишкашимском] неясна» (см. IIFL II, стр. 314, 469)[87]. В то же время, возводя афг. *učát* к др.-ир. **usča-šta-*, Моргенстьерне допускал в качестве альтернативы возможность прямой связи этого слова с новоиндийскими формами типа ла. *uccā*[88].

Намеченный ареал распространения интересующей нас основы в иранских языках (Памирско-Гиндукушский регион и прилегающие к нему районы) и отсутствие надежных соответствий за пределами этого ареала, позволяет, по-видимому, предположить, что не только афг, *učát*, но и другие приведенные выше слова идут из индоарийского. Ср. хинд. *ū̃c*, *ū̃ca*, ла. *uccā* 'высокий', пандж. *ūc*, *ūcc* 'высокий по касте или по рангу', паш. *ūč* и т. д. (к др.-инд. *ucca-* 'высокий', *uccā́*, *uccáiḥ* 'наверху')[89].

---

[84] Асланов, АРС, s.vv.

[85] См. И. И. Зарубин. К характеристике мунджанского языка. «Иран», т. I. Л., 1927, стр. 177.

[86] См. Morgenstierne, EVP, стр. 30, s. v. *hask*.

[87] Только в мунджанском переход др.-ир. *-sč-* > *č* подтверждается, как кажется, достаточным числом примеров (см. IIFL II, стр. 71), и мундж. *wūč* (еще неизвестное в 1938 г. Моргенстьерне) действительно можно было бы возводить к др.-ир. *usča*.

[88] См. Morgenstierne, EVP, loc. cit. Тринадцатью годами позже в словаре к дардскому диалекту башкарик Моргенстьерне высказался, как кажется, более решительно в пользу индоарийского происхождения афг. *učát* (см. G. Morgenstierne. Notes on Bashkarīk. «Acta Orientalia», XVIII, 1940, стр. 223).

[89] См. Turner, N 1634 (там же дальнейшие параллели из индоарийских языков). См. также R. L. Turner. A Comparative and Etymological Dictionary of the Nepali Language. London, 1931, s. v. *ū̃c*.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ *

Литература

Асланов, АРС	М. Г. Асланов. Афганско-русский словарь. М., 1966.
ЗКВ	«Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук», Ленинград.
ИАН СССР, СЛЯ	«Известия Академии наук СССР, Серия языка и литературы», Москва.
МШТ I	«Масъалаҳои шевашиносии тоҷик», I. Душанбе, 1970.
НАА	«Народы Азии и Африки», Москва.
ТИЯЗ	«Труды Института языкознания АН СССР», Москва.
AiWb	Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, 2. Unveränderte Auflage. Berlin, 1961.
BSOS	«Bulletin of the School of Oriental Studies (University of London)».
Handbuch IV, 1	«Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd. IV, Iranistik, Abschnitt 1, Linguistik. Leiden—Köln, 1958.
IIFL	G. Morgenstierne. Indo-Iranien Frontier Languages, vol. I—III. Oslo, 1929—1967.
JA	«Journal asiatique». Paris.
JRAS	«Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». London.
Morgenstierne, EVP	G. Morgenstierne. An Etymological Vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
Morgenstierne, Report I	G. Morgenstierne. Report on a Linguistic Mission to Afghanistan. Oslo, 1926.
TPhS	«Transactions of the Philological Society», London.
Turner	R. L. Turner. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. London, 1966.

Языки и диалекты

ав. — авестийский
диг. — дигорский
ишк. — ишкашимский
каб. — кабули
кар. — каратегинский
мар. — маратхи
сар. — сарыкольский
чаг. — чагатайский

Корректурное дополнение. Упомянутый в сноске 3 на стр. 161 доклад Г. Моргенстьерне в настоящее время частично опубликован. См. G. Morgenstierne. Farly Iranic Influence upon Indo-Aryan. Acta Iranica, Première série, Commémoratien Cyrus, Hommage Universel I. (Acta Iranica 1). Leiden-Téhéran-Liège, 1974, стр. 271—279.

* См. также общий список сокращений данного тома.

Г. А. Климов

К ЭТИМОЛОГИИ ДВУХ КАРТВЕЛЬСКИХ ГЛАГОЛОВ ОБЛАДАНИЯ

Происхождение целой совокупности древнегрузинских описательных образований, играющих роль verba habendi, не вызывает сомнений. Установлено, например, что в характеризующихся определенными дистрибуционными особенностями словоформах типа *madgs* // *midgs*, *mic* (< *miʒs*), *miwis*, *masxen* // *misxen* 'у меня есть (то)', 'я имею (то)' и др. налицо по существу простые глагольные основы семантики 'стоять', 'лежать', 'сидеть' [1]. В принципе столь же прозрачны аналогичные формы, встречающиеся в других картвельских языках. Так, в сказуемом лазских фраз посессивного содержания *guri ḳapeṭi gjuʒiṭu* 'сердце у него было крепкое' или *gzas mačxa meʒin* 'по дороге есть ручей' нетрудно усмотреть глагольную основу семантики 'лежать'. В то же время в сванских (балзем., лашх.) словоформах *mār* 'у меня есть то (неодушевл.)' и *miri* 'у меня есть он (одушевл.)' имеем формы нейтральной и объектной версии глагола *r-* 'быть'.

Значительно бо́льшие трудности представляет этимология, и прежде всего — семантическая реконструкция, двух сложившихся в картвельских языках специальных verba habendi с базами **qaw-* : *qw-* 'иметь (об одушевл. объектах)' и **γw-* 'иметь (о неодушевл. объектах)', специфическая референтная соотнесенность которых отчетливо ощущается и в их современных продолжениях: ср. груз. *mqaws*, мегрел. *puns* (< *mquns*), лазск. *miqoun*, сван. *maqa* 'у меня есть', с одной стороны, и мегрел. *miγu*, лазск. *miγun* и сван. *muγwa* 'у меня есть', с другой (в грузинском исконная основа второго ряда заменена). Немногочисленные нарушения такой соотнесенности обычно объясняются метафорой персонификации отдельных неодушевленных референтов: ср. груз. *mas hqaws mankana* 'у него есть машина', лазск. *badis ǰeluḳa uqounṭu* 'у старика была лодка' (примеры свидетельствуют об инверсивности обусловливаемого обоими глаголами построения предложения с подлежащим в форме дательного падежа и дополнением — в форме именительного).

Исконно иная семантика обеих рассматриваемых глагольных основ подсказывается не только соображением общего порядка,

---

[1] G. Deeters. «Haben» im Georgischen. — «Sprachgeschichte und Wortbedeutung». Festschrift Debrunner. Bern, 1954, стр. 109—119.

согласно которому verba habendi есть категория определенной языковой формации, структура которой отчетливо ориентирована на передачу субъектно-объектных отношений (специальные глаголы обладания вполне сложились, по-видимому, лишь в части представителей номинативного строя). В ее пользу говорят и чрезвычайно широкие этимологические связи этих основ в картвельских языках и отмеченный факт инверсивности задаваемой ими модели предложения.

Прежде всего бросается в глаза большая группа производных глаголов, образованных от обеих баз посредством превербной деривации. Ср., напр., груз. *aγeba* 'брать', *miγeba* 'принимать', *çaγeba* 'забирать' 'уносить', *gaγeba* 'открывать' *šemoγeba* 'вводить' и др. при **γw-*. С этими же основами имеем дело в ряде глагольных форм свершения и становления: ср. груз. *q̇o* < **i-q̇w-a* 'был', лазск. *q̇u* 'стал', 'сделался', с одной стороны, а также лазскую основу *γod-* < *γw-ed* 'делаться' и мегрельскую *γol-* 'делать, -ся', с другой. Уже для уровня грузинско-занского единства реконструируется и производная основа **q̇w-an* 'вести', 'нести (об одушевл.)' [2]. Высказано и предположение, что по существу та же основа налицо в грузинско-занском **q̇aw- : q̇w-* 'створаживать молоко', к которой восходит именной дериват **q̇w-el-* 'сыр' [3].

Таким образом, семантическая сфера глагольных лексем с общекартвельскими базами **q̇aw- : q̇w-* и **γw-* оказывается ныне настолько широкой, что древнейшее значение обеих с неизбежностью рисуется очень абстрактным. Бесспорными, однако, представляются два следующих обстоятельства: а) обе основы должны были обладать значением некоторого обобщенного действия или состояния, б) каждая из них была соотнесена с определенным классом референтов — одушевленных, в одном случае, и неодушевленных, в другом.

Оба этих обстоятельства, а также формальный момент — обусловленность обоими картвельскими глаголами обладания инверсивного построения предложения — достаточны, чтобы обратить внимание на ближайшую структурную аналогию обоим, встречающуюся в языках активной типологии. В последних нередко функционирует подкласс так называемых «классифицирующих глаголов» (classificatory verbs), основы которых характеризуются обобщенной семантикой наличия, нахождения и т. п. (переводимых обычно через 'has taken a position, is sitting // lying there, there is') и которые строго соотнесены с референтами различных разрядов — одушевленного и серии неодушевленных. Ср., например, *ˀawéé ˀ sitḥ̨* 'there's a baby', *tse siˀą́* 'a rock has taken a position',

---

[2] Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 210.

[3] М. А. Шанидзе. Из древнегрузинской лексики. — «Вестник Института рукописей АН Груз.ССР», т. II (1960), стр. 63.

tsin sithą́ 'there's a stick' и т. п. в языке навахо [4]. Следует подчеркнуть, что, используясь для передачи посессивного содержания, эти глаголы также обусловливают «инверсивное» построение предложения: ср., напр., морфологическую структуру словоформы *ši-sí-ń-ł-tį́* 'you have me lying' на языке навахо, где *ši-* префикс 1-го лица, *ń-* — 2-го лица, *sí-* — аффикс стативного глагола, *ł-* — версионный показатель и *tį́* — основа 'наличествовать лежа (об одушевл.)' [5].

В представителях активного строя встречается и дальнейшая аналогия обоим общекартвельским глаголам — параллелизм словообразовательных потенций «классифицирующих» глаголов. Она состоит в том, что посредством превербной деривации здесь также строятся производные глаголы и, прежде всего, семантически соответствующие картвельским, типа груз. *aγeba*, *miγeba* и т. д.

Приведенные соображения позволяют реконструировать древнейшую семантику основы **qaw- : qw-* как 'находиться', 'наличествовать (об одушевленном референте)' и основы **γw-* — как 'находится', 'наличествовать (о неодушевленном референте)'. Предлагаемые решения могут служить частным свидетельством в пользу гипотезы об активном прошлом картвельских языков.

---

[4] Ср., напр., Mary R. Haas. Classificatory Verbs in Muskogee. — IJAL, vol. 14, N 3 (1948), стр. 242—245; W. Davidson, L. W. Elford and H. Hoijer. Athapaskan Classificatory Verbs. — Сб. «Studies in the Athapaskan Languages». University of California Publications in Linguistics. Vol. XXIX. Berkeley and Los Angeles. 1963, стр. 30—41.

[5] См. H. Hoijer. Cultural Implications of Some Navaho Linguistic Categories. — «Language», v. 27, N 2 (1951), стр. 118.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Předložky. Koncové partikule. Tento svazek sestavil F. Kopečný.
Praha, 1973

Настоящим томом началась публикация этимологического словаря славянских языков, подготавливаемого в течение многих лет брненским коллективом чехословацких ученых (пробный выпуск словаря, увидевший свет в Брно в 1966 году, известен читателям «Этимологии» по рецензии Ж. Ж. Варбот).

Авторы избрали оригинальную композицию, при которой словарь разбивается на ряд тематических томов. Принцип выделения «тем», как видно по тому 1-му, — не семантический, как в первую очередь можно было бы ожидать, исходя из словарной практики, из факта, что словари бывают либо строго алфавитные, либо тематические (идеологические). В основу словаря (по крайней мере, его ныне рецензируемого тома 1-го, а также следующего тома 2-го, см. «Předmluva», стр. 5) положен в данном случае грамматический принцип, т. е., строго говоря, принцип не словарный. Замечательно, что за последние годы это уже вторая попытка в славянской этимологической лексикографии (первой мы считаем словарь Садник — Айцетмюллера с его гнездовыми статьями-рубриками) преодолеть традиционный чисто алфавитный словарный порядок.

Основная идея настоящего тома нового словаря — объединить «периферийные» («okrajová», по выражению автора, стр. 5) слова, не пользовавшиеся ранее необходимым вниманием со стороны составителей этимологических словарей. При всех возможных возражениях, на которых мы здесь подробно не останавливаемся, идея подобной монографической обработки бесспорно вызывает интерес и может быть признана полезной. Важно также и то, что за такую задачу взялся Ф. Копечный, известный своими исследованиями в области служебных, грамматических слов славянских языков.

Словарю предпослан довольно содержательный перечень литературы и источников («Seznam literatury a pramenů», стр. 19—37), где, между прочим, привлекает внимание ссылка на рукопись: V. Polák. Dictionnaire étymologique de la langue albanaise; правда, с другой стороны, мы не можем не отметить отсутствие там специальной монографии Е. Т. Черкасовой «Переход полнозначных слов в предлоги» (М., 1967) тем более, что соответствующий материал русского и других восточнославянских языков постоянно в центре внимания Ф. Копечного. Достаточно открыть первую страницу словарной части тома, чтобы встретить заглавные слова вроде блр. *аднóсна* (стр. 41), дальше — блр. *датычна* (стр. 54), укр. *наперед* (стр. 128), русск. *относительно* (стр. 157), вост.-слав. *-небудь/-нибудь* (стр. 323); все формы даны в словаре в латинице.

Как мы уже сказали, Ф. Копечный давно исследует проблематику славянских служебных слов; как исследователь он отличается остротой и оригинальностью суждений. Тем более досадно встречать в его новом этимологическом словаре славянских языков категорические утверждения вроде следующих: «Etymologické *kъ* do složenin nevchází» (стр. 87); «jako prefix tato prep. neexistuje. . .» (стр. 106); «. . . *kъ* neexistuje jako prefix. . .» (стр. 106). Копечный по сути дела повторяет положение Бенвениста (и отчасти Вайяна), который провел слишком прямолинейную параллель между слав. *kъ* и иран.

(согд.) *ku* [1]. В том, что это по меньшей мере неточно отражает действительное положение в славянском, в общих чертах известное уже Миклошичу [2], можно убедиться на славянских примерах, которые н е л ь з я объяснить, не принимая *k(ъ)-* префиксальное: русск. *конура*, *каверза*, укр. *ковертати*, *прикмітити*, *ков'язнути*, если брать только этимологически наиболее ясные примеры, не говоря о гораздо большем количестве случаев, где наличие приставки *kъ* (или ее вариантов) этимологически затемнено сильнее, хотя тоже вероятно. Ясно, что перед нами особый префикс, по-видимому, экспрессивный, хотя и не продуктивный в современных славянских языках и диалектах [3]. Не должно вызывать как будто сомнений и его происхождение (объясняющее причину его экспрессивности) из местоименной основы *ko-* (слав. *kъ*). Приставочное употребление *kъ-* (*ka-*, *ko-* и т. д.) н е п о с р е д с т в е н н о восходит к *kъ-* местоименному, поэтому Копечный неправ, производя *kъ* только из местоименного наречия **ku(de)*, см. стр. 106 Словаря. Чтобы покончить с вопросом о *kъ*, отметим еще одну неудачную формулировку автора на той же стр. 106: «Наш предлог не существует даже в ближайше родственном балтийском, будучи заменен напр. в лит. *priẽ*, ср. *pri*. . .» Автора можно понять таким образом, что когда-то в прошлом эквивалент слав. *kъ* существовал и в балтийском.

Говоря о кашубскословинском предлоге *liki* 'до' (стр. 107), Копечный ссылается на догадки Махека о связи с синонимичным лит. *iki*. Он готов допустить здесь и случайное сходство, но указывает «на ещё больше похожее» лит. *lìg(i)* 'до', связанное с *lýgus* 'равный' и с нем. *g-leich* 'равный', 'словно, как'. В конечном счете автор допускает заимствование словин. *liki* из лит. *ligi*. От внимания Копечного, к сожалению, ускользнула новая публикация об упомянутых словах [4].

Монографическое выделение в данном томе служебных слов и прежде всего — предлогов приводит к такой типичной особенности как нежелательный отрыв вторичных предлогов вроде *mĕsto* (стр. 110 и сл.) от первичного знаменательного слова слав. *mĕsto*, рассмотрение которого, в том числе его этимологии, откладывается до следующих томов словаря.

Надо сказать, что сами по себе предлоги, их семантика и употребление представлены в томе со всей широтой и обстоятельностью. Им посвящены нередко очень большие статьи. Остановимся на некоторых первичных предлогах. Напр. предлог *ob(ъ)* занимает стр. 132—141. Этот предлог вступает в различные сложения, из которых мы отметим лишь любопытное этимологически *okrьstъ* (стр. 143). Автор видит здесь сложение *o(b)* и *krьstъ* 'крест' и сам признает, что понятия 'вокруг' и 'крест' трудно объединить. Вызывает удивление то, что полностью обойдена молчанием этимология Махека, сближавшего слав. *okrьstъ* и лит. *apskritìs* 'округ' (Machek [2] 412, s. v. *okrsek*).

Предлог и приставка *po* занимает стр. 178—192 (больше 10 страниц — обзор употреблений).

Славянские предлоги-приставки, в том числе древнейшие, т. е. первичные, представляют собой относительно поздний продукт эволюции индоевропейского состояния, у истоков которого можно поместить полные формы вроде и.-е. **anō*, **apo*, **upo*, **ag'ō*, **ug'ō*, а на другом конце мысленной траектории слав. **vъ(n)*, **na*, **po*, **vъz*, **oz*, **za*. Только этимологическая реконструкция в силах сгруппировать эти последние формы, выяснив, что, например

---

[1] См. об этом О. Н. Т р у б а ч е в. Задачи этимологических исследований в области славянских языков. «Актуальные проблемы славяноведения» (=КСИС 33—34). М., 1961, стр. 208—209.

[2] См. M i k l o s i c h, стр. 152—153.

[3] См. A. D e b e l j a k. O mrtvih velarnih predponah. — SR V—VII, 1954; J. S c h ü t z. Das präfigierende Element *ka-* / *ko-* / *k-* in der Wortbil dung des Slavischen. — WdS X, 1965.

[4] О. Н. Т р у б а ч е в. Этимологические заметки. — «Donum balticum. To professor Ch. S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 march 1970». Edited by V. Rūķe-Draviņa. Stockholm, 1970, стр. 544 и сл.

слав. **vъ* и **na* тяготеют к и.-е. **ano* и т. д. (см. ниже), соответственно продолжая начало или конец индоевропейской полной формы, которая как бы подвергается расщеплению. Этот диахронический процесс очень древний и представлен достаточно широко в индоевропейских языках. Несколько слов о том, как он отражен в труде Копечного.

На стр. 159 автор приводит пропорцию *vъn* : *na*=*vъz* : *za*, вслед за Траутманом. Копечный оперирует неоднократно индоевропейской реконструкцией **anu*, причем специально в связи с лит. *nuō* (стр. 156); следует заметить, что именно этой последней форме, как, впрочем, и слав. *na*, может соответствовать только и.-е. **anō*, ср. сюда же греч. ἄνω.

Этимологию слав. *po-* также легче будет понять, приняв расщепление первоначального полного и.-е. **apo* (ср. др.-инд., авест. *apa*, греч. ἀπό 'от', хетт. *appa* 'вслед', за') и, возможно, также **upo* (др.-инд. *upa* 'у', 'к', греч. ὑπό 'под'), от которого в славянском (а также в балтийском и некоторых других языках) сохранилось краткое *po-*. Такой довольно широкий круг соответствий слав. *po-* делает недостаточно ясной причину этой односторонней эволюции, поскольку только в славянском мы можем говорить об отсутствии фонетических условий для сохранения, скажем, кратких форм **ap-* или **up-*. Первая из них не могла не слиться с **ob-* (в балтийском как раз наоборот, ср. абсолютное господство *ap-* в литовском!), а вторая — через гипотетическую стадию **vъ(p)-* — должна была без остатка раствориться в слав. **vъ(n)*.

Переходя в заключение к реконструируемым полным и.-е. **ag'ō*, **ug'ō* (см. выше), отметим прежде всего, что их не выделяет особо, например, Покорный. Речь, конечно, идет о региональных предлогах и приставках, ограниченных славянским (**vъz*, **za*, см. также ниже) и балтийским (лит. *už*, *ažu*, лтш. *aiz*, лит. *užuo-*), при сомнительности прочих индоевропейских соответствий. Но схема развития и отношений форм между собой, а также самобытность самих форм позволяют предполагать здесь также индоевропейскую древность аналогично случаям наилучшей сохранности всех звеньев вроде и.-е. **anō* (выше). В соответствии с данными сравнительного языкознания автор идентифицирует слав. *vъz*=лит. *už* и слав. *za*=лит. *(a)žu* < **ažuo* (стр. 280). Конечно, только формальная двусмысленность славянского материала мешает нам увидеть, например, в русск. *вза-* (*взаправду*, *взашей* и т. п.) историческое соответствие лит. *užuo-*. Вызывает удивление совершенное отсутствие в словаре Копечного такой формы как слав. *oz* в значениях, близких слав. *vъz* и *za*. Эта форма *oz* генетически самостоятельно соответствует лит. *až(u)* и лтш. диал. *az*. Сюда относятся, несмотря на возражения Эндзелина [5], с.-хорв. *ȍздо̄*, нареч. 'снизу, внизу' (праслав. диал. **oz dolъ*) и *ȍзго̄* 'сверху, наверху'. Невозможность объяснения этого *оз-* из **о(д)з-*, вопреки Эндзелину, станет для нас очевидна, если обратить внимание на такое сербохорватское слово как *ȍзбиљан* 'серьезный' [6], которое мы реконструируем как праслав. **oz-bylьnъ*. Для лучшего понимания этого последнего образования и функции приставки *oz-* в нем полезно привлечь как структурно-семантическую параллель русск. диал. (сев.) *вза́-быль*, нареч. 'в самом деле, вправду, подлинно, истинно, точно': Ты вза́быль говоришь, аль шутишь? (Даль² I, 190). Эту фразу нельзя перевести на русский литературный язык иначе как: ты с е р ь е з н о говоришь или шутишь? Ср. выше значение сербохорв. *ȍзбиљан*.

Таким образом, монографическое обследование славянских предлогов с похвальной целью наивозможной полноты представления материала не уберегло Ф. Копечного ни от пропусков, ни от затруднений проблемного характера.

О. Н. Трубачев

---

[5] И. М. Э н д з е л и н. Латышские предлоги. I часть, стр. 16 =J. E n d z e l ī n s. Darbu izlase I. Rīgā, 1971, стр. 325.

[6] Сербохорв. *оз-*, *озбиљан* нам не удалось найти и в новом этимологическом словаре Скока на своих алфавитных местах.

L. Sadnik, R. Aitzetmüller

Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lief. 6. Wiesbaden, 1973, стр. 379—492

Итак, рецензируемым 6-м выпуском настоящего словаря закончена буква *B*; впрочем, полностью использовать весь богатый сравнительный славянский материал на эту начальную букву, заключенный в выпусках 2—6, мы все еще не можем, пока не вышел обещанный алфавитный индекс слов к *B* (как известно, отыскивание нужного слова в этом словаре без вспомогательного алфавитного указателя крайне затруднительно, оно неизбежно сводится к сплошному просматриванию практически всего соответствующего словарного раздела, построенного на гнездовых, апофонических и других более частных и случайных принципах, из которых, увы, ни один не способен заменить удобного алфавитного расположения материала).

Оглядываясь на всю серию из пяти выпусков, выходивших практически в течение целого десятилетия (2-й выпуск словаря вышел в 1964 году) и посвященных одной упомянутой букве *B*, нельзя не отметить внушительности масштабов этого лексикографического предприятия. Спрашивается, сколько же времени потребуется составителям, чтобы, работая в таком же темпе (заметим, что рецензируемый 6-й выпуск вышел в свет через три года после выпуска 5-го), вобрать в свой словарь все необозримое море славянской лексики. Предполагая, что читателям «Этимологии» известна общая оценка, данная этому словарю в наших рецензиях на предыдущие выпуски *, мы считаем себя вправе обойтись без соответствующих повторений. Сказанное в прежних рецензиях во всем существенном приложимо и к новому выпуску 6-му. Перейдем поэтому к конкретным замечаниям, которые явились результатом чтения этого последнего выпуска.

На первой же странице (379) авторы, говоря о группе бесспорных относительно поздних культурных слов, куда входят заимствования вроде русск. *бока́л*, польск. *bokal*, *bukał*, сербохорв. *бу̏ка̄л*, *бо̏кара*, *бу̏кара*, высказывают сомнительную мысль о возможности исконного происхождения сербохорватских форм от слав. **buk-*/**bok-*. Едва ли удачно объяснение русск. *добо́лый* (вариант к *дебелый*) как новообразования из *до боли*, якобы в смысле 'очень', ср. *бо́льно* (стр. 383). Как бы то ни было, очень спорной выглядит протоболгарская этимология старославянского слова срьдоболꙗ 'родич, родственник', которое будто бы вторично сблизилось со слав. *sьrdьce* и *bolěti* и восходит к тюрк. **ič-irgu-bojla* 'дворцовый, приближенный быля' (стр. 385). Мотивировка такого преобразования слишком сложна и маловероятна, особенно ввиду наличия древнеболгарского *чрьгоубылꙗ* того же происхождения, которое прекрасно сохранилось без преобразования. Очень противоречиво судят авторы о словах ст.-слав. болꙗринъ, русск. *боя́рин* и др. (стр. 384 и сл.). Отделяя форму *болярин* от *боярин*, они вместе с тем лаконично указывают для первой из них источник в протоболгарском (тюркском) βοιλα, которое, как известно, получило у славян вид *былꙗ*; сознавая недостаточность этого объяснения, Садник и Айцетмюллер говорят о тюркской форме множественного числа на *-lar*, которая, строго говоря, для *bojla* не засвидетельствована и выглядела бы, кроме того, как **bojla-lar*. Нам остается, далее, принимать на веру утверждения, что тюрк. *-oj-*, субституированное в слав. *былꙗ* с помощью «наиболее близкого *ы*», отразилось практически там же и в ту же эпоху протоболгарских влияний как слав. *-o-* с передачей *-j-* последующему *-l-* как мягкой артикуляции в *болꙗринъ*. Русск. *боярин* и близкие формы авторы решительно отделяют и производят из тюрк. *bajar* 'знатный человек', впрочем

* Из них последнюю (со ссылками на предшествующие) см.: «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 373—374.

тут же вынуждены констатировать тождество сербохорв. *бо̀ја̄р = бо̀ља̄р*, болг. *боя́рин = боля́рин* (стр. 386).

Сомнительно сближение сербохорв. *опдравити се* 'оправиться, отдохнуть' и *забдравити* 'забыть' на основе предполагаемой замены *b* > *p* (стр. 387). Трудно согласиться с этимологической трактовкой блр. *брудзь* 'пушок на бороде', укр. *бруд* то же, др.-русск. *бруди* мн. 'бакенбарды', которые относятся авторами к семейству ст.-слав. брада, русск. *борода* и т. д. «по значению», а затем, несколькими строками ниже, признаются «etymologisch undurchsichtig» (стр. 393).

Из отпечаток укажу следующие: *Patinaca* (стр. 395), надо *Pastinaca; Pokorný* (стр. 399), точнее *Pokorny*; там же — *Ekkert*, следовало бы писать *Eckert*; польск. *broń* (стр. 407), надо *broñ*; болг. *убдала́* (стр. 463), надо *будала́*; *G. Dorfer* (стр. 475, 2-ая строка сверху), надо *Doerfer*, ср. там же, ниже.

Все-таки трудно признать нормальной практику, при которой словарная статья сравнительного словаря славянских языков начинается, скажем, с венг. *boszorkány* (стр. 426) или с нем. *Brust* (стр. 444), или с тюрк. *burun* (стр. 472). Заглавным словом статьи такого словаря по логике вещей должно быть славянское слово.

Встречаются в словаре и небрежные или прямолинейные формулировки вроде следующей: «Исключительно большое почитание, которым пчела пользуется у славян, а особенно у южных славян, а также ее роль в народных верованиях и словесности не получает отражения (manifestiert sich nicht) в образовании слов» (стр. 482). Спрашивается, можно ли вообще ожидать именно от образования слов, от словообразования адекватного отражения таких категорий как значимость соответствующей реалии в жизни, верованиях, литературе? Вспомним хотя бы одно то обстоятельство, что рука об руку с культом, почитанием может идти речевой запрет, сковывающий не только словопроизводную деятельность, но способный даже предать забвению старые обозначения.

О. Н. Трубачев

Chr. S. Stang.

Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen.

Oslo—Bergen—Tromsø, 1972, (96 стр.)

Литература по проблеме балто-славяно-германских языковых отношений пополнилась новым исследованием Х. Станга. Книга уже получила отклик в нашей научной периодике (ср. напр. недавнюю рецензию А. Сабаляускаса в журнале «Вопросы языкознания»).

Автор обращается к теме, предварительно кратко охарактеризовав очерки отношений названных языковых групп у А. Мейе, Т. Лер-Сплавинского, В. Георгиева, Ф. Шерера, Э. Георгиева и некоторых других. Свою задачу автор видел в том, чтобы собрать наиболее надежный материал по проблеме (стр. 7). Результатом явился своеобразный словарик (стр. 13—66), охватывающий 188 случаев балто-славяно-германской лексической общности, т. е. больше, чем в свое время было известно Траутману, в словаре которого насчитывается 168 таких случаев. В книге Станга содержится также анализ материала в семантическом и некоторых фонетических и словообразовательных аспектах. Есть и «Попытка некоторых выводов» (стр. 79—82), помогаю-

щая наглядно представить себе особенности балто-славяно-германских отношений на основе рассмотренного лексического материала. Так, например, указывается на практическое отсутствие общих религиозных и абстрактных терминов, при довольно большом количестве общих названий из сферы материальной культуры, в частности обработки дерева.

Нельзя сказать, чтобы эти выводы были совершенно новыми в науке. Справедливее, пожалуй, заключить, что они идут в проторенном русле балто-славянской проблематики. Исключительно ценно, разумеется, то, что за этот итоговый обзор взялся такой специалист как Станг. Изложение отличается объективностью и предельной краткостью.

Хотя автор выделяет случаи, когда германский связан только со славянским, и случаи сепаратной связи германского с балтийским, все-таки в основном в его книге германскому противопоставлен как бы совокупный балто-славянский. Специфика балто-славянских отношений, по крайней мере в лексике, остается нераскрытой, хотя последние исследования все более и более приводят к мысли о сложности этих отношений. Накоплен уже довольно большой материал лексических расхождений между балтийским и славянским. «Балтославянский словарь» Траутмана, вышедший в 1923 году, о котором Станг говорит на двух страницах своей небольшой книги (стр. 8—9), устарел не только материально, но и принципиально. Ведь уже для своего времени словарь этот не мог не представляться как своего рода фикция; так, в словаре Траутмана регулярно помещаются славянские слова, не имеющие решительно никаких балтийских соответствий, и балтийские слова без соответствий в славянском. Еще во времена Мейе было ясно, что глубоких различий между балтийским и славянским словарем гораздо больше, чем сходств. Словарь этих различий (своеобразный «анти-Траутман») получился бы сейчас более внушительный, чем вышеупомянутый словарь балто-славянских схождений. Понятно поэтому, что сказанное определенным образом модифицирует и общую картину балто-славяно-германских отношений. По-прежнему актуальна проблема сплошной инвентаризации лексического материала, критической проверки устоявшихся воззрений на многие балтийские и славянские слова. Эта фронтальная проверка способна значительно ослабить слишком общие выводы, охватывающие балтийские, славянские и германские языки, как напр. вывод автора, уже упомянутый выше, о том, что большинство общей для этих языков лексики относится к обозначениям простых орудий и предметов из дерева (стр. 80). В частности, предпринятый нами ранее анализ славянской ремесленной терминологии показал, что как раз в терминологии обработки дерева исключительных или инновационных балто-славянских соответствий крайне мало: балтийское соответствие слав. **sekt'i* сомнительно и во всяком случае неадекватно, термины 'долбить' в славянском и балтийском совершенно различны (соответственно — **dъlb(a)ti* и лит. *skaptúoti*; относить к славянскому без комментариев и лит. *del̃bti* 'потуплять глаза' ввиду крайней специфичности и идиоматичности последнего значения по меньшей мере ненадежно). Такой критике могли бы быть подвергнуты и другие балто-славянские пары в этой же терминологической сфере, как, впрочем, и в смежных. Достаточно сказать, что названия горна (и других частей печи), молота, наковальни в славянском связаны не с балтийскими, а сепаратно — с германскими или латинскими названиями. Сравнения вроде слав. **kovati* 'ковать' и лит. *káuti* 'бить' (стр. 69) малоценны для выводов об общих переживаниях, так как термины 'ковать' (и производная лексика) в этих языках сформировались совершенно независимо, ср. лит. *kálti*.

Разумеется, при чтении книги Станга дело не обходится без замечаний и дополнений, поскольку речь идет о лексике, сведения о которой у автора не всегда полны. Это тесно связано и с этимологическим аспектом, потому что привлечение тех или иных слов для сравнения есть вопрос их формы, словообразования и значения, т. е. вопрос сугубо этимологический. Напр. на стр. 23 приводятся сербохорв. *gnjávitі* 'жать', словен. *gnjáviti* 'жать, давить, мять', чеш. диал. *gňávit*, *gňábit*, которые сравниваются с др.-исл. *knýja* 'стискивать, толкать, бить, гнать', англосакс. *cnūwian* 'жать, медленно жевать'. Автор предполагает нормальный вид славянского корня **gnov-* и одновременно

говорит об ограниченности распространения славянского глагола, которая даже внушила Махеку мысль о заимствовании чешских слов из немецких диалектов. Однако достаточно обратить внимание на укр. *гнобúти* 'угнетать, притеснять' (Желеховский, см. Гринченко I, 295) и польск. *gnębić* 'угнетать, мучить', с вторичной, позиционной назализацией из **gnobić* (сближение есть уже у Брюкнера, хотя он, далее, неправильно относит сюда же формы типа *gonobiti* с семантикой 'собирать'), которые продолжают более древнее **gnoviti* с искомой огласовкой и занимают значительно более обширный ареал.

На стр. 42 автор специально подчеркивает, что лит. *pérnai* 'в прошлом году', гот. *fairns* 'прошлогодний' объединяются общим элементом *-n-*, характерным для балтийского и германского. К сожалению, смысл этого элемента не раскрывается, как не указывается и на то, что этот элемент, по предположению Мейе («Общеславянский язык», стр. 378), был известен славянскому и входил в состав функционально очень близкого слова — ст.-слав. лани 'в прошлом году' < праслав. **ol-ni*, где *-n-* < и.-е. **en-* 'год'.

Относительно двух важных культурных слов автор оперирует понятием «неизвестный источник» — 'серебро' (стр. 47) и 'тысяча' (стр. 59, 75), вернее — в первом случае он принимает общее заимствование балтийского, славянского и германского названий серебра из неиндоевропейского источника, что вполне соответствует традиции, но едва ли может нас удовлетворить; скорее, мы здесь имеем культурное заимствование из какого-то индоевропейского языка, возможно, индоарийской принадлежности, с сатэмным консонантизмом (специально заняться этим вопросом мы предполагаем в другом месте). Что касается числительного '1000', то балтийские формы не могут закономерно восходить к праформе **tūs-k̑m̥t-*, но своим *st* отражают акт заимствования формы с раннепраславянским **c(ts)* на месте и.-е. *(s)k̑*, о чем подробнее писалось раньше.

Не совсем ясно, почему автор видит (стр. 76) во втором компоненте литовских числительных от 11 до 19 *-lika* и в соответствующем гот. *-lif* (в германских оно образует числительные '11' и '12') разные первичные основы: **leik^{w}-* в балтийском и **leip-* в германском. Не лучше ли считать гот. *-lif* развитием первоначального герм. **-leihw-* < и.-е. **leik$^{u̯}$-*, общего с балтийским (значение 'остаток'), причем развитие *f* < **hw* < **k$^{u̯}$* оказывается вполне аналогичным таким германским примерам как гот. *fidwōr* 'четыре' < и.-е. **k$^{u̯}$etu̯ōr-* (через герм. **hwidwōr?*), гот. *wulfs* 'волк' < и.-е. **u̯l̥k$^{u̯}$os* (через герм. **wulhwa-?*). Это имело бы в свою пользу и типологическое правдоподобие, ср. известные субституции *f/xv* в славянских диалектах.

Следуя за Френкелем, Станг сближает (стр. 86) со слав. *skokъ*, *skakati* не однозначное лит. *šókti*, а лит. диал. *kuokìnė* 'вечеринка с танцами', которое якобы образовано от несохранившегося **kuokas* 'прыжок, пляска, танец'. Однако, вместо того, чтобы прибегать к сомнительным реконструкциям, кажется проще по аналогии отношений лит. *daubà: duobẽ*, *taupýti*: *tuopýti* поставить форму *kuokìnė* в такой же апофонический ряд с *kaũkas* 'домовой, гном' или *káukė* 'маска', откуда производное *kuokìnė* получает первоначальную внутреннюю форму 'вечеринка с ряжеными'.

О. Н. Трубачев

F. Sławski.

Słownik etymologiczny języka polskiego.
T. IV, zeszyt 4(19):
lodnica — łabędź. Kraków, 1973

Новый выпуск словаря содержит окончание буквы *L* и начало *Ł*. Работа насыщена большим лексическим материалом, привлечены новые публикации по лексикографии других славянских языков, например белорусские диалектные словари Белькевича (могилевский) и Сцяшкович (гродненский), а также по этимологии (новый английский этимологический словарь Клейна, книга Станга о славяно-балто-германских лексических соответствиях).

По-прежнему чувствуется стремление автора к избыточной этимологической информации, даже если речь идет об относительно свежих иностранных заимствованиях в польском и других славянских языках (таких иностранных слов немало в рецензируемом выпуске: *lokalizacja*, *lokalizować*, *lokator*). В этимологическом отношении большинство статей выпуска представляют собой критическое аннотирование и реферирование уже известных в науке этимологий. Насколько нам известно, впервые в своем словаре Славский прибег в настоящем выпуске к реконструкции как к заглавному слову словарной статьи: **lucień* 'февраль' (стр. 362). Это практикуется время от времени в других этимологических словарях славянских языков.

Как и при обсуждении предыдущих частей словаря Славского, при рецензировании нового выпуска 19-го наше внимание привлекает, пожалуй, не столько этимология и этимологический анализ, сколько вспомогательные аксессуары этимологического исследования и лексикографии: словарная трактовка словообразовательно-этимологических групп и других разрядов лексики, направление словообразовательных процессов и адекватное освещение их в словаре. Считая эти проблемы наиболее актуальными, мы предпочли остановиться именно на них, опуская в своей рецензии подробную критику некоторых (правда, немногих) уязвимых моментов другого характера (например, на стр. 397 диал. *łaba* 'лапа' прямо определяется как вариант *łapa*, вопреки недвусмысленному свидетельству лингвистической географии — Спиш, Силезия, а также словацкие и западноукраинские (лемковские) диалекты, — которое заставляет искать связей в направлении венг. *láb* 'нога', как это и предполагалось раньше, а теперь может быть осмыслено в духе новых исследований карпатского языкового ареала).

Что касается словарной трактовки словообразовательных связей Славским, то можно отметить, что некоторые статьи выпуска носят своеобразный псевдогнездовой характер. Так, в статье о слове *lodownia* 'ледник, погреб со льдом для хранения продовольствия' (стр. 322) дается не только обзор соответствий этому польскому слову с констатацией в итоге севернославянского **ledovьnja* 'помещение для льда', производного от праслав. **ledovъ* 'ледовый', но также — уже избыточно — дается обзор славянских продолжений этого последнего, с указанием исходной формы **ledъ*. Далее, в этой же статье *lodownia* обстоятельно освещается непосредственно с заглавным словом не связанное, самостоятельное производное от *lodowy* — *lodówka* и все его соответствия. Вслед за этим помещена сугубо отсылочная статья *lodowy*, *lodówka* см. *lodownia*. При всех своих недостатках, гнездовой способ расположения словарного материала имеет свои правила, оправдывающие его применение в лексикографии. Из них важнейшим является помещение производящего слова в качестве заглавного слова гнездовой словарной статьи и соответственно производных слов — в качестве отсылочных словарных позиций. Наблюдаемая нами на этот раз лексикографическая практика, кажется окончательно лишает всякого смысла упомянутый гнездовой способ, к тому же, вообще не характерный для словаря Славского с его четко расчлененным словником.

В еще более затруднительное положение попадает автор, когда пытается однозначно охарактеризовать направление словопроизводного процесса, начало которого в действительности далеко выходит за рамки собственно славянского и там, в праиндоевропейской древности, также остается довольно двусмысленным. Так, на стр. 353 читаем, что праслав. **ljubiti* 'любить' — отыменное производное от праслав. **ljubъ* (эту точку зрения автор продолжает вслед за Бернекером, Мейе, Фасмером и др.). На стр. 361 праслав. **ljubъ* 'милый, любимый' возводится к и.-е. **leubhos* то же, которое, в свою очередь, производится от и.-е. **leubh-* 'любить', т. е. глагольной основы: др.-инд. *lúbhyati* 'желает, жаждет', лат. *libet*, *lubet* '(мне) нравится, угодно', что также в общем отражает мнение ряда ученых, перечень имен которых прилагается. Правильна ли эта ретроспективная характеристика данной глагольно-именной пары или, может быть, здесь создался своеобразный порочный круг (глагол ← имя ← глагол)? Ведь типологически вполне допустимо, что парные отношения вроде **l'ubъ* — **l'ubiti* старше собственно славянского языкового состояния. Это вероятно как со стороны семантики парных значений 'милый, любимый' — 'любить', так и со стороны формы, потому что ничто не мешает нам видеть в формальных отношениях праслав. **l'ubъ* — **l'ubiti* наследие индоевропейских отношений **leubhos* — **leubheį̯e-*. О том же говорят такие факты как лат. *lubīdō*, *libīdō/-inis* ж. р. 'жажда, желание, охота', свидетельствующее о существовании и.-е. **lubheį̯ō*/**leubheį̯ō* 'любить, желать' с глагольной основой на *-eį̯-/-ī-*, ср. лат. *cupīdō/-inis* ж. р. 'желание, жажда', *cupiō*, *cupīvī*, *cupītum* 'желать (страстно)' < **kupī-*. Ср. Walde — Hofmann I, 793 (ссылка на который, кстати сказать, отсутствует в соответствующих статьях словаря Славского).

О. Н. Трубачев

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БД	Българска диалектология, I—VI. София, 1962—1971.
БЕР	Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, И. Заимов, Ст. Илчев. Св. I—VIII. София, 1962—1971.
Богораз	В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. — Сб. ОРЯС 68, № 4, 1901.
Брянские говоры	Брянские говоры. Материалы и исследования по диалектологии. (К изучению брянских говоров). Л., 1968. «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 325.
БСЭ^{2}	Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. т. 1—51; Алфавитный указатель к 2-ому изданию, 1—2. М., 1949—1960.
БТР	Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник, София, 1955.
Бурнашев	В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря, т. I—II. СПб., 1843.
Бялькевіч	I. К. Бялькевіч. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Минск, 1970.
Варшавский словарь	J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, I—VIII. Warszawa, 1904—1927 (1952—1953).
Васнецов	Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
Гарэцкі	М. Гарэцкі. Беларуска-расійскі слоўнічак. Менск, 1925.
Геров	Н. Геров. Рѣчник на блъгарский языкъ, I—V. Пловдивъ, 1895—1904.
Гринченко	Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, I—IV. Киев, 1907—1909.
Даль^{2}	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 2. М., 1880—1882 (1955).
Даль^{3}	В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV. Изд. 3. М., 1903—1909.
Деулинский словарь	Словарь современного русского народного говора (д. Деулино). Под. ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Добровольский	В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Доп(олнение) к Опыту	Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб, 1858.
Иванова, Подмоск.	А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Конески	Б. Конески. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Скопје, 1961, 1965, 1966.
Картотека БАС	Картотека «Словаря современного русского литературного языка» (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР)
Картотека МДА	Материалы Диалектологического атласа русских народных говоров. Рукопись. Ин-т русского языка АН СССР. М.
Картотека ДРС	Картотека «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (Институт русского языка АН СССР)
Картотека XVIII в.	Картотека «Словаря русского языка XVIII века» (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР).
Картотека СРНГ	Картотека «Словаря русских народных говоров» (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР).
Куликовский	Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
Курило	О. Курило. Матеріяли до української діалектології та фольклористики. Київ, 1928.
Лексика Полесья	Лексика Полесья. М., 1968.
Мельниченко	Г. Г. Мельниченко. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль. 1961.
Миртов	А. В. Миртов. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.
Младенов	С. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
Мука	Э. Мука. Словарь нижнелужицкого языка, I—II. Пг., 1921—1928.
Московљевић	М. С. Московљевић. Речник руског и српскохрватског езика. Београд, 1963.
Носович	И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб, 1870.
Опыт	Опыт областного великорусского словаря. СПб, 1852.
Подвысоцкий	А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1885.
Преображенский	А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, I—II, М., 1910—1914; Окончание — «Труды ИРЯ», I, М., 1949.
Расторгуев	П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
РБЕ	Речник на съвременния български книжовен език. Главен редактор акад. Ст. Романски. Св. I—XIV. София, 1954—1959.
Словарь Калининской области	Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
Словарь Оби	Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. I—III., Томск, 1964, 1965, 1967.
Сл. Сред. Урала	Словарь русских говоров Среднего Урала, I—II — . Свердловск, 1964, 1971.
Соликам. словарь	О. П. Беляева. Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
Срезневский	И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I—III. СПб. 1893—1903.
Сцяшковіч	Т. Ф. Сцяшковіч. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Толстой[1]	И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1957.

Тупиков — Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб, 1903.
Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, I—IV. М., 1964—1973.
Филин — Словарь русских народных говоров. Под редакцией Ф. П. Филина, I—X, Л., 1966—1974.
Юрчанка — Г. Юрчанка. Дыялектны слоўнік (з гаварак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.
Янкоўскі — Ф. Янкоўскі. Дыялектны слоўнік. II. Мінск, 1960.
Berneker — E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. A—mor. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj. Eseji. — F. Bezlaj. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Brückner — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1957.
Fraenkel — E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, 1—18. Heidelberg—Göttingen, 1955 и сл.
Frisk — Hj. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1—22. Heidelberg, 1954—1970.
Gebauer — J. Gebauer. Slovník staročeský, I—II. Praha, 1903—1916.
Holub—Kopečný — J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovníka jazyka českého. Praha, 1952.
Iveković—Broz — F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Jungmann — J. Jungmann. Slovník česko-německý, I—V. Praha, 1835—1839.
Karłowicz — I. Karłowicz. Słownik gwar polskich, I—VI. Kraków, 1900—1911
Kluge—Götze — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15 neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.
Kotnik — J. Kotnik. Slovensko-angleški slovar. Ljubljana, 1959.
Kott — F. Št. Kott. Česko-německý slovník, I—VII. Praha, 1878—1893,
Linde — S. Linde. Słownik języka polskiego, I—VI. Lwów, 1854—1860.
Lorentz Sl. Wb. — Fr. Lorentz. Slovinzisches Wörterbuch, I—II. St. Petersburg, 1908, 1912.
Machek [1] — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek [2] — V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968; Praha, 1971.
Malina Mistř. — J. Malina. Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 10).
Mayrhofer — M. Mayrhofer. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, 1—22. Heidelberg, 1953—1970.
Miklosich — F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich LP — F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1886.
Muka — E. Muka. Słownik dolnoserbskeje rěcy, I—II. Петроград, 1921, 1928.
Pfuhl — Dr. Pfuhl. Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
Pleteršnik — M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Pokorny — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Bern, 1949—1959.

PSJC	Přiruční slovník jazyka českého, I—IX. Praha, 1935—1957.
RJA	Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XV — . Zagreb, 1880—1956.
Sadnik—Aitzetmüller	L. Sadnìk, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. 1—6. Wiesbaden, 1963—1973.
Skok	P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—II. Zagreb, 1971—1972.
Sławski	F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, 1—18. Kraków, 1953—1972.
Slovnik jaz. stsl.	Slovník jazyka staroslověnského, 1—10. Praha, 1958—1965.
SSJ	Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied, I—VI. Bratislava, 1959—1968.
Svěrák. Karlov.	F. Svěrák. Karlovické nářečí. (= Sborník vědeckých prací vyšší pedagogické školy v Brně, sv. 2). Praha, 1957.
Sychta	B. Sychta. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej, I—IV. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967—1970.
Trautmann BSW	R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Trávníček	Fr. Trávniček. Slovník jazyka českeho. Praha, 1952.

ВЯ	Вопросы языкознания
ЖМНП	Журнал Министерства Народного Просвещения
ЖСт	Живая Старина
Изв. ОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности
РФВ	Русский Филологический Вестник
СбНУ	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина.
AfslPh	Archiv für slavische Philologie
ANF	Arkiv för nordisk filologi
BB	Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen herausgeg. von A. Bezzenberger
IF	Indogermanische Forschungen
IJAL	International Jornal of American Linguistics
JiS	Jezik in Slovstvo
KZ	Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LF	Listy Filologické
MSL	Mémoires de la Société de linguistique de Paris
PF	Prace Filologiczne
RES	Revue des études slaves
RJ	Romanistisches Jahrbuch
SR	Slavistična Revija
WdS	Die Welt der Slaven
ZfS	Zeitschrift für Slawistik

Языки и диалекты

авест.	авестийский	афг.	афганский
австр.	австрийский	бавар.	баварский
азерб.	азербайджанский	бад.	бадахшанский
алб.	албанский	балзем.	верхнебальский
англ.	английский	башк.	башкирский
араб.	арабский	бенг.	бенгали
арм.	армянский	блр.	белорусский
арханг.	архангельский	бойк.	бойковский

болг.	болгарский
брест.	брестский
брет.	бретонский
брян.	брянский
буков.	буковинский
бурят.	бурятский
валаш.	валашский
валл.	валлийский
вандж.	ванджский
вахан.	ваханский
вед.	ведийский
великорус.	великорусский
венг.	венгерский
вепс.	вепсский
влад.	владимирский
в.-луж.	верхнелужицкий
волог.	вологодский
вост.-слав.	восточнославянский
вост.-словин.	восточнословинский
вост.-фриз.	восточнофризский
вят.	вятский
галиц.	галицкий
греч.	греческий
гродн.	гродненский
груз.	грузинский
гудж.	гуджарати
гуцул.	гуцульский
дарв.	дарвазский
донск.	донской
др.-англ.	древнеанглийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-греч.	древнегреческий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-иран.	древнеиранский
др.-исл.	древнеисландский
др.-перс.	древнеперсидский
др.-прусск.	древнепрусский
др.-русск.	древнерусский
евр.	еврейский
закарп.	закарпатский
и.-е.	индоевропейский
иран.	иранский
ирл.	ирландский
ирон.	иронский
исл.	исландский
казах.	казахский
калин.	калининский
калм.	калмыкский
калуж.	калужский
камск.	камский
карачаев.	карачаевский
карел.	карельский
каш.	кашинский
кашуб.	кашубский
кельт.	кельтский
кетск.	кетский
кимр.	кимрский
кинеш.	кинешемский
кирг.	киргизский
клад.	кладский
колым.	колымский
костр.	костромской
кубан.	кубанский
кул.	кулябский
кум.	кумауни
курск.	курский
ла.	лахнда
лазск.	лазский
лат.	латинский
лашх.	лашхский
лезг.	лезгинский
лемк.	лемковский
лит.	литовский
лтш.	латышский
ляш.	ляшский
мад.	мадаглашти
мазур.	мазурский
макед.	македонский
манс.	мансийский
мар.	марийский
матч.	матчинский
мегрел.	мегрельский
могил.	могилевский
мокш.	мокшанский
молд.	молдавский
монг.	монгольский
морав.	моравский
морд.	мордовский
мундж.	мунджанский
нем.	немецкий
неп.	непали
н.-луж.	нижнелужицкий
новг.	новгородский
норв.	норвежский
обск.	обский
олон.	олонецкий
орл.	орловский
осет.	осетинский
оск.	оскский
о.-слав.	общеславянский
осташк.	осташковский
панд.	панджаби
пар.	парачи
паш.	пашаи
перм.	пермский
перс.	персидский
подкарп.	подкарпатский
подмоск.	подмосковный
полаб.	полабский
полесск.	полесский
польск.	польский
праслав.	праславянский
прилуц.	прилуцкий
псков.	псковский
рог.	рогский
родоп.	родопский
роман.	романский
ростов.	ростовский
рум.	румынский

русин.	русинский
русск.	русский
русск.-ц.-слав.	русский церковнославянский
сангл.	сангличи
санскр.	санскрит
сарат.	саратовский
севск.	севский
серб.	сербский
сев.-в.-русск.	северновеликорусский
сиб.	сибирский
симб.	симбирский
синд.	синдхи
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
согд.	согдийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ст.-русск.	старорусский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-чеш.	старочешский
с.-хорв.	сербохорватский
тадж.	таджикский
тамб.	тамбовский
татар.	татарский
твер.	тверской
терск.	терский
тихв.	тихвинский
томск.	томский
тульск.	тульский
тур.	турецкий
туркм.	туркменский
тюрк.	тюркский
угор.	угорский
узб.	узбекский
укр.	украинский
урал.	уральский
фин.	финский
франц.	французский
хант.	хантыйский
хинд.	хиндустани
хорв.	хорватский
ц.-слав.	церковнославянский
череп.	череповецкий
черномор.	черноморский
чеш.	чешский
чуваш.	чувашский
шаарт.	шаартузский
шугн.	шугнанский
эвенк.	эвенкийский
эрз.	эрзянский
юж.-касп.	южнокаспийский
ягн.	ягнобский
язг.	язгулямский
яросл.	ярославский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Этимология.
1974

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Технический редактор *Т. Д. Панасюк*
Корректоры *Н. С. Биргер, М. В. Бортгова*

Сдано в набор 24/VI 1975 г. Подписано к печати 11/XII 1975 г.
Формат 60×90 1/16. Бумага № 2. Усл. печ. л. 12.
Уч. изд. л. 14,5. Тираж 2900. Тип. зак. 459.
Цена 97 коп.

Издательство «Наука»
ГСП 103717 Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука»
199034 Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12